

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 1

(№82)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 12,875

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 1

(№82)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

- Сторчак В.М., Авакян Д.А.** Психологические аспекты обращения «нового человека» в религиозной традиции.....14
- Аксютина З.А.** Категориальный анализ религиозного воспитания.....23
- Шкурлятьева Д.А.** Музыкальное служение лютеранской церкви как отправная точка межконфессионального и межрелигиозного диалога.....29

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Маруфенко Е.В., Данилова А.В.** К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки.....36
- Чжан Кай, Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Пыркова Т.А., Яценко О.Ю.** Распространение и влияние литературной мысли Ф.М. Достоевского в Китае.....43

СОЦИОЛОГИЯ

- Данакин Н.С., Конев И.В.** Принципы и методы деэскалации организационных конфликтов.....49
- Кравченко В.И.** Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи.....56
- Буковцова Т.Н.** Институциональные методы регулирования организационных конфликтов.....65
- Ван Синьцзы** Диалог культур в системе межэтнического и межконфессионального взаимодействия: проблемы и решения.....71
- Глазкова Л.А.** Переменные организационного конфликта как объекта управления.....78
- Гоу Юйюань** Особенности совместной деятельности семьи, школы и общественности в КНР и Азербайджанской Республике (сопоставительный анализ).....84

Янчев Д.В. Отношение студентов к обучению в Дальрыбтвузе.....	90
Слепцова Г.Н. Проблема изучения и сохранения языкового и культурного наследия коренных народов севера.....	97
Мальцева И.В., Мальцев Д.С. Влияние адаптации на профессионально-трудовую социализацию личности и сохранение кадрового ядра организации.....	104
Кудашкин А.И. Превентивная технология противодействия организационным конфликтам.....	111
Буковцова Т.Н. Технологии трансформации организационного конфликта.....	117
Иванов М.С. О миграционной политике западных стран.....	123
Казаков В.А., Мыльникова Е.М., Кудина М.В., Шардакова И.С. Факторы трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики.....	130

ФИЛОСОФИЯ

Кравченко В.И., Козлова О.Ю. Использование маркетинговых возможностей искусственного интеллекта в гармонии с эффективностью и аутентичностью.....	139
Лукинова И.А. Человек и общество как части современного Целого.....	148
Печерских С.П. О современных подходах к пониманию философской категории «отчуждение».....	154
Попов С.И. Удвоение мира как «архитектурный» принцип метафизики.....	161
Сирич С.А. Правовой нигилизм, логика и правосознание: когнитивный анализ.....	169
Гирник М.Н. Природа самоорганизации общества: некоторые основания и следствия.....	175
Дружкин С.М. Рут Маклин и ее влияние на формирование современной биоэтики в Латинской Америке.....	183
Аннотации	190
Авторы	203

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

<i>Storchak V.M., Avakyan D.A.</i> Psychological aspects of the conversion of the «new man» in the religious tradition.....	14
<i>Aksyutina Z.A.</i> Categorical analysis religious upbringing.....	23
<i>Shkurlyateva D.A.</i> The music ministry of the Lutheran Church as a starting point for interconfessional and interreligious dialogue.....	29

CULTURAL STUDIES

<i>Marufenko E. V., Danilova A. V.</i> On the issue of performing mastering the style of baroque keyboard music.....	36
<i>Zhang Kai, Nevraeva N.Y., Kabanov A.M., Pyrkova T.A., Yatsenko O.Y.</i> The spread and influence of F.M. Dostoevsky's literary thought in China.....	43

SOCIOLOGY

<i>Danakin N.S. Konev I.V.</i> Principles and methods of de-escalation of organizational conflicts.....	49
<i>Kravchenko V.I.</i> Missed opportunity syndrome (FOMO) as a problem of socialization of modern youth.....	56
<i>Bukovtsova T.N.</i> Institutional methods of regulating organizational conflicts.....	65
<i>Wang Xinzi</i> Dialogue of cultures in the system of interethnic and interfaith interaction: problems and solutions.....	71
<i>Glazkova L.A.</i> Variables of organizational conflict as an object of management.....	78
<i>Gou Yuyuan</i> Features of joint activities of family, school, and community in the PRC and the Republic of Azerbaijan (comparative analysis).....	84
<i>Yanchev D.V.</i> The attitude of students to studying at the Dalrybtuz.....	70

Sleptsova G.N. Problem of studying and preserving the linguistic and cultural heritage of the indigenous peoples of the North.....	97
Maltseva I.V., Maltsev D.S. The influence of adaptation on the professional and labor socialization of the individual and the preservation of the personnel core of the organization.....	104
Kudashkin A.I. Preventive technology of counteraction to organizational conflicts.....	111
Bukovtsova T.N. Technologies for transforming organizational conflict.....	117
Ivanov M.S. On the migration policy of Western countries.....	123
Kazakov V.A., Mylnikova E.M., Kudina M.V., Shardakova I.S. Factors of labor motivation in the terms of sociological diagnostics.....	130

PHILOSOPHY

Kravchenko V.I., Kozlova O.Yu. Harnessing the marketing power of artificial intelligence in harmony with efficiency and authenticity.....	139
Lukinova I.A. Man and society as parts of the modern Whole.....	148
Pecherskikh S.P. About modern approaches to understanding the philosophical category of «alienation».....	154
Popov S.I. Doubling the World as an «architectural» Principle of metaphysics.....	161
Sirin S.A. Legal nihilism, logic and legal consciousness: cognitive analysis.....	169
Girnik M.N. The nature of society's self-organization: some reasons and consequences.....	175
Druzhkin S.M. Ruth Mclean and her influence on the formation of modern bioethics in Latin America.....	183
Abstracts	197
Authors	205

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Сторчак В.М.

Доктор философских наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Авакян Д.А.

Кандидат политических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (НИУ «МЭИ»).

**Психологические аспекты обращения
«нового человека» в религиозной традиции***

Аннотация. Статья посвящена такому уникальному социальному феномену как религиозное пробуждение, обращение и возрождение религиозной или квазирелигиозной личности. Большое внимание в статье обращено как на христианские источники, так и на источники Новых религиозных движение (НРД). В процессе их изучения были выделены характерные черты переродившегося «нового человека». Особое внимание было направлено на конверсионные изменения сущностных основ физиологии неопита.

Ключевые слова: религия, квазирелигия, обращение, неопит, психология, «новый человек».

Storchak V.M.

*Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

Avakyan D.A.

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor.
National Research University "Moscow Power Engineering Institute".*

**Psychological aspects of the conversion
of the “new man” in the religious tradition**

Abstract. The article is devoted to such a unique social phenomenon as religious awakening, conversion and rebirth of a religious or quasi-religious personality. Much attention is paid in the article to both Christian sources and sources of New Religious Movements (NSD). In the process of studying them, the characteristic features of the reborn “new man” were highlighted. Special attention was paid to conversion changes in the essential foundations of neophyte physiology.

Key words: religion, quasi-religion, conversion, neophyte, psychology, “new man”.

Апостольское преображение в Новом Завете в сакральном смысле зависит от приятия ими Духа Святого, который был ниспослан им в день Пятидесятницы:

* © Сторчак В.М., Авакян Д.А., 2025.

Психологические аспекты обращения «нового человека» в религиозной традиции

И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святого, начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать (Деян. 2:2-4).

Обретение апостолами Духа Святого сулило им обладание определёнными дарами: мудрости, знания, веры, исцеления и др.:

И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки (1 Кр 12:28).

Но ещё раньше, т.е. до деяний апостолов, вскоре после воскресения Христа, в Евангелии говорится о том, что апостолы получили от него дары Духа Святого:

- Как Меня послал Отец,
так и Я посылаю вас.

И с этими словами Он дунул на них и сказал:

- Примите Дух Святой!
Кому простите грехи,
тому будут прощены,
а на ком оставите,
на тех останется грех (Ин 20:21-23).

Святого Духа Христос называет Утешителем и Духом истины (Ин 15:26). Он есть тот, кто укреплял души и умы апостолов, кто стал для них Божественным Просветителем. Укреплённые Им, они не страшались потом ни темниц, ни оков, ни смерти ради Господа. В последствие, по установившейся христианской традиции, Дух Святой совершает *второе рождение* человека в момент его крещения. По мнению учителя Церкви

Новациана, Святой Дух, будучи как бы «Семенем нового Божественного рода» и «Освятителем небесного рождения», делает верующего храмом Божиим; Он обитает в их телах и совершает их освящение: «Ибо в Нём и Им наши тела совершенствуются, чтобы достичь бессмертия, учась умело управлять собой в согласии с Его заповедями. Он – Тот, Кто желает противного плоти, потому что плоть противится Ему. Он – Тот, Кто укрощает ненасытные желания, обуздывает неумеренные вожделения, угашает недозволенный любовный пыл, побеждает распалённые страсти, отвращает от пьянства, изгоняет жадность, избегает роскошных пиршеств, ограничивает привязанности, обуздывает чувства, ниспровергает секты, содействует правилу истины, сокрушает еретиков, изгоняет порочных, охраняет Евангелия»¹.

Приятие Духа Святого говорит о том, что апостолы отличны от других людей, что они «не от мира сего»: «Они не из этого мира, / как и Я не из этого мира, ... / И как Ты послал Меня в мир, / так и Я их послал в этот мир, / ...Пусть же все они будут едины и пусть они будут в нас, / как Ты пребываешь во Мне, а Я пребываю в Тебе» (Ин 17:16-21).

В Послании к римлянам апостол Павел говорит об «обновлённой жизни» последователей Иисуса Христа; перед нами уже не «ветхозаветный человек» с его родимым пятном первородного греха («рабы греха») (Рм 6:5-7), а «новозаветный человек», неподвластный греху:

¹ Новациан. О Троице // Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 1. Церковная письменность доникейского периода (I – начало IV вв.) – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. С. 329.

Грех не должен над вами господствовать,
ибо вы не под законом, но под благодатью.
Что же? Станем ли грешить, потому что мы не под законом,
а под благодатью? Никак (Рм 6:14-15).

Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание,
Ни необрезание, а новая тварь (Еф 6:15).

В Послании к Коринфянам история человечества уже делится на два периода:

Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущего»;
а последний Адам есть дух животворящий.
Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.
Первый человек – из земли, перстный;
второй человек – Господь с неба.
Каков перстный, таковы и перстные;
и каков небесный, таковы и небесные.
И как мы носили образ перстного,
будем носить и образ небесного (1 Кр 15:45-49).

Итак, кто во Христе, то новая тварь;
Древнее прошло, теперь всё новое (2 Кр 5:17).

Первородный грех и грехи еврейского, когда-то богоизбранного народа, создала проблему **Отчуждения** человека от Бога. Язычники, словами апостола, были отчуждены вдвойне, поскольку они, «необрезанные», были ещё «отчуждены» и от общества Израильского и были чужды заветов обетования:

А теперь во Христе Иисусе, бывшие некогда далеко,
стали близки Кровию Христовою.
Ибо Он есть наш мир, соделавший из обоих одно
и разрушивший стоявшую посреди преграду,
упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением,
дабы их двух создать в Себе Самом нового человека, устрояя мир...
Итак, вы уже не чужие и не пришельцы,
но сограждане святым и свои Богу,
быв утверждены на основании Апостолов и пророков,
имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем... (Еф 2:11-20).

Важная сущностная составляющая «нового человека», в отличие от эгоистичного «ветхого человека», который жил для себя, заключается в том, что он живёт для других («один за всех и все за одного»):

Ибо любовь Христова объемлет нас,
Рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли.
А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили,
Но для умершего за них и воскресшего (2 Кр 5:14-15).

«Новый», «преображённый» человек, быв некогда «тьмой», и став «чадом света», должен преобразиться не только в духовном, но и в мирском плане. Он должен руководствоваться в своей жизни исключительно нравственными принципами: не лгать, не гневаться, не оскорблять, не раздражаться и т.п. «Новые люди» должны быть добры и сострадательны, прощая вольные или невольные обиды, живя в любви друг к другу (Еф 4:22-32; 5:102).

Обращение, возрождение, обретение благодати и веры, достижение внутреннего мира - всё это, таким образом, есть выражение процесса обретения «нового человека» в истории христианской жизни, благодаря которому раздвоенная, расколота надвое, потерявшая внутреннее согласие и осознающая себя недостойной и несчастной душа приходит к внутреннему согласию и объединению, к осознанию своей праведности и к ощущению счастья. Она находит твёрдую опору в своей вере. Таков общий смысл понятий «обращения» и «преображения», причём, как показывает исследование, безотносительно к тому, традиционно верующий это человек или неверующий, атеист. Для такого перерождения необходима лишь вера в сакральные религиозные или квазирелигиозные силы, посредством которых и происходит такого рода обращение, возрождение и перерождение из «ветхого» в «нового» человека.

Обращение неофита приводит к кардинальным изменениям в его, прежде всего, психологической картине мира. Им достигаются новые вершины духовной жизни - «смысла живая основа», где невозможное до этого становится возможным, где появляются новые силы и новые возможности и стремления:

...И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро от зла.

(Н. Заболоцкий «Бетховен»)

Личность стала иной, «переформатированной», человек *родился вновь*. Примером тому служит сам Иисус Христос. Фундаментальное противостояние старого и нового, прошлого и настоящего, традиции и творческого акта находит отражение в объяснении происхождения самого Иисуса. Как сын Марии и непосредственное творение Духа Божьего, Иисус не имеет связи с прошлым - он не принадлежит истории Израиля. Включается он в неё через усыновление Иосифом, чья родословная ведёт к ветхозаветному Аврааму. Поэтому Иисус - одновременно и Сын Давида - Мессия Израиля, приходящий из прошлого, и Сын Божий - Сын человеческий, ожидаемый в будущем. Как новое творение Бога, новый Адам, он - воплощение и начало новой человечности².

Последователи Христа сравниваются апостолами с «новым тестом», «опресноками чистоты и истины», очищенным от «старой закваски» порока и лукавства (1 Кр 5:7-8). Причём, сами апостолы несут в себе, в отличие от их последователей, ещё более тяжкий крест:

Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человека.

Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.

Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, скитаемся, и трудим-

2 См.: Тищенко С.В. Основные интерпретации МФ // Канонические евангелия. - М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 200.

ся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне (1 Кр 4:9-13).

Христианизация, обновление человека, с точки зрения апостолов, есть процесс перерождения не просто из «ветхого» в «новозаветного человека», но, в антропософском смысле, из «тела душевного» в «тело духовное»:

Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущего»; а последний Адам есть дух животворящий.

Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.

Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба.

Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные

И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного (1 Кр 15:44-49).

Апостол Павел сравнивает нового, обновлённого человека с «новой тварью» (2 Кр 5:17; Гл 6:15), облечённой в некое «внутреннее» содержание, которое обновляется день ото дня, в отличие от старого, «внешнего» содержания, находящегося на стадии постоянного «тления», т.е. уничтожения (2 Кр 4:16).

Акт грехопадения сродни для Апостола Павла, как уже было подчёркнуто выше, с моментом *отчуждения* человека о чего-то главного и важного в его существовании, которое теперь становится бессмысленным и обречённым. «Ветхозаветный человек», будучи «помрачённый в разуме» и по этой причине «отчуждённый от жизни Божьей» (Еф 4:18), отрывается от своих духовных корней и вовлекается в пучину стихийного и непредсказуемого путешествия по безбрежным просторам

мирового житейского океана. Грешный человек теперь лишь пушинка, оторванная от земли и уносимая ветром в бескрайние просторы своего земного бытия. Христос, а потом и его апостолы прерывают эту череду бессмысленного бытийного существования и всё возвращают на круги своя:

Итак, помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемыми обрезанными плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, *отчуждены* (курсив мой. – В.С.) от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире.

А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою.

Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих (*миров.* – В.С.) одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, и упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём.

И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеют доступ к Отцу, в одном Духе.

Итак, *вы уже не чужие и не пришельцы* (курсив мой. – В.С.), но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем (Еф 2:11-20).

Новообращённые, таким образом, благодаря апостольскому служению «совлекают» с себя «ветхозаветного человека» и «облекаются в нового человека, созданному по Богу, в праведности и святости истины». Вместе с тем, помимо обновления, неофиту в качестве

«чада света» предлагается нести слово Божье всему миру в качестве его социально-религиозного служения:

Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему,

потому что мы члены друг друга (Еф 4:25).

Чувство обращённого неопита варьируется от чувства единства со вселенной до постижения глубин новых истин, перевернувших всю его жизнь. Так, обращённые в веру «Церкви Объединения» доктора Муна или же обращённые в веру одной из восточных сциентических церквей так передавали своё новое мироощущение:

Когда я в первый раз услышал слова «сделай вывод», я пережил *новое рождение* (курсив мой. – В.С.), совершенно опьяняющее любовью и радостью, я даже вдохновил моих родителей идеей Бога. Практически всю неделю после моего второго рождения я постоянно говорил о Боге. Мои родители думали, что я сошёл с ума. Но на самом деле я был просто преисполнен духа, счастлив, я пел и был полон любви. Удивительное переживание, я до сих пор чувствую его³.

Я почувствовал в голове какую-то странную силу. Я чувствовал, что от махатмы (*гуру*. – В.С.) на меня как будто движется волна энергии. Я был наполнен любовью. Это была чистая, сильная любовь. И она становилась всё сильнее. Я чувствовал себя, как чувствует себя, наверное, ветхий дом, готовый обрушиться под штормовым ветром. Я думал, что не смогу этого вынести. По моим щекам текли слёзы. Чувства перевыполняли меня⁴.

3 Цит. по: Баркер А. Новые религиозные движения: практическое введение / А. Баркер. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 28.

4 Там же.

Сам по себе факт обращения и выбор человеком нового образа жизни говорит о том, что в нём произошли существенные перемены. В одной из религиозных книг, представленных в исследовании одного из известных специалистов НРД Ален Баркер, обращение было представлено следующим образом: «Смерть и новое рождение, отвращение от тьмы, чтобы идти к свету, сбрасывание своего старого «я» и облачение в новое»⁵. По мнению представителя «перерожденческого» движения ривайвализма XIX века в Англии и США пуританина Джозефа Аллайна, обращение не представляет собою простого включения святости в жизни человека: «При истинном духовном перерождении святость вплетается во все настроения, мысли и дела. Истинный христианин подобен зданию, перестроенному от фундамента до кровли. Это новый человек, новое творение»⁶. Билли Брэй, малообразованный английский евангелист, так описывал своё чувство обновлённости всего мира: «Я вспоминаю, что всё казалось мне новым, люди, поля, стада, деревья. Я был как бы новый человек в новом мире»⁷.

Рождённые заново неопиты делаются иными, чем прежде: они перестают употреблять спиртные напитки, курить, сквернословить и распутничать:

Я так горячо желал служить Христу, проповедуя Евангелие, что не мог оставаться в покое; мне хотелось сейчас же отправиться и поведать миру о чудесах искупительной любви. Я потерял вкус к плотским удовольствиям и светским собраниям, настолько, что мне совсем нетрудно было отказаться от них.

5 Там же. С. 33.

6 Цит. по: Джеймс У. Многообразие религиозного общества / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. С. 180.

7 Цит. по: Там же. С. 196.

Вскоре молодой Аллайн, без других наставников, кроме Библии и своего опыта, стал проповедником христианства, и с той поры жизнь его, по её подвижнической суровости и царящему в ней единству его, по её подвижнической суровости и царящему в ней единству настроения, можно поставить наряду с жизнью самых благочестивых праведников⁸.

Получение *нового естества* (глаза, уши, сознание) – важное психологическое составляющее «вновь рождённого» человека:

Глаза – это светильник для человека.
И если глаза здоровы, весь человек полон света,
и если глаза испорчены, человек весь окутан тьмой.
А если свет, который в тебе, – тьма,
то какова тогда тьма?! (Мф 6:22-23)

Истинно верующий и глубоко её переживающий обращённый и слышит, и видит по-особому, не так как адепт официальной, «умершей» религии:

Я потому говорю с ними (*фарисеями*. – В.С.) иносказаниями, что ни смотрят – и не видят,
слушают – и не слышат и не понимают.

Так исполнилось над ними пророчество Исаяи, гласящее:

«Ушами будете слушать и не поймёте,
глазами смотреть – и не увидите.
Заплыло жиром сердце этого народа,
туги они стали на ухо,
и сомкнулись у них глаза.
А иначе глазами увидели бы,
и ушами услышали бы,
сердцем понял бы».

...Вашим глазам посчастливилось – он видят,
и ушам посчастливилось – они слышат.
Поверьте, много пророков и праведников
хотели увидеть то, что видите вы,
но не увидели
и услышать то, что слышите вы,
но не услышали. (Мф 13:13-17)

Такую же трансформацию нового естества получают неопиты, причём зачастую в независимости от их вероисповедания. Это характерно как для представителей традиционных, так и новых, нетрадиционных конфессий. Этот же феномен характерен и для социально ориентированных личностей, связанных с людьми религиозных реформаций или революционно настроенных преобразований:

Я знаю только, что в одно мгновение пелена спала с моих глаз, и не одна пелена, а целое множество их, которые закрывали от меня свет. Они быстро исчезали одна за другой, как тает туман и лёд под лучами палящего солнца.

⁸ Цит. по: Джеймс У. Многообразие религиозного общества / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. С. 174.

Я как бы вышел из гробницы, из бездны тьмы, живым и невредимым. Но я плакал, ибо на дне пропасти видел то жалкое состояние, от которого меня спасло безграничное милосердие Бога. Я отшатнулся при воспоминании о своём прежнем несовершенстве, покорённый, умилённый, поражённый изумлением и благодарностью. Вы удивитесь, как пришёл я к этим новым прозрениям, так как я ведь ни разу не открывал ни одной религиозной книги, не прочёл ни одной страницы Св. Писания. ...Знаю только, что я вошёл в церковь, окутанный тьмою, а вышел из неё, озарённый светом. Произшедшую во мне перемену могу уподобить только пробуждению от глубокого сна и себя могу сравнить со слепорождённым, глаза которого внезапно открылись и узрели Божий день. Он видит, но не понимает света, который ослепляет его и благодаря которому он видит предметы, вызывающие его изумление. Если мы не умеем объяснить физический свет, то как можно объяснить тот свет, который есть сама истина? И я думаю, что я погрешу против правды, если скажу, что, не обладая знанием буквы религиозного учения, я теперь интуитивно постигаю его смысл и дух. Я *верю*, что эти истины должны оставаться под завесой тайны и для меня лучше не видеть их лицом к лицу. Но я чувствую их по тем необъяснимым действиям, которые они производят во мне. Всё это совершилось внутри моего духа; эти впечатления, более быстрые, чем мысли, потрясли мою душу, перевернули её и как бы направили в другую сторону, к иным целям, к иным путям⁹.

Всё стало новым! Я как бы вошла в иной мир, в новое бытие. Все предметы

9 Цит. по: Джеймс У. Многообразие религиозного общества / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. С. 178-179.

вокруг меня сверкали новизной, мой духовный взор так прояснился, что я видел красоту в каждом материальном предмете вселенной; леса издавали шум, подобный небесной музыке¹⁰.

Что касается новообращённых, то иногда бывает возможно в их прошлом выделить некоторый определённый момент, когда они «увидели свет». В подобных случаях их жизнь будет описываться и интерпретироваться с позиций «до» и «после», причём тот, и другой период выступят в «новом свете». Вполне вероятно, что всё, что произошло «до», будет казаться жалким, никчемным или греховным, в «после» - счастливым, добропорядочным и благочестивым¹¹.

Некоторые религиозные подвижники обладали сверхчувственным свойством, которое в психологии называется «фотизмом». К нему относятся евангельский сюжет ослепительного видения св. Павла; крест, который император Константин видел на небе и т.п. Многие обращённые христианские акторы в исследовании известного американского философа и психолога Уильяма Джеймса рассказывали о «потоках света и славы», проникших в них; о виденном им свете, физические свойства которого можно с трудом описать простыми словами:

Вдруг слава Божия озарила меня чудесным образом. Незыблемый свет засиял так сильно над моей душой, что я был почти повержен на землю. Этот свет был похож на блеск солнца, сверкающий по всем направлениям. Он был невыносим для моих глаз... Я думаю, что испытал тогда нечто сходное с тем светом, который поразил Павла по

10 Цит. по: Там же. С. 196.

11 Баркер А. Новые религиозные движения: практическое введение / А. Баркер. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 30.

дороге в Дамаск. Это был свет, которого я не мог бы вынести, если бы он сиял долго¹².

Список литературы

1. Баркер А. Новые религиозные движения: практическое введение / А. Баркер. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 282 с.
2. Джеймс У. Многообразии религиозного общества / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. 431 с.
3. Новациан. О Троице // Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 1. Церковная письменность до-никийского периода (I – начало IV вв.) – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. 384 с.
4. Тищенко С.В. Основные интерпретации МФ // Канонические евангелия. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 350 с.

Bibliography

1. Barker A. New Religious Movements: A Practical Introduction / A. Barker. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 282 p.
2. James W. Diversity of Religious Society / W. James. – Moscow: Nauka, 1993. 431 p.
3. Novatian. On the Trinity // Holy Fathers and Teachers of the Church. Anthology. Volume 1. Church Writing of the Pre-Nicene Period (1 – Beginning of the IV Centuries) – Moscow: Svyatokh Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius Doctoral Studies, Publishing House “Poznanie”, 2017. 384 p.
4. Tishchenko S.V. Basic interpretations of the MF // Canonical Gospels. – Moscow: Nauka. Publishing company “Oriental Literature”, 1993. 350 p.

12 Цит. по: Джеймс У. Многообразие религиозного общества / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. С. 198.

Аксютина З.А.*Кандидат педагогических наук, доцент,
Омский государственный педагогический университет, г. Омск.*

Категориальный анализ религиозного воспитания*

Аннотация. Религия, став фундаментом социальной жизни, выполняет разнообразные функции. Воспитательной функции религии уделяется незначительное внимание, она выпадает из поля зрения исследователей. Цель статьи заключается в философском анализе категории «религиозное воспитание». В качестве методов исследования использованы теоретические методы: социально-философский анализ, категоризация, обобщение, мысленный эксперимент, метод построения концепта и метод категориального маятника. Воспитательная функция религии прошла длительный путь от мистического до рационального. Мистический уровень проявляется посредством участия детей в разнообразных религиозных таинствах, а рациональный предполагает воспитание посредством включения в различные объединения, участия в религиозных мероприятиях, где реализуется нравственный компонент, через реализацию различных форм воспитания. Анализируя определения понятия «религиозное воспитание» выявлено пять различных позиций в его понимании. Автор приходит к выводу, что специфика религиозного воспитания заключается в том, что: система религиозного воспитания способна встраиваться в другие воспитательные системы, становясь их составной частью. В заключении приведены полученные результаты, намечены перспективы исследования.

Ключевые слова: категория, понятие, воспитание, религия, религиозное воспитание, конфессиональное воспитание, метод категориального маятника.

Aksyutina Z.A.*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk.*

Categorical analysis religious upbringing

Abstract. Religion, having become the foundation of social life, performs various functions. Little attention is paid to the upbringing function of religion; it falls out of the field of view of researchers. The purpose of the article is to provide a philosophical analysis of the category of “religious upbringing”. Theoretical methods were used as research methods: socio-philosophical analysis, categorization, generalization, thought experiment, concept construction method and the categorical pendulum method. The educational function of religion has come a long way from the mystical to the rational. The mystical level is manifested through the participation of children in various religious sacraments, and the rational level involves upbringing through inclusion in various associations, participation in religious events where the moral component is realized, through the implementation of various forms of upbringing. Analyzing the definitions of the concept of “religious upbringing” identified five different positions in its understanding. The author comes to the conclusion that the specificity of religious upbringing lies in the fact that: the system of religious upbringing is able to integrate into other educational systems, becoming their integral part. In conclusion, the obtained results are presented, the prospects for the study are outlined.

Key words: category, concept, upbringing, religion, religious upbringing, confessional upbringing, categorical pendulum method.

* © Аксютина З.А., 2025.

Категориальный анализ религиозного воспитания

Религия на протяжении многих веков являлась фундаментом социальной жизни. Функциональное назначение религии находит отражение во многих научных исследованиях, в них указываются следующие функции: «значения (смыслополагания), принадлежности (идентификации), социальной интеграции и стабильности, сакрализация культурных ценностей» [6, с. 1133-1134]; компенсирующая, интегрирующая, культуротранслирующая, экзистенциальная, мировоззренческая, коммуникативная, политическая и регулирующие-контролирующая [12]; мировоззренческая (смыслополагающая), психотерапевтическая (компенсаторная), коммуникативная, регулятивная, интегрирующая-деинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая, политико-идеологическая, аксеологическая [14]; «ценностно-нормативная (аксиологическая), психологическая, онтологическая, социальная, идеологическая, символическая» [1, с. 316-317]; «мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-деинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая» [4, с. 11-16].

Ученые, обратившиеся к исследованию функций религии, воспитательную функцию не выделяют. Хотя на протяжении всей истории развития человечества религия играла ведущую роль в воспитании. История религиозной мысли позволяет утверждать, что религиозное воспитание берет начало в период формирования священных книг, а затем становится предметом обращения к ней известных философов (И. Кант, Дж. Дьюи, С.Л. Франкл и др.), в том числе и русских (В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, В.Н. Лосский, и др.).

Современная религия накопила

значительный фундамент для осуществления воспитания: методы и формы, систему и содержание. Однако, категория «религиозное воспитание» не стала предметом научного анализа. Она явно осталась на периферии исследований. *Цель статьи* заключается в философском анализе категории «религиозное воспитание».

Рассмотрим движение воспитательной функции религии от мистического до рационального. Выступая одним из основных направлений общественного сознания религия на протяжении многих веков воздействовала на человека. «Анализ воспитательной функции религии показывает, что религиозное воспитание представляет собой целую систему воздействия с глубокими социально-историческими и психологическими корнями» [5, с. 367].

С момента своего возникновения религия стремилась сформировать систему норм и отношений, на которые можно было опираться и которые следовало прививать подрастающему поколению. Формируя религиозное мировоззрение, развиваются и систематизируются нормы религиозной этики и морали, основу которых составляют религиозные чувства и волевые качества. Особую значимость в религиозном мировоззрении занимают моральные нормы и нравственность в которых формируется добродетели.

Система религиозного воспитания формировалась постепенно. Примером может служить генезис православного воспитания, где выделяются периоды развития: «I – церковный (X век – вторая половина XVII века) – от принятия христианства до реформ Алексея Михайловича; II – государственный (нач. XVIII – первая половина XIX века) – от реформ Петра I до реформ Александра II; III – общественный (1861 – 1917 гг.)

– от отмены крепостного права до Октября 1917 года; IV – общественный, «диссидентский» (1917 – 1991 гг.) – от прихода большевиков к власти до падения советской социалистической системы; V – общественный, возрожденческий (современный период)» [11, с. 10]. Такой длительный путь развития православного воспитания позволил пройти путь от мистического к рациональному, что характерно для религий.

Мистический уровень проявляется в участии детей с родителями в разнообразных таинствах (напр., молитва, паломничество и др.). Рациональный уровень предполагает воспитание посредством включения в различные объединения (напр., в летние лагеря), участие в религиозных мероприятиях (напр., в хорах, оркестрах), где реализуется нравственный компонент.

Религия продолжает играть важную роль в формировании нравственных норм и ценностей личности, посредством трансляции в практики повседневной жизни через ритуалы, обряды, традиции, праздники и т.п. В религиозном воспитании сформирована целостная система методов воспитания. Так, в православном воспитании широкое применение приобрели методы воспитательного воздействия (благословение, заповеди, исповедь, отпущение грехов, причастие, проповедь и др.), методы наказания (епитимья, искупление греха, лишение благословения, постриг, проклятие, предание анафеме и др.), методы самовоспитания (молитва, соблюдение поста и обета, покаяние, раскаяние, самоистязание и др.). В мусульманском воспитании свои методы воздействия (погружение в исламскую культуру, внушение, упражнения, пример старших и др.). Они по своему содержанию близки к традиционным методам воспитания, но

обладают своеобразием.

Не случайно в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» указывается: «Носителями базовых национальных ценностей являются различные социальные, профессиональные и этноконфессиональные группы, составляющие многонациональный народ Российской Федерации» [7, с. 9]. Современной наукой уже накоплено некоторое количество трактовок понятия «религиозное воспитание». За единицы анализа возьмем определения из Педагогического энциклопедического словаря [10, с. 238], работ С.М. Вишняковой [5, с. 366], В.С. Безруковой [2, с. 608], Т.В. Скларовой [13, с. 14]. Анализ указанных определений позволяют говорить о различных позициях в понимании религиозного воспитания: первая заключается во возвращении верующих, где религиозность выступает результатом; вторая приравнена к воспитанию, однако происходит уточнение его цели; третья позиция включает формирование взглядов и верований, что предусматривает процессуальную составляющую; в четвертой позиции религиозное воспитание равно воспитательной системе, реализуя две составляющие: социальную и педагогическую; в пятой позиции религиозное воспитание трактуется как целенаправленное воздействие. Обобщая понимание религиозного воспитания, укажем – при формулировании определения понятия необходимо понимать – религиозное воспитание подразумевает реализацию такого воспитания, где имеют место процессы формирования верующих в ходе реализации совокупности действий, призванных достичь заданной цели – религиозности, посредством создания специфической социально-педагогической системы.

Осуществим анализ категорий религиозного воспитания. Категория «религиозное воспитание» является собирательной в силу того, что обладает внутренним многообразием обусловленным разнообразием религиозных верований, течений и направлений. Первой крайностью оперирования категориями является многообразие их применения. Так, в научных публикациях используются следующие категории: религиозное (православное) воспитание, конфессиональное (религиозное) воспитание, духовное (религиозное) воспитание и т.п. Очевидно, что категория «религиозное воспитание» универсальна в силу того, что религий насчитывается около десятка тысяч. На основании многочисленности религий можно говорить о видовом многообразии религиозного воспитания. Явно имеются определенные различия в видах религиозного воспитания, например, в христианском, исламском и буддистском воспитании, в силу наличия в каждой религии уникальных ценностных норм. Второй крайностью оперирования категориями является смешение и сдвиги в содержании понятий. Рассмотрим это на примере одной из работ, где дается определение понятия «конфессиональное (религиозное) воспитание» под которым понимают «воспитание детей в духе веры в сверхъестественный мир и *Бога*, приобщения их к религиозным традициям и практике, выражающимся в *богослужениях и проповедях, богопослушном поведении, соблюдении религиозной морали и заповедей, церковных праздников*» [8, с. 22]. Выделенное нами курсивом содержание приведенного определения демонстрирует обращенность авторов исключительно к православному воспитанию. Конфессия подразумевает особенность вероисповедания в каком-то религиоз-

ном учении. И, совершенно очевидно, что в многоконфессиональной стране, каковой является Россия, неуместно сводить конфессиональное воспитание к религиозному, а религиозное к одной религии. В обыденной жизни проявления конфессиональности можно обнаружить в различиях ритуальных практик и традиций, их разночтении. Например, на похоронах в регионах Западной Сибири наблюдаются различия в том, как устанавливается свеча у изголовья усопшего. В одном случае ее ставят в соль, в другом в пшено. Каждое вещество при этом наделяется смыслами, характерными для конкретной конфессиональной группы. Имеются примеры указывающие и на более бережное отношение к смысловой нагрузке. «Православное воспитание – это систематическая деятельность, направленная на формирование у воспитанников знаний основ православного вероучения и устойчивой системы духовно-нравственных ценностей, определяющих их мировоззрение, поведение и поступки» [9, с. 8-9]. Автор использует в определении категорию «православное вероучение», которая приводит к большей точности отражения содержания искомого понятия. Очевидно, что в оперировании категориями, и, в определении того или иного понятия, связанного с религиозным воспитанием, требуется тщательный отбор содержания формулировок, их точность.

Проведенные анализ, обобщения и мысленный эксперимент дают возможность построить графическую модель категорий в системе религиозного воспитания, применив для этого метод категориального маятника [3, с. 162-164].

Рис. 1 отображает категории в системе религиозного воспитания и те изменения, которые происходят с ребенком включенном в нее. Реализация

религиозного воспитания осуществляется в двух средах: институализированной религиозной и неинституализированной (обыденной) повседневной. Институализированная среда состоит из специально создаваемых религиозных структур (например, церкви, костелы, мечети, соборы, воскресные школы, летние лагеря религиозной тематики и т.п.), которые выступают в качестве социально-воспитательных институтов. Неинституализированная среда представляет собой совокупность социальных институтов, создаваемых обществом (здравоохранение, просвещение, армия и др.). Основой для функционирования являются социальные заказы на верующую личность, при этом совокупность свойств и качеств личности задана в том священном писании, которое для верующих является ключевым. Религиозность является эффектом, который получаем в результате реализации условий, каждое из которых выполняет важнейшие функции: религиозное образование; организация религиоз-

ного опыта; индивидуальная помощь.

Для достижения религиозности личность проходит важные процессы религиозной адаптации, проявляющейся в привыкании к условиям религиозной жизни, и религиозную интеграцию в ту конфессию, к которой примкнул ребенок или в которую его направляет, родитель, где он приобретает статус «своего». Это может проявляться в ношении символики той или иной религии, соблюдении ритуалов, присвоении системы мировоззрения и др. Кроме того, вхождение в религиозное воспитание завершается религиозной социализацией, которая выражается в освоении норм и правил религиозной жизни. Религиозная социализация обеспечивает включенность в религиозное сообщество, где ребенок становится частью его. Тем самым религия выполняет воспитательную функцию наполняя содержание воспитания специфическими ценностными нормами. В основе религиозного воспитания лежит сакрализация окружающей действительности и

Рис. 1. Категории в системе религиозного воспитания.

придания ей особого смысла.

При формулировании определения понятия «религиозное воспитание» необходимо подразумевать реализацию такого воспитания, где имеют место процессы формирования верующих в ходе реализации совокупности действий, призванных достичь заданной цели – религиозности, посредством создания специфической социально-педагогической системы.

Специфика религиозного воспитания заключается в том, что ее система способна встраиваться в другие воспитательные системы; направлена на массовое включение детей в религиозные практики; обладает исключительным своеобразием, имеющим сходства с другими религиями.

Список литературы

1. Багдасарьян Н.Г. Культурология: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2019. 322 с.
2. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога), Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 937 с.
3. Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). – М.: ИНФРА-М, 2022. 227 с.
4. Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: КДУ, 2019. 266 с.
5. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика, – М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
6. Гараджа В.И. Функции религии. Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. 351 с.
7. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. // URL: <http://center-ime.ru/wp-content/uploads/2020/09/> (Дата обращения: 12.03.2023).
8. Зуйкова А.А., Базулина А.А., Дорошенко О.М. Социальная педагогика: в схемах и таблицах. – М.: ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», 2022. 116 с.
9. Лыкова Н.Г. Возможности православного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2003. 28 с.
10. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. 528 с.
11. Разина М.В. Эволюция религиозного (православного) воспитания в России с XVIII века до настоящего времени: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2006. 25 с.
12. Рязанцева Л.И. Религия как социокультурное явление

и ее функции в современном мире // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. № 10. С. 366-381.

13. Склярлова Т.В. Традиции и современное состояние православного воспитания в России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 1996. 17 с.
14. Соловьев М.М. Роль религии в жизни воспитанников социальных приютов Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 155-158.

References

1. Bagdasaryan N.G. Cultural Studies: Textbook and Workshop for the Academic Bachelor's Degree. – M.: Yurait, 2019. 322 p.
2. Bezrukova V.S. Fundamentals of Spiritual Culture (Encyclopedic Dictionary of a Teacher), Yekaterinburg: Delovaya Kniga, 2000. 937 p.
3. Boush G.D., Razumov V.I. Methodology of Scientific Research (in Candidate's and Doctoral Dissertations). – M.: INFRA-M, 2022. 227 p.
4. Vasilev L.S. History of Eastern Religions. – M.: KDU, 2019. 266 p.
5. Vishnyakova S.M. Professional Education. Dictionary. Key concepts, terms, relevant vocabulary, – M.: NMC SPO, 1999. 538 p.
6. Garadzha V.I. Functions of religion. Religious studies. Encyclopedic dictionary. – M.: Academic project, 2006. 351 p.
7. Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia. // URL: [http://center-ime.ru/wp-content/uploads/2020/09/\(12.03.2023\)](http://center-ime.ru/wp-content/uploads/2020/09/(12.03.2023)).
8. Zuykova A.A., Bazulina A.A., Doroshenko O.M. Social pedagogy: in diagrams and tables. – M.: FGKOU VO "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 2022. 116 p.
9. Lykova N. G. Possibilities of Orthodox education in the formation of spiritual and moral values of students: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. Tyumen, 2003. 28 p.
10. Pedagogical encyclopedic dictionary. – M.: Great Russian encyclopedia, 2002. 528 p.
11. Razina M. V. Evolution of religious (Orthodox) education in Russia from the 18th century to the present: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. Ekaterinburg, 2006. 25 p.
12. Ryazantseva L. I. Religion as a socio-cultural phenomenon and its functions in the modern world // Electronic network polythematic journal "Scientific Works of KubSTU". 2016. № 10. P. 366-381.
13. Sklyarova T.V. Traditions and the current state of Orthodox education in Russia: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. – Moscow, 1996. 17 p.
14. Soloviev M.M. The role of religion in the lives of pupils of social shelters of the Republic of Tatarstan // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. № 3. P. 155-158.

Шкурлятьева Д.А.

Соискатель философского факультета. Казанский (Приволжский) федеральный университет, ответственный редактор епархиальных изданий Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, кантор лютеранского прихода свв. Петра и Павла г. Выборга.

Музыкальное служение лютеранской церкви как отправная точка межконфессионального и межрелигиозного диалога*

Аннотация. В русскоязычной научной литературе рассмотрение лютеранской музыкальной практики ограничивается, как правило, музыковедческим дискурсом: основной массив исследований посвящён деятельности И.С. Баха — знаменитого лютеранского кантора, которого отделяет от нас почти три столетия. Религиоведческие исследования, позволяющие воссоздать целостную картину музыкального служения российских лютеран в первой четверти XXI века, отсутствуют. При этом музыкальная деятельность прихода является важной точкой соприкосновения церкви и общества, создаёт основу для церковно-государственного, межконфессионального и межрелигиозного диалога, в качестве одного из ключевых участников которого выступает приходской музыкальный служитель — кантор. В процессе исследования был выявлен круг обязанностей современного лютеранского российского кантора в приходах скандинавско-финской литургической традиции. Рассмотрена богослужбная практика. Основная цель — выявить социально значимые аспекты лютеранского музыкального служения.

Ключевые слова: лютеранство, церковная музыка, кантор, литургические протестанты, межконфессиональный диалог, межрелигиозный диалог, лютеранская идентичность.

Shkurlyateva D.A.

Graduate student of the faculty of Philosophy of Kazan (Volga region) Federal University, executive editor of diocesan publications of the Evangelical Lutheran Church of Ingria, cantor of the Evangelical Lutheran Parish of Saints Peter and Paul in Vyborg.

The music ministry of the Lutheran Church as a starting point for interconfessional and interreligious dialogue

Abstract. Russian-language scholarly literature on Lutheran musical practice is limited, as a rule, to musicological discourse only. Most of those studies focus on the work of Bach, famous Lutheran cantor, who lived three centuries ago. There are no religious studies that provide a holistic view of the music ministry of Russian Lutherans in the first quarter of the 21st century. This is a problem because parish music activities are usually an important point of contact between church and society, a basis for church-state, inter-confessional and inter-religious dialogue. One of the key figures in this dialogue is the cantor, who is responsible for music in the parish. The range of duties of the modern Lutheran Russian cantor in parishes of the Scandinavian-Finnish liturgical tradition has been determined. Liturgical practice have been studied. The main goal was to identify socially significant aspects of Lutheran music ministry.

Key words: Lutheranism, church music, cantor, liturgical protestants, interconfessional dialogue, interreligious dialogue, Lutheran identity.

* © Шкурлятьева Д.А., 2025.

Музыкальное служение лютеранской церкви как отправная точка межконфессионального и межрелигиозного диалога

Введение

Празднование 340-летия со дня рождения самого знаменитого лютеранского кантора, Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750), побуждает задуматься о деятельности его «наследников» — о том, каково музыкальное служение в лютеранской церкви сегодня. Рассмотрение данного вопроса возможно в нескольких дискурсах. Музыковедческий дискурс подразумевает анализ трансформаций, которым подвергались на протяжении веков музыкальные формы и жанры, изучение музыкального языка богослужений, выявление этапов развития органостроения, и т. д. Выбранный же нами религиоведческий дискурс позволяет, не ограничиваясь узкоспециальными вопросами, взглянуть на проблему системно, воссоздать целостную картину лютеранского музыкального служения в современных российских реалиях. Главная цель — выявить социально значимые аспекты этого служения.

В качестве основного объекта исследования была выбрана Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии — одна из российских лютеранских централизованных религиозных организаций, придерживающаяся скандинавской литургической традиции. А.К. Погасий отмечает, что для этой церкви характерно «повышенное внимание к эстетической стороне литургии» [11, с. 38]. Сборник гимнов (духовных песнопений) Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии [14] свидетельствует о стремлении сохранять сложившуюся веками богатую музыкальную традицию, включающую григорианские псалмовые тоны и классические хоралы XVI–XVII веков, к которым неоднократно обращался в своём творчестве И.С. Бах.

Использовались следующие методы: диахронный (позволяющий просле-

дить, как формировались обязанности лютеранского кантора в исторической перспективе), метод документарного исследования (анализ внутренних установлений и епархиальных изданий), а также выборочный опрос¹.

Контекст взаимодействия церкви и общества

Согласно буклету, изданному в 2022 году Отделом по связям с религиозными объединениями Администрации Губернатора Санкт-Петербурга к фестивалю «Музыка храмов Санкт-Петербурга», почти половина из 23 концертов фестиваля проходила в лютеранских храмах, относящихся к двум российским лютеранским юрисдикциям: Евангелическо-лютеранской церкви России (2 концерта) и Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии (9 концертов) [2, с. 2]. В четырёх из этих храмов установлены духовые органы, в остальных — электронные органы. Зачастую лютеранский храм — единственное место в населённом пункте, где возможно проведение органых концертов. Так, в Ленинградской области четыре из пяти духовых органов находятся в приходах Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии [13, с. 21-25]. В Карелии по инициативе администрации Кондопожского муниципального района с 2010 года ежегодно проводится Фестиваль духовной музыки, при этом задействуются две городские площадки: Дворец искусств и лютеранский храм Вознесения Христова [5, с. 27].

¹ География приходов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии обширна: от Санкт-Петербурга до Сибири [13, с. 37]. Опрос проводился 17–18 октября 2024 года в Санкт-Петербурге среди участников и гостей XXXVI Синода. Репрезентативность выборки обеспечивалась пропорциональностью количества опрошенных количеству приходов централизованной религиозной организации в разных субъектах Российской Федерации.

Лютеранский кантор

Слово «кантор» происходит от латинского глагола *cantare* ('петь'). Как правило, сегодня этим словом обозначают человека, отвечающего одновременно за инструментальное сопровождение богослужения и за приходское пение. Как формировался круг обязанностей кантора?

В Германии на протяжении первых трёх столетий после Реформации кантор относился к клиру, ему могли поручать проповедовать во время утрени или вечерни. Однако к XVIII веку от претендентов на пост кантора больше не требовалось теологического университетского образования — от него ожидали, в первую очередь, именно высокого профессионализма в музыкальной сфере [21, с. 74]. Круг обязанностей кантора в Лейпциге во времена И.С. Баха описан в научной литературе весьма подробно [6; 17].

В Швеции и Финляндии предшественником современного кантора был звонарь (швед. *klockare*, фин. *lukkari*), обязанности которого в Средние века включали не только колокольный звон и помощь пастору во время литургии — звонарю могли также поручить растопку сауны, забой скота, уход за церковным огородом, доставку почты и т. п. [18, с. 78]. В XVI веке, после Реформации, на смену полуграмотному звонарю, который не всегда мог прочесть нотную запись, приходит высокообразованный служитель — кантор. Формируется следующий круг его обязанностей: преподавание основ музыки и литургики в церковной школе, проведение хоровых и инструментальных репетиций, забота о качественном музыкальном сопровождении богослужения, участие в городских мероприятиях, проведение индивидуальных музыкальных занятий [18, с. 80].

В Евангелическо-лютеранской церкви Российской империи за пение общины отвечал кистер, которого также можно считать предшественником современного кантора. В Уставе 1832 года указывалось, что в кистеры избираются «люди грамотные, сведущие в хоральном пении»².

Составить представление о служении российского кантора в наши дни позволяет анализ внутренних установлений Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии — в частности, Положения о церкви, где служению кантора посвящено три параграфа³. Помимо упоминания богослужебных обязанностей, здесь говорится о том, что кантор оказывает «содействие использованию музыки в приходских мероприятиях» (параграф 13). По этой причине кантор зачастую становится ключевой фигурой в церковно-государственном, межконфессиональном и межрелигиозном диалоге.

Пастором, диаконом и катехетом (церковным учителем) в Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии может быть только мужчина. Касательно кантора подобных указаний в рассматриваемом нами Положении о церкви нет. В 24 из 26 приходов, среди представителей которых проводился опрос, служение кантора несут женщины. Это обусловлено принципом, сформулированным ещё во времена Российской империи: кистеры, канторы, органисты, звонари «хотя именуется церковными служителями, но служат по найму и к духовенству не причисляются»⁴.

² Свод законов Российской империи, Том XI, Часть I, пункт 506.

³ Положение о церкви, одобренное Синодом Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, в редакции от 18.10.2024. Глава 8, параграфы 13–15.

⁴ Свод законов Российской империи, Том XI, Часть I, пункт 555.

Лютеране — литургические протестанты. Служение лютеранского кантора во многом идентично служению православного регента, оно требует компетентности в тех же двух ключевых сферах: музыкальной и литургической [7, с. 15].

В странах со значительным процентом лютеранского населения существуют высшие учебные заведения, где кантор может получить специализированное образование. Например, в Академии им. Сибелиуса в Финляндии есть факультет церковной музыки. Требования к уровню образования канторов зависят от места, где им предстоит служить (небольшой приход, средний приход, кафедральный собор или один из крупнейших приходов с многогранным музыкальным служением) и должности (основной кантор, помощник кантора) [20, с. 609].

В России, где число лютеран невелико, кантор, как правило, получает музыкальное образование в светском учебном заведении, а знания по литургии — на церковных курсах. В Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии такие курсы организуются с 1991 года [4]. Большое внимание уделяется самообразованию [8]. Опрос представителей приходов показал, что основным местом работы российского кантора является, как правило, какая-либо светская организация: музыкальная школа, общеобразовательная школа, дошкольное учреждение и т. п.

В исследуемом нами Положении о церкви указано, что кантор должен быть членом евангелическо-лютеранской церкви, однако на практике, согласно опросу, иногда некоторые обязанности кантора может выполнять приглашённый музыкант. У такого музыканта нет статуса кантора, также он не обладает правом преподавать в

конфирмационной школе (участвовать в обучении прихожан). Здесь важно отметить, что, согласно музыкальной философии Мартина Лютера, совместное пение является важным дидактическим средством, инструментом катехизации, помогающим изучать Слово Божие и основы христианского учения [10; 19].

Особенности богослужбной практики

Одним из ключевых моментов лютеранской музыкально-литургической реформы в XVI веке было стремление к проведению богослужения на национальных языках [12, с. 85]. Опрос показал, что в приходах, находящихся в Республике Карелии, активно используется финский язык. Другие языки (среди упомянутых участниками опроса — бурятский, мокшанский, эрзянский, эстонский) используются гораздо менее активно. Основной богослужбный язык — русский, о чём свидетельствуют утверждённый Синодом Литургический сборник [15] и Сборник гимнов [14].

Анализ структуры богослужбных книг позволяет сделать вывод о том, что литургичность — важная часть лютеранской идентичности. В частности, евхаристическое богослужение включает такие разделы, как *Kyrie, Gloria, Credo, Sanctus, Agnus Dei* [14], что соответствует ординарию (неизменной части) католической мессы, сформировавшемуся к XI веку [16, с. 52–54]. Для лютеран важны такие понятия, как литургический год и литургический календарь. Концертная политика приходов может предусматривать ограничение концертной деятельности в период постов.

Во время богослужения, как правило, звучит орган. Этот инструмент, первые упоминания об использова-

нии которого в христианской церкви относятся к 580 году [9, с. 9], сегодня стал одной из визитных карточек лютеран. Приобретение органа (не только духового, но и электронного) становится очень ярким событием для прихода, даёт возможность обогатить литургическую практику и начать активную музыкально-просветительскую деятельность [1]. Совершается торжественное благословение инструмента [3]. Небольшие приходы в качестве замены органу иногда используют синтезатор или компьютерную программу *Hauptwerk*, позволяющую при помощи ноутбука и MIDI-клавиатуры воссоздавать органное звучание.

Большую роль в лютеранской литургической практике играют приходские хоры. В кафедральном соборе Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии ежегодно проводятся пасхальные и рождественские хоровые фестивали. В 2023 году в Яани кирик, ещё одном лютеранском приходе Санкт-Петербурга, проходил фестиваль, посвящённый первому гимну Мартина Лютера. Оба храма ежегодно открывают двери для участников межконфессионального хорового фестиваля «Лики», который организует Ассоциация дирижёров детских и молодёжных хоров Северо-Западного региона России. В 2024 году в лютеранском приходе свв. Петра и Павла г. Выборга состоялся фестиваль духовной музыки, посвящённый 500-летию издания первого лютеранского сборника гимнов.

Заключение

Музыкальное служение лютеран — важная точка соприкосновения церкви и общества. Это сфера, обладающая большим потенциалом для выстраивания церковно-государственного, межконфессионального и межрелиги-

озного диалога. Лютеранские храмы зачастую являются памятниками архитектуры и обладают великолепной акустикой, в них установлены духовые или электронные органы, позволяющие исполнять не только литургический, но и отвечающий достоинству храма концертный репертуар. Таким образом, музыкальное служение лютеранской церкви может стать важной отправной точкой для гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Список литературы

1. Баранова Е.Н. Органная жизнь Ржева: храм святого Луки // Органные салоны. 2019. № 3. С. 7-10.
2. Буклет фестиваля Музыка храмов Санкт-Петербурга // Отдел по связям с религиозными объединениями Администрации Губернатора Санкт-Петербурга. // URL: <https://elci.ru/wp-content/uploads/2022/06/Muzyka-khramov-2022.pdf> (Дата обращения: 09.02.2025).
3. Вилхунен Т. В церкви Святой Марии в Петербурге вновь звучит орган / Вилхунен Т. // Церковь Ингрии. Епархиальный журнал. 2010. № 4. С. 6-7.
4. Вуористо А. Подготовка канторов для приходов Ингрии // Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения. – СПб.: Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, 2012. С. 260-263.
5. Дыба О. Традиции духовной музыки продолжаются // Церковь Ингрии. Епархиальный журнал. 2023. № 3. С. 27.
6. Келлер Г. Органные произведения Баха / Г. Келлер: Перев. с нем. – Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова, 2008. 360 с.
7. Королёва Т.И., Перелешина В.Ю. Регентское мастерство / Т.И. Королёва, В.Ю. Перелешина. – М.: Издательство ПСПГУ, 2010. 216 с.
8. Левин М. Исполнительская личность церковная, не светская // Церковь Ингрии. Епархиальный журнал. 2023. № 2. С. 14-15.
9. Лепнурм Х. История органа и органной музыки / Х. Лепнурм. – Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова, 1999. 172 с.
10. Лотов Д.Р. Музыка И.С. Баха в контексте евангелическо-лютеранского вероисповедания // Музыка и проповедь. К интерпретации наследия И.С. Баха: Материалы научной конференции. – М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 2006. С. 30-34.
11. Погасий А.К. Протестанты. История, вероучение, распространение / А.К. Погасий. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. 274 с.
12. Рид Л.Д. Лютеранская литургия / Л.Д. Рид. – Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 638 с.
13. Самое органное пробство // Церковь Ингрии. Епар-

- хальный журнал. 2023. № 3. С. 21-25.
14. Сборник гимнов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. – СПб.: Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, 2013. 1006 с.
 15. Тулынин Ф.П. Литургический сборник / Ф.П. Тулынин. – СПб.: Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, 2005. 346 с.
 16. Уилсон-Диксон Э. История христианской музыки / Э. Уилсон-Диксон. – СПб.: Мирт, 2001. 428 с.
 17. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах / А. Швейцер: Перев. с нем. – М.: Классика-XXI, 2016. 816 с.
 18. Erkkilä L. Kanttorin virka // Kirkkomusiikin käsikirja. – Helsinki: Kirjapaja Oy, 2003. P. 71-97.
 19. Luther M. Preface to the Wittenberg Hymnal, 1524 // Luther's Works, vol. 53: Liturgy and Hymns. Philadelphia: Fortress Press, 1965. 356 p.
 20. Pajamo R., Tuppurainen E. Kirkkomusiikki / R. Pajamo, E. Tuppurainen.– Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 2004. 730 p.
 21. Stiller G. Johann Sebastian Bach and Liturgical Life in Leipzig / G. Stiller. – St. Louis: Concordia Publishing House, 1984. 308 p.
 14. Collection of hymns of the Evangelical Lutheran Church of Ingria. – St. Petersburg: Evangelical Lutheran Church of Ingria, 2013. 1006 p.
 15. Tulyinin F.P. Liturgical collection / F.P. Tulyinin. – St. Petersburg: Evangelical Lutheran Church of Ingria, 2005. 346 p.
 16. Wilson-Dixon E. History of Christian music / E. Wilson-Dixon. – St. Petersburg: Mirth, 2001. 428 p.
 17. Schweitzer A. Johann Sebastian Bach / A. Schweitzer: Trans. from German – Moscow: Classic-XXI, 2016. 816 p.
 18. Erkkilä L. Kanttorin virka // Kirkkomusiikin käsikirja. – Helsinki: Kirjapaja Oy, 2003. P. 71-97.
 19. Luther M. Preface to the Wittenberg Hymnal, 1524 // Luther's Works, vol. 53: Liturgy and Hymns. Philadelphia: Fortress Press, 1965. 356 p.
 20. Pajamo R., Tuppurainen E. Kirkkomusiikki / R. Pajamo, E. Tuppurainen.– Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 2004. 730 p.
 21. Stiller G. Johann Sebastian Bach and Liturgical Life in Leipzig / G. Stiller. – St. Louis: Concordia Publishing House, 1984. 308 p.

References

1. Baranova E.N. Organ life of Rzhev: the Church of St. Luke // Organ salons. 2019. № 3. P. 7-10.
2. Booklet of the festival Music of the churches of St. Petersburg // Department for relations with religious associations of the Administration of the Governor of St. Petersburg. // URL: <https://elci.ru/wp-content/uploads/2022/06/Muzyka-khramov-2022.pdf> (09.02.2025).
3. Vilhunen T. The organ sounds again in the Church of St. Mary in St. Petersburg / Vilhunen T. // Church of Ingria. Diocesan journal. 2010. № 4. P. 6-7.
4. Vuoristo A. Training cantors for the parishes of Ingria // The path of faith through the centuries. Church of Ingria: 400 years of history, 40 years without churches, 4 milestones of revival. – St. Petersburg: Evangelical Lutheran Church of Ingria, 2012. P. 260-263.
5. Dyba O. Traditions of sacred music continue // Church of Ingria. Diocesan journal. 2023. № 3. P. 27.
6. Keller G. Organ works of Bach / G. Keller: Translated from German. – Kazan: Kazan State Conservatory (Academy) named after N.G. Zhiganov, 2008. 360 p.
7. Koroleva T.I., Pereleshina V.Yu. Regent's skill / T.I. Koroleva, V.Yu. Pereleshina. – M.: PSTGU Publishing House, 2010. 216 p.
8. Levin M. The performing personality is ecclesiastical, not secular // Church of Ingria. Diocesan journal. 2023. № 2. P. 14-15.
9. Lepnurm H. History of the organ and organ music / H. Lepnurm. – Kazan: Kazan State Conservatory (Academy) named after N.G. Zhiganov, 1999. 172 p.
10. Lotov D.R. Music of J.S. Bach in the context of the Evangelical Lutheran confession // Music and preaching. Towards the interpretation of the heritage of J.S. Bach: Proceedings of a scientific conference. – M.: Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky, 2006. P. 30-34.
11. Pogasiy A.K. Protestants. History, Doctrine, Spread / A.K. Pogasiy. – Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2021. 274 p.
12. Reed L.D. Lutheran Liturgy / L.D. Reed. – Minsk: Lutheran Heritage Foundation, 2003. 638 p.
13. The Most Organ Deanery // Church of Ingria. Diocesan Journal. 2023. № 3. P. 21-25.

Культурология

Cultural Studies

Маруфенко Е.В.

Кандидат педагогических наук, доцент. Высшая школа музыки и театра Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Данилова А.В.

Кандидат философских наук, доцент. Высшая школа музыки и театра Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки*

Аннотация. Статья посвящена вопросам исполнительского освоения клавирной музыки барокко. Авторами прослеживается отечественная исследовательская традиция рассмотрения проблемы стилистического подхода к анализу и исполнительской интерпретации музыкальных произведений. Выделяются и описываются характерные особенности процесса выделения проблемы стиля в специальную тему рассуждений музыкальных теоретиков и практиков эпохи барокко. Сделан акцент на важности роли музыкальной риторики и теории аффектов в формировании основных черт музыкального искусства данного периода как в области музыкально-теоретической мысли. Так и в композиторской и исполнительской практике.

Ключевые слова: музыка барокко, стиль, музыкальная риторика, теория аффектов.

Marufenko E.V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, High School of Music and Theater, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

Danilova A.V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, High School of Music and Theater, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

On the issue of performing mastering the style of baroque keyboard music

Abstract. The article is devoted to the issues of performing mastering of Baroque keyboard music. The authors trace the domestic research tradition of considering the problem of a stylistic approach to the analysis and performance interpretation of musical works. The characteristic features of the process of isolating the problem of style into a special topic of reasoning by music theorists and practitioners of the Baroque era are highlighted and described. The emphasis is placed on the importance of the role of musical rhetoric and the theory of affects in the formation of the main features of the musical art of this period as in the field of musical theoretical thought. So it is in composing and performing practice.

Key words: Baroque music, style, musical rhetoric, theory of affects.

* © Маруфенко Е.В., Данилова А.В., 2025.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки

Введение

Обращаясь в проблеме выбора методов и приёмов освоения стилистики барочной клавирной музыки, нельзя обойти вниманием понятие «стиль». Оно принадлежит к числу важнейших категорий искусствознания. Этим обусловлены внимание и интерес к ней со стороны специалистов в различных областях художественного творчества, а также музыкантов-исполнителей. С проблемами освоения стилевых особенностей изучаемых произведений постоянно сталкиваются музыканты-педагоги в исполнительских классах. Термин стиль имеет множество смысловых оттенков и значений и чрезвычайно широко и часто употребляется в музыкальной теории и практике.

Будучи заимствованным из древнегреческого языка слово «стиль» прошло долгий путь изменений своего первоначального значения. Авторы музыкально-теоретических трактатов начинают употреблять термин «стиль» в значении, близком к современному, в эпоху Возрождения. Можно встретиться с ним в работах немецких музыкантов и теоретиков музыки XVII–XVIII веков. Систематическая разработка проблемы музыкального стиля в отечественном музыкознании берёт начало в исследованиях Ю.А. Кремлёва, М.К. Михайлова, И.Я. Рыжкина, А.Н. Сохора, Л.Н. Раабена. Она рассматривалась также такими учёными как В.В. Медушевский, Е.В. Назайкинский, С.С. Скребков. Среди музыковедческих исследований, в которых затрагиваются вопросы стиля музыки барокко, можно назвать работы М. Лобановой, Н.А. Горюхиной, Ю.Н. Холопова, В.Н. Холоповой и других.

В своём фундаментальном исследовании «Стиль и жанр в музыке» Е.В. Назайкинский даёт следующее определение интересующего нас

понятия: «Музыкальный стиль – это отличительное качество музыкальных творений, входящих в ту или иную конкретную генетическую общность (наследие композитора, школы, направления, эпохи, народа и т.д.), которое позволяет непосредственно ощущать, узнавать, определять их генезис и проявляется в совокупности всех без исключения свойств воспринимаемой музыки, объединённых в целостную систему вокруг комплекса отличительных характерных признаков» [8, с. 20].

В современном музыкознании спектр значений понятия стиль достаточно широк. Если говорят и пишут об историческом стиле целой эпохи, данный термин характеризует большой пласт музыкальной культуры. Среди музыковедческих исследований такой направленности можно выделить книгу Л.В. Кириллиной «Классический стиль в музыке», работу С.С. Скребкова «Художественные принципы музыкальных стилей», труды Т.Н. Ливановой «Западноевропейская музыка XVII–XVIII веков в ряду искусств», «Русская музыкальная культура XVIII века в её связях с литературой, театром и бытом» и другие. Среди числа устойчивых и популярных смысловых наклонений понятия «стиль», имеет место его употребление в качестве характеристики системы художественных средств того или иного композитора. Определяющие стиль условия принято подразделять на внешние и внутренние. К первым следует отнести исторические и социальные условия, влияющие на композитора, исполнителя, ко вторым – то, что делает неповторимой, индивидуальной личностью каждого конкретного художника. Важной в музыковедческих исследованиях является проблема типологии стилей. Е.В. Назайкинский выделяет три типа стилей: – авторский, – нацио-

нальный, – исторический.

Основная часть

Обратимся к музыкальному стилю эпохи барокко, не перестающей приковывать к себе внимание как профессионалов, так и любителей музыки. Полтора столетия, занимаемые этой эпохой, отличаются внушительным диапазоном музыкальных жанров (от оперы, мессы до концерта, сюиты, сонаты), обилием имён высокоодарённых, талантливых композиторов, масштабами их творческих открытий и глубиной музыки. Среди педагогов и исполнителей не прекращаются споры о стилистике и манере исполнения произведений, принадлежащих к вышеупомянутому времени. Неясность стиливых граней негативно сказывается на восприятии этой музыки, искажает замыслы композиторов. О необходимости ориентации в проблемах стиля в целом писал, в своё время, выдающийся музыкант XX века, концертирующий пианист и педагог С.Е. Фейнберг: «И мода, и догматизм властвуют с безапелляционным произволом. Они окрашивают стиль всех композиторов в один цвет и с холодным безразличием интерпретируют произведения любой эпохи и любого автора» [10, с. 79]. Принято считать, что индивидуальный композиторский стиль стал играть заметную роль в музыкальном искусстве только на сравнительно поздних исторических этапах. В музыке он начинает властно заявлять о себе именно со времён И.С. Баха, в эпоху барокко. Так, в своём исследовании «Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики» М. Лобанова пишет об усилении в музыке этого периода личного начала и проблемах становления национальных традиций.

Именно со времён И.С. Баха (1685-1750)

проблема стиля кристаллизуется уже в отдельное направление рассуждений и изучения музыкальных теоретиков и практиков. Артикуляция, агогика и орнаментика становятся сутью интерпретации стиля барокко. Именно об этом возникает множество противоречивых мнений сейчас, поскольку исполнительские условия и инструментарий к настоящему времени давно изменились. Искусство Великого Кантора, конечно, явилось вершиной эпохи Барокко, но нельзя забывать его предшественников и современников. Вспомним имена Антонио Вивальди, Томмазо Альбиниони, Арканджело Корелли, Георга Фридриха Генделя, Георга Филиппа Телемана, которые наряду с И.С. Бахом прославили своё грандиозное время и оставили для будущих исполнителей поистине бесценное наследие, неисчерпаемый источник вдохновенной музыки в различных жанрах, а особенно инструментальных концертов и сонат. Всё это определяет основные стиливые черты, присущие эпохе барокко в целом. Специфическим признаком барочного концерта считается его особая трактовка. Так, концерты Вивальди и Телемана написаны не для одного исполнителя-виртуоза в сопровождении оркестра, что присуще последующим эпохам классицизма и романтизма, а для двух групп инструментов — солирующей и аккомпанирующей. В одной из сонат Альбиниони, например, мы наблюдаем даже «нетипичный» инструментальный состав: пять струнных и continuo. В эпоху барокко так называлась группа, состоящая из двух или трех инструментов, обеспечивающая гармоническую поддержку музыкантам-солистам. Однако традиционного восприятия самой музыки это никогда не нарушало. Произведения признанных барочных мастеров и сейчас звучат для

нас естественно и современно. Отдельного внимания требует так называемый генерал-бас, изучение которого обычно конкретизировалось на материале четырёхголосного хора, которым занимались в течение долгого времени.

На протяжении эпохи барокко актуальным был взгляд на музыку, как язык, во многом организованный аналогично законам ораторского искусства. Первоначально разработка связей между музыкой и речью ведётся в области вокальной и оперной музыки. Начало этому процессу было положено ещё Флорентийской камератой и затем он получил продолжение в мадригалах, мотетах, мессах композиторов рубежа XVI-XVII веков. Именно в вокальной музыке вырабатываются музыкально-интонационные обороты, отражающие смысл того или иного слова – музыкально-риторические фигуры. В эпоху барокко они уже широко используются не только в оперной и вокально-хоровой музыке, но и в инструментальных жанрах: прелюдиях, токкатах, фугах, концертах, сюитах. Их назначением становится воплощение скрытого содержательного слоя произведения. Постепенно музыкально-риторические фигуры, получив всеобщее распространение, составили музыкально-интонационный «словарь» этой эпохи. Отечественное музыковедение имеет прочную традицию изучения музыкальной риторики барокко в исследованиях Б.Л. Яворского, О.И. Захаровой, В.Б. Носиной, Р.Э. Берченко, А.И. Кудряшова и др. Рассмотрев с позиций учения о музыкально-риторических фигурах барокко творчество И.С. Баха, в частности два тома его «Хорошо темперированного клавира», они во многом изменили наши представления об утраченных со временем смыслах музыкальных шедевров Вели-

кого кантора. В музыкальной теории и практике барокко существовало более ста музыкально-риторических фигур. Один из важнейших вопросов, на который постоянно обращено внимание исследователей, – классификация многообразия оборотов, составляющих музыкальный лексикон эпохи. Большинство исследователей предлагают делить их на две большие группы – изобразительные и выразительные. Конкретный смысл каждой из них менялся в зависимости от того или иного музыкального контекста.

Смысл большинства фигур связан с музыкальным комментированием образов и символов Ветхого и Нового Завета. Важно понимать, что одним из важнейших свойств музыкально-риторических фигур была их яркая «аффектированная» выразительность, связь с барочной теорией аффектов. Для современных музыкантов-исполнителей понимание скрытых значений музыкально-риторических фигур барокко необходимо и является своего рода «ключом» к расшифровке сложных для современного восприятия смысловых пластов музыки этой эпохи. Одной из основных музыкально-эстетических концепций, получивших большое распространение в искусстве Европы в период с конца эпохи Возрождения и до эпохи Барокко, стала так называемая теория аффектов. Понятие аффект происходит от латинского *affectus* – душевное волнение, иногда страсть. В своём исследовании «От этоса к аффекту: История музыкальной эстетики от античности до XVIII века» Шестаков В.П. подробно рассматривает и сравнивает точки зрения на этот вопрос различных философов и музыкальных теоретиков XVII-XVIII веков [69]. Исследователь пишет, что учение об аффектах получило своё теоретиче-

ское обоснование у основоположника французской философии Рене Декарта (1596–1650). Попытка применения теории аффектов к характеристике музыки содержится в одном из его ранних теоретических трактатов, который назван автором «Компендиум музыки» (1618). В своём трактате Декарт пишет, что главным свойством музыки он считает её способность доставлять людям наслаждение и вызывать в них различные аффекты. Философ подробно описывает условия, при которых чувства получают наибольшее удовольствие, и поэтому, естественно, восприятие музыки становится наиболее благоприятным. Декарт открывает зависимость разнообразия возбуждаемых аффектов от применения в музыке разнообразных ритмов, размеров, музыкальных ладов и способов сочинения. Считая сохранение свежести восприятия чрезвычайно важным, философ перечисляет условия и приёмы, которые могут этому способствовать: например, освобождение слухового восприятия от часто повторяющихся одинаковых гармоний посредством перехода к другим созвучиям, в особенности, от диссонансирующих к более устойчивым и т. д. Учение о музыке другого известного учёного Марена Мерсенна (1588–1648), изложенное им в двухтомном сочинении «Всеобщая гармония» (1636), тесно примыкает к эстетической теории французского теоретика Рене Декарта. В своём объёмном сочинении Мерсенн касается абсолютно разных сфер в области музыкальной науки, особенно того, что относится к её теории. Он также рассматривает вопросы, связанные с устройством различных музыкальных инструментов, и даже с природой пения. Вслед за этим философ проводит параллели между отдельными музыкальными фрагментами и символами учения о христиан-

ской морали, выступая против классификаций и схем, встающих на пути свободы творчества, которые могут ограничивать разнообразие самой музыки. Он говорил, что видов песен существует столько же, сколько и видов страстей. Будучи последовательным учеником Р. Декарта, М. Мерсенн прежде всего считал, что главными признаками красоты являются простота и ясность. Анализируя вопрос о влиянии теории аффектов на стиль музыки барокко, нельзя обойти вниманием ещё одного автора, немецкого учёного Афанасия Кирхера (1602–1680), явившегося тем теоретиком, учение об аффектах, которого не осталось в стороне, а получило дальнейшее развитие. Перечислим некоторые из его глобальных трудов: «Универсальная музургия» (1650), «Новая фонургия» (1673) и др. Основополагающие идеи этих исследований использовались в музыке практически до середины XVIII столетия. В какой-то степени Кирхер, вслед за М. Мерсенном, продолжает традицию трактовки музыки не как вида искусства, а как определённой научной дисциплины. Целью его была систематизация знаний о музыке. Музыкальная теория Кирхера основана на популярном в XVIII веке учении о темпераментах. Аффект, который производит музыка на душу человека, может зависеть напрямую от его темперамента. Значительную роль в развитии немецкой музыкальной мысли XVIII века сыграла просветительская эстетика. Немецкие просветители боролись за создание рационального музыкального стиля, выступая с резкой критикой старой музыкальной теории, в частности против устаревшей теории аффектов. К этому направлению музыкальной эстетики относятся известные немецкие музыкальные писатели и композиторы: Иоганн Вальтер, Иоганн

Маттезон, Фридрих Марпург, Христиан Шубарт и Иоганн Шейбе. Одним из первых немецких просветителей в области музыкальной эстетики был Иоганн Готтфрид Вальтер (1684–1784). Он был сторонником старой теории аффектов и в своей статье «Аффект» повторяет, в некотором смысле, учение об аффектах Кирхера. Иоганн Маттезон (1681–1764) – выдающийся деятель немецкого Просвещения, композитор и теоретик музыки. Рассматривая музыку, Маттезон проводил параллель между ней и человеческой речью, считая, что их сближает способность возбуждать и выражать различные чувства и страсти человеческой души. Таким образом, старое учение об аффектах существенно модифицируется у Маттезона и становится, в какой-то степени, средством доказательства эмоциональности и содержательности музыки, её возможности отражать и передавать все движения души человека. В немецкой эстетике XVIII века учение об аффектах играло огромную роль. От Маттезона это учение переходит и к другим видным представителям немецкой музыкальной теории – Иоганну Иоахиму Кванцу (1697–1773), Фридриху Вильгельму Марпургу (1718–1795) и Филиппу Эммануэлю Баху (1714–1788). В эпоху барокко сформировались два основных географических музыкальных центра. Один – в северной Германии, имеющий последующее продолжение в Голландии. Голос и орган здесь главенствовали. Другим центром был юг Европы – Италия, где зародились основные инструментальные формы – сонаты и концерты. Здесь искусство было на высоте и достигло вершин в творчестве композиторов К. Монтеверди, Г. Перселла, А. Корелли, А. Вивальди, А. Скарлатти, Д. Скарлатти, Д. Перголези, Г. Генделя, И.С. Баха и мн. др. Музыка этого вре-

мени отличалась преимущественно светским характером, суть её – обретение и утверждение своей необычной формы, характеризующейся декоративностью, неожиданностью переходов, трудными, виртуозными пассажами, одновременным звучанием множества инструментов, использованиями танцевальных ритмов. В истории вокального искусства роскошь барокко проявилась расцветом исполнительских школ и соответствующего стиля исполнения вокальной музыки. Всё это было тогда, своего рода, революцией в искусстве. Истоки исполнительской эстетики этой эпохи уходят корнями в культуру Средневековья и Возрождения, когда преобладало мягкое звучание, требующее небольших по составу ансамблей, использование деревянных духовых и соответствующих струнных инструментов. Тогда же начинается новая веха в развитии полифонического искусства, расцвет чисто инструментальной музыки и гармонии, как основного средства формообразования. Главной задачей исполнителя в работе над полифонией становится дифференцированность фактуры многоголосного изложения и, по возможности, тембровая окраска разных голосов. Но достижение этого всегда было возможно лишь при наличии высшего мастерства, и на авансцене, в некотором смысле своевременно, появляется фигура Великого Кантора – И.С. Баха (1685 – 1750), творчество которого явилось вершиной полифонии.

Выводы

Таким образом, эпоха музыкального барокко, охватывая промежуток с 1600 до 1750 гг., стала временем когда определились и откристаллизовались такие основные черты этого стиля в музыке как – контрасты и противопоставления; – широкое использование неустойчи-

вых диссонирующих созвучий; – ослабление контроля католической церкви, расширение функций нерелигиозной музыки; – появление новых видов изложения музыкального материала (монодия с сопровождением, гомофония), положивших начало комбинированным формам и жанрам в музыке (ария, опера, оратория, кантата и т. д.); – формирование чётких границ мажора и минора; – развитие гомофонии, соединение слова и голоса; – свобода в толковании различных жанров (фуга может быть частью сюиты или концерта, в оперу включают развернутые инструментальные пьесы и т. д.); – развитая музыкальная орнаментика; – основной инструментарий, как в духовной, так и в светской камерной музыке, представлен органом и клавесином.

Список литературы

1. Афонина Н.Ю. Малые формы в музыке высокого ренессанса и барокко: формообразующая роль музыкального синтаксиса. Лекции. / Н.Ю. Афонина – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 168 с.
2. Берченко Р.Э. В поисках утраченного смысла. Болеслав Яворский о «Хорошо темперированном клавире». / Р.Э. Берченко. – Москва: Классика-XXI, 2008. 370 с.
3. Бочаров Ю.С. Жанры инструментальной музыки эпохи барокко: учебное пособие для педагогов и студентов высших учебных заведений по специальности 072901 «Музыковедение» / Ю.С. Бочаров; Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского, Научно-исследовательский центр методологии исторического музыковедения при Кафедре истории зарубежной музыки. – Москва: Московская консерватория, 2016. 230 с.
4. Бочаров Ю. С. На пути к систематизации форм инструментальной музыки эпохи барокко // Старинная музыка. 2018. № 2. С. 11-20.
5. Браудо И.А. Об изучении клавирных сочинений Баха в музыкальной школе. / И.А. Браудо. – Санкт-Петербург: Северный олень, 1994. 79 с.
6. Ливанова Т.Н. Западноевропейская музыка XVII-XVIII веков в ряду искусств = Западноевропейская музыка семнадцатого-восемнадцатого веков в ряду искусств / Т.Н. Ливанова; Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. – Москва: Музыка, 1977. 528 с.
7. Музыкально-теоретические системы: учебник для историко-теоретических и композиторских факультетов музыкальных вузов / Ю. Холопов [и др.]; [ред.: Т.С. Кюрегян, В.С. Ценова (отв. ред.)]; Московская гос. консерватория им. П.И. Чайковского. – Москва: Композитор, 2006. 631 с.
8. Назайкинский Е.В. Стиль и жанр в музыке: учебное

- пособие для студентов высших учебных заведений / Е.В. Назайкинский. – Москва: Владос, 2003. 248 с.
9. Носина В.Б. Символика музыки И.С. Баха / В.Б. Носина; Междунар. курсы высш. худож. мастерства пианистов памяти С.В. Рахманинова. – Тамбов: [б. и.], 1993. 103 с.
 10. Фейнберг С.Е. Пианизм как искусство / Вступ. статья В. Натансона, с. 3-29. – 2-е изд., доп. – Москва: Музыка, 1969. 598 с.

References

1. Afonina N.Yu. Small Forms in High Renaissance and Baroque Music: The Form-Generating Role of Musical Syntax. Lectures. / N.Yu. Afonina – St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2006. 168 p.
2. Berchenko R.E. In Search of the Lost Meaning. Boleslav Yavorsky on The Well-Tempered Clavier. / R.E. Berchenko. – Moscow: Klassika-XXI, 2008. 370 p.
3. Bocharov Yu.S. Genres of Instrumental Music of the Baroque Era: A Textbook for Teachers and Students of Higher Education Institutions in the Specialty 072901 «Musicology» / Yu.S. Bocharov; Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky, Research Center for the Methodology of Historical Musicology at the Department of the History of Foreign Music. – Moscow: Moscow Conservatory, 2016. 230 p.
4. Bocharov Yu. S. Towards Systematization of Forms of Instrumental Music of the Baroque Era // Early Music. 2018. № 2. P. 11-20.
5. Braudo I.A. On the Study of Bach's Clavier Works in Music School. / I.A. Braudo. – St. Petersburg: Severnyy Olyon, 1994. 79 p.
6. Livanova T.N. Western European Music of the 17th-18th Centuries in the Series of Arts = Western European Music of the Seventeenth-Eighteenth Centuries in the Series of Arts / T.N. Livanova; Institute of Art History of the USSR Ministry of Culture. – Moscow: Muzyka, 1977. 528 p.
7. Musical-theoretical systems: a textbook for historical-theoretical and composition faculties of music universities / Yu. Kholopov [et al.]; [editors: T.S. Kyuregyan, V.S. Tsenova (responsible editors)]; Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky. – Moscow: Kompozitor, 2006. 631 p.
8. Nazaikinsky E.V. Style and genre in music: a textbook for students of higher educational institutions / E.V. Nazaikinsky. – Moscow: Vlados, 2003. 248 p.
9. Nosina V.B. Symbolism of I.S. Bach's music / V.B. Nosina; International courses for higher artistic mastery of pianists in memory of S.V. Rachmaninoff. – Tambov: [b. i.], 1993. 103 p.
10. Feinberg S.E. Pianism as an art / Introductory article by V. Natanson, p. 3-29. – 2nd ed., suppl. – Moscow: Muzyka, 1969. 598 p.

Чжан Кай

Магистрант,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Невраева Н.Ю.

Старший преподаватель.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Кабанов А.М.

Доцент. Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина. Уральский государственный горный университет.
Негосударственного частного образовательного учреждения «Технический университета УГМК».

Пыркова Т.А.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Яценко О.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Распространение и влияние литературной мысли Ф.М. Достоевского в Китае*

Аннотация. Произведения Ф.М. Достоевского в Китае и их влияние на китайскую культуру и литературу. В статье выделяются этапы перевода и восприятия творчества Достоевского в Китае — от первых переводов в начале XX века до современных интерпретаций. Особое внимание уделяется влиянию идей Достоевского на китайских писателей (например, Лу Синя и Ба Цзиня) и их роли в развитии китайской литературы реалистического направления. Кроме того, рассматриваются трудности, связанные с восприятием русского культурного контекста, а также проблемы перевода, приводящие к различным интерпретациям его творчества. В заключении подчеркивается значимость идей Достоевского для межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем, а также их актуальность для дальнейшего исследования литературных взаимосвязей.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, реализм, межкультурное взаимодействие, литературные взаимосвязи.

Zhang Kai

Master's Student of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Nevraeva N.Y.

Senior lecturer of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

* © Чжан Кай, Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Пыркова Т.А., Яценко О.Ю., 2025.
Распространение и влияние литературной мысли Ф.М. Достоевского в Китае

Kabanov A.M.

Associate Professor of the of the Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ural State Mining University.
Non-state private educational institution "UMMC Technical University".

Pyrkova T.A.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Yatsenko O.Y.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

The spread and influence of F.M. Dostoevsky's literary thought in China

Abstract. Dostoevsky's works in China and their influence on Chinese culture and literature. The article highlights the stages of translation and perception of Dostoevsky's work in China - from the first translations in the early twentieth century to modern interpretations. Special attention is paid to the influence of Dostoevsky's ideas on Chinese writers (e.g. Lu Xin and Ba Jin) and their role in the development of Chinese realist literature. In addition, the difficulties associated with the perception of the Russian cultural context, as well as translation problems leading to different interpretations of his work, are discussed. The conclusion emphasizes the significance of Dostoevsky's ideas for intercultural interaction between Russia and China, as well as their relevance for further research into literary interrelationships.

Key words: F.M. Dostoevsky, realism, intercultural interaction, literary relationships.

1. Этапы перевода и восприятия творчества Достоевского в Китае

Фёдор Михайлович Достоевский — один из наиболее значимых русских писателей, чьё творчество оказало значительное влияние на мировую литературу. В Китае интерес к его произведениям начал формироваться в начале XX века, совпадая с процессом открытия западной культуры.

Восприятие Достоевского в Китае проходило несколько этапов: от первых переводов в начале XX века до современных интерпретаций, что свидетельствует о его постоянной актуальности [1]. В начале XX века произведения писателя впервые проникли в Китай через японские переводы, что привело к ис-

кажению оригинального текста, однако его идеи о социальной справедливости вызвали интерес среди китайской интеллигенции.

В период 1950–1970-х годов, на фоне тесных культурных связей с СССР, появились переводы с русского языка, но восприятие Достоевского ограничивалось социальными аспектами и идеологической фильтрацией, а его философская глубина оставалась в тени. С 1980-х годов, в эпоху реформ и открытости, творчество Достоевского обрело новую популярность: качественные переводы, выполненные китайскими учёными, позволили читателям глубже понять его религиозно-философские идеи. В 1990-е годы китайские исследо-

вания Достоевского пережили важный поворотный момент, освободившись от прежней вульгарной социологической критики и достигнув процветания в таких направлениях, как нарратология, психоаналитическая критика, религиозно-культурные исследования, социологическая критика и сравнительное литературоведение [2].

В последние десятилетия интерес к Достоевскому в Китае продолжает расти. Исследователи анализируют его творчество с точки зрения философии, психологии и социологии, находя параллели между его идеями и современными проблемами китайского общества. В университетах проводятся конференции, посвящённые русской литературе, и значительное внимание уделяется именно Достоевскому.

Процесс распространения и восприятия произведений Достоевского в Китае был сложным и отражает глубину и широту культурного обмена между Китаем и Россией [3]. Сегодня творчество писателя широко изучается, популяризируется через книги, театральные постановки и культурные проекты. С первых переводов в начале XX века до современности Достоевский остаётся одной из наиболее изучаемых фигур русской литературы в Китае.

2. Влияние идей Достоевского на китайскую литературу

Произведения Достоевского оставили глубокий след в китайской литературе, особенно в творчестве писателей XX века, которые черпали вдохновение в его философских и психологических концепциях.

Произведения Достоевского глубоко раскрывают сложность человеческой души, отражая уникальное понимание человеческой природы в русской литературе [4]. Идеи Достоевского о морали, свободе и ответствен-

ности оказали глубокое влияние на китайских писателей, таких как Лу Синь и Ба Цзинь, и способствовали развитию китайской литературы реалистического направления [5]. Например, в рассказах Лу Синя присутствует глубокая моральная рефлексия, схожая с размышлениями героев Достоевского. Образ «маленького человека», столь характерный для произведений Достоевского, также стал важным элементом китайской литературы. Писатели, такие как Шэнь Цунвэнь и Лао Шэ, создавали героев, чья жизнь и страдания отражали социальные и политические проблемы эпохи. В частности, в произведении Лао Шэ «Рикша» главный герой сталкивается с несправедливостью и социальным давлением, что вызывает ассоциации с судьбой героев Достоевского. Эти параллели помогают подчеркнуть универсальность и актуальность идей русского писателя. Страдание в произведениях китайского автора также часто воспринимается как неизбежный этап на пути к осознанию истины. Его влияние также проявилось в развитии психологического анализа в китайской литературе. Творчество Достоевского способствовало развитию психологического анализа в китайской литературе, помогая авторам глубже изучать внутренний мир своих героев.

Философские размышления Достоевского о добре и зле, свободе воли и человеческой ответственности также стали важной частью литературной мысли Китая. Особенно это заметно в произведениях современного китайского автора Мо Яня, чьи романы переполнены символизмом и глубокими моральными дилеммами. Некоторые литературные критики отмечают, что Достоевский оказал влияние на развитие жанра психологического романа в Китае.

Произведения Достоевского представляют интеллектуальные ресурсы, выходящие за рамки литературы, охватывая философию, социологию, историю, антропологию, религию и другие области [6]. В современную эпоху творчество Достоевского продолжает влиять на китайскую литературу, отражая актуальные социальные и философские вопросы, такие как проблемы модернизации и утрата традиционных ценностей.

3. Отличительные особенности машинного перевода для русско-китайских текстов.

Современные технологии перевода открывают новые возможности для изучения произведений Достоевского, однако они сталкиваются с рядом сложностей.

Перевод играет ключевую роль в культурном взаимодействии между Россией и Китаем, позволяя перенести идеи, ценности и художественные образы из одной культурной среды в другую. Исследования произведений Достоевского в Китае претерпели трансформацию от примитивной социологической критики к более многогранным и разнообразным подходам [7].

Перевод произведений Достоевского на китайский язык представляет собой процесс сложного межкультурного взаимодействия, где важно учитывать не только языковые, но и культурно-исторические аспекты [8]. Его работы, наполненные глубокими философскими размышлениями, моральными дилеммами и религиозными поисками, стали стимулом для осмысления общечеловеческих вопросов в китайском контексте. Через переводы китайские читатели смогли прикоснуться к уникальной русской традиции, исследующей сложность человеческой природы и вопросы свободы и ответственности.

Благодаря переводам идеи Достоевского были творчески восприняты и адаптированы китайскими писателями и философами. Его акцент на психологическом анализе и борьбе добра и зла вдохновил китайских авторов на создание произведений, которые объединяют элементы русской и китайской литературной традиции. Например, многие писатели, такие как Лу Синь, заимствовали у Достоевского реалистический подход к исследованию социальных и моральных проблем.

В эпоху глобализации перевод остаётся важным мостом для укрепления культурных связей между Россией и Китаем. Трудности перевода произведений Достоевского на китайский язык связаны с несовпадением культурных моделей и структурной композицией языков, что приводит к разнообразию интерпретаций [9]. Переводчик, работающий с произведениями Достоевского, сталкивается с необходимостью учитывать философскую глубину текста и его языковую сложность [10]. Современные китайские переводы произведений Достоевского, выполненные с учётом всех аспектов оригинала, способствуют развитию научных исследований, образовательных программ и культурных обменов. Перевод позволяет не только передавать литературное наследие, но и способствует взаимному обогащению культур, открывая новые горизонты для изучения и интерпретации.

Несмотря на существующие проблемы, технологии машинного перевода продолжают совершенствоваться. Интеграция нейронных сетей и искусственного интеллекта позволяет добиваться более точной передачи лексико-семантической структуры текста. Для повышения качества перевода важно учитывать контекст и использовать

специализированные словари, адаптированные для литературных текстов. Кроме того, разработка гибридных методов перевода, объединяющих автоматический перевод и последующую редактуру человеком, может стать эффективным решением для работы с литературными текстами.

В заключение, перевод произведений Достоевского на китайский язык сыграл решающую роль в формировании культурного моста между Россией и Китаем. Его идеи о природе человека, смысле жизни и духовных поисках нашли отклик в сердцах китайских читателей и писателей. Однако сложность перевода его произведений, особенно с использованием машинных технологий, остаётся серьёзным вызовом. Углублённое изучение творчества Достоевского и развитие новых методов перевода помогут преодолеть эти трудности.

Список литературы

1. Шишкин С.А. Литературные связи России и Китая: история и современность. // Журнал литературных исследований, 2018. № 29 (4). С. 25-34.
2. Дин Ш.С. Обзор исследований Достоевского в Китае в 1990-е годы. // Журнал Чжэцзянского технологического университета, 2021. № 44 (6). С. 567-574.
3. Чжао Г.Л. Исследование и анализ изучения Достоевского в Китае за 60 лет нового Китая. // Журнал философских и социальных наук Хунаньского университета, 2014. № 38 (2). С. 98-102.
4. Волгин И.Л. Достоевский: жизнь и творчество. // Молодая гвардия. 2005.
5. Чжан С.Х. Русская классика в китайской литературе XX века. // Культурология Востока, 2021. № 11 (2). С. 47-62.
6. Ли Ч.Ц. Многогранное влияние Ф.М. Достоевского на гуманитарные науки. // Журнал исследований гуманитарных и социальных наук Пекинского университета, 2021. № 8 (3). С. 35-42.
7. Дин Ш.С. Обзор исследований Достоевского в Китае в 1990-е годы. // Журнал Чжэцзянского технологического университета, 2021. № 44 (6) С. 567-574.
8. Бочарова П.А. Межязыковые трансформации при переводе русской художественной литературы на китайский язык. // Наука в мегаполисе, 2023. № 1 (46). С. 80-87.
9. Бочарова П.А. Межязыковые трансформации при переводе русской художественной литературы на китайский язык. // Наука в мегаполисе, 2023. № 1 (46). С. 80-87.
10. Ли Х.Д. Трудности перевода русской философской

литературы на китайский язык. // Филологические горизонты, 2020. № 15 (3). С. 131-145.

References

1. Shishkin S.A. Literary ties between Russia and China: history and modernity. // Journal of Literary Studies, 2018. № 29 (4). P. 25-34.
2. Ding Sh.S. Review of Dostoevsky studies in China in the 1990s. // Journal of Zhejiang University of Technology, 2021. № 44 (6). P. 567-574.
3. Zhao G.L. Research and analysis of Dostoevsky studies in China over 60 years of new China. // Journal of Philosophical and Social Sciences of Hunan University, 2014. № 38 (2). P. 98-102.
4. Volgin I.L. Dostoevsky: life and work. // Young Guard. 2005.
5. Zhang S.H. Russian Classics in Chinese Literature of the 20th Century. // Cultural Studies of the East, 2021. № 11 (2). P. 47-62.
6. Li Z. Ts. The Multifaceted Influence of F. M. Dostoevsky on the Humanities. // Journal of Research in Humanities and Social Sciences, Peking University, 2021. № 8 (3). P. 35-42.
7. Ding Sh. S. Review of Dostoevsky Studies in China in the 1990s. // Journal of Zhejiang University of Technology, 2021. № 44 (6) P. 567-574.
8. Bocharova P. A. Interlingual Transformations in the Translation of Russian Fiction into Chinese. // Science in the Metropolis, 2023. № 1 (46). P. 80-87.
9. Bocharova P.A. Interlingual transformations in the translation of Russian fiction into Chinese. // Science in the metropolis, 2023. № 1 (46). P. 80-87.
10. Li H.D. Difficulties in translating Russian philosophical literature into Chinese. // Philological horizons, 2020. № 15 (3). P. 131-145.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Данакин Н.С.

*Доктор социологических наук, профессор.
Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.*

Конев И.В.

*Доктор социологических наук, профессор.
Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.*

Принципы и методы деэскалации организационных конфликтов*

Аннотация. Успешная деэскалация (ослабление и устранение) организационных конфликтов возможна при использовании релевантных технологических принципов и методов. В данной статье представлено обоснование и описание этих принципов и методов.

Ключевые слова: деэскалация, технология, принцип, конфликт, урегулирование, поэтапность, сотрудничество, состязательность, коммуникация, конвенция.

Danakin N.S.

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State Technological University.

Konev I.V.

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State Technological University.

Principles and methods of de-escalation of organizational conflicts

Abstract. Successful de-escalation (weakening and eliminating) of organizational conflicts is possible with the use of relevant technological principles and methods. This article presents the rationale and description of these principles and methods.

Key words: de-escalation, technology, principle, conflict, settlement, stage-by-stage, cooperation, competition, communication, convention.

Деэскалация организационных конфликтов нацелена на устранение, по меньшей мере, их ослабление. Достижение этой цели возможно при условии: во-первых, соблюдения определенных принципов; во-вторых, использования релевантных методов (Смотрим более подробно об этом¹).

¹ Авраменко В.Г. Роль рефлексивной

культуры в разрешении организационных конфликтов // Дни науки института менеджмента МГПУ 9-10 октября 2015 года. 2015. С. 15-20; Буралова М.А., Гайрбекова Р.С. Управление организационными конфликтами в деловых организациях: теоретические проблемы исследования // ФГУ Science. 2018. № 1 (11). С. 27-32; Гостев А.Н., Демченко Т.С. Организационный конфликт: социологический аспект. – М.: 2013. 179 с; Гридчин А.А. Коммуникативные технологии регулирования региональных конфликтов // Философия. Социология и социальные технологии. Вестник

* © Данакин Н.С., Конев И.В., 2025.

Принципы и методы деэскалации организационных конфликтов

1. *Принципы деэскалации организационных конфликтов.* Нами выделено два таких принципа – поэтапность и двухуровневое регулирование.

Принцип поэтапности ориентирует на то, что процесс урегулирования конфликта проходит в несколько этапов:

– исходный этап урегулирования конфликта – его *институционализация*. На этом этапе важно провести своего рода «инвентаризацию» институциональных норм и правил, закрепленных в виде указов, законов и даже неформальных устных договоренностей;

– следующий этап урегулирования конфликта – его *легитимизация*, которая направлена на достижение добровольного согласия конфликтующих сторон относительно установленных норм и правил, обеспечение готовности субъектов социального взаимодействия соблюдать иницилируемый порядок;

– третий этап урегулирования конфликтного взаимодействия – *структурирование* участвующих в нем групп. Структурирование участвующих в конфликте групп позволяет подойти к измерению и оценке силового потенциала, что позволяет, в свою очередь, установить в организации иерархию неформального влияния, благодаря чему, сдерживается эскалация конфликта.

Волгоградского государственного университета. 2009. Серия 7. С. 105-109; Гридчин А.А. Социально-технологическая культура регулирования социальных конфликтов // Общество: экономика, политика, право. 2009. № 6. С. 17-22; Козырев, Г.И. Модели управления конфликтами в организации // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1-2 (97-98). С. 118-129; Копылова А.В. Конфликтная компетентность // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2017. № 1-2. С. 87-90; Назарова О.Л., Лешер О.В. Готовность сотрудника организации к управлению конфликтом: структурно-содержательный аспект // Известия Российской академии образования. 2018. № 1 (45). С. 84-90; Цыганкова Е.Н., Мохаммад Заман Амин Структура конфликтной компетентности // Образование и общество. 2017. № 5-6 (106-107). С. 114-118.

Разумеется, качественные и количественные параметры участников конфликтного взаимодействия так или иначе выявляются в латентном режиме, но умелое управление конфликтом может активизировать этот процесс и, следовательно, ускорить получение конечного позитивного эффекта;

– завершающий этап урегулирования конфликта – *редукция*, связанная с его последовательным ослаблением, посредством перевода на приемлемый уровень. Исходным инструментом при осуществлении данной процедуры может быть использование шкалы, охватывающей возможные уровни напряженности в конфликте. Это могут быть шкалы Ж. Фовэ, М. Амстутца и другие, которые уже были представлены выше. В данном случае шкалы нужны для того, чтобы понять, насколько реалистична поставленная задача редукции конфликта, которая предполагает его перевод на следующую ступень².

Принцип двухуровневого регулирования ориентирован на выявление и снятие, с одной стороны, объективно существующих противоречий, являющихся причиной возникновения конфликта, с другой стороны, интерпретацию и оценку указанных противоречий в восприятии конфликтующих сторон. Данный подход способствует решению проблемы психологизации конфликта, которой часто грешат методики диагностирования внутриорганизационных и межгрупповых конфликтов.³

2. Переходя к рассмотрению *методов деэскалации* организационных

2 Фатхуллина Л.З., Ярцева Д.С. Теоретико-методологические методы предупреждения конфликтов в школьной среде // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 15. Т. 16. С. 270-276.

3 Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: 2002. С. 207.

конфликтов, отметим, что их достаточно много, и целесообразна определенная группировка. Такую группировку можно осуществить, на наш взгляд, по функциональному принципу и выделить, соответственно:

– *методы сотрудничества*, смысл применения которых – ограничение и постепенная нейтрализация зоны проявления конфликтных отношений и вытеснение альтернативными отношениями сотрудничества;

– *компаративно-состязательные методы*, связанные с распространением отношений социального сравнения и состязательности, которые могут оказаться «заменой» конфликтных отношений, поскольку в них сохраняется родовая оппозиция «я и другой» (или «я и чужой»), но при этом, исключается внутренний фактор непримиримости и враждебности;

– *коммуникативные методы*, которые ориентированы, с одной стороны, на распространение коммуникативного пространства взаимодействия конфликтующих субъектов, с другой стороны, на устранение, доминирование и тем более исключение его негативного контекста (если иметь в виду негативные взаимоотношения конфликтующих сторон);

– *конвенциональные методы*, основанные на том что, во-первых, люди принимают на себя определенные обязательства, дают друг другу обещания и даже клятвы; во-вторых, они стремятся, как правило, к тому, чтобы выполнить данные обещания и принятые обязательства; в-третьих, в любой организации применяются соответствующие санкции к нарушителям конвенциональных норм⁴.

Приступая к характеристике мето-

4 Данакин Н.С., Конев И.В. Конвенционально-договорная культура деловых отношений. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2014. 164 с.

дов сотрудничества в контексте превентивного управления организационными конфликтами, отметим, что замена конфликта взаимодействующих сторон их сотрудничеством была бы идеальным вариантом в данном случае, однако эти стороны особо и не стремятся к сотрудничеству, более того, противодействуют попыткам его установления. Противодействие вызвано многими причинами – взаимным недоверием конфликтующих сторон, инерцией привычной для них практики противостояния и противодействия и др. В этой связи возникает резонный вопрос о том, как наладить сотрудничество конфликтующих сторон, если они не хотят его и противодействуют ему? Задавшись этим вопросом, Н.С. Данакин и Л.Я. Дятченко предложили восемь методов, которые, по их мнению, могут «сделать брешь» в системе взаимного отчуждения и неприязни конфликтующих сторон. Это – методы обращения к интересам противоборствующих сторон, обращения к значимым ценностям, значимого содействия, экстремальной поддержки, объективных предложений, вариативных предложений, перекрестных предложений, посредничества.

Смысл *метода обращения к интересам противоборствующих сторон* заключается в следующем: во-первых, в различении позиций и интересов конфликтантов (позиции – то, на чем они настаивают, интересы – то, в чем они нуждаются); во-вторых, в признании несовпадения позиции и интересов; в-третьих, в понимании того, что один и тот же интерес может выражаться в нескольких позициях; в-четвертых, в ориентации на примирение интересов, а не позиций⁵.

5 Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1994. С. 37-38.

Метод обращения к значимым ценностям. Если люди нацелены на вступление в важный контакт с другими, то необходимо предварительно выяснить круг их увлечений, интересов. Люди открываются тем, с кем находят общие увлечения, мысли и переживания.

Метод значимого содействия: целесообразно применять по отношению к партнеру (реальному или потенциальному), активно стремящемуся самоутвердиться, проявить собственную значимость, но не ясно представляющему, как это можно осуществить на практике.

Метод экстремальной поддержки: когда люди попадают в экстремальную ситуацию, хватаясь за все, чтобы выбраться из нее, неожиданная поддержка со стороны (организационная, материальная, психологическая и т.д.) воспринимается ими с отдельной благодарностью. Ценность поддерживающих действий различна в обычных, драматических и экстремальных ситуациях.

Метод объективированных предложений: используется чаще всего при предъявлении требований к противоположной стороне, которые должны иметь объективные основания (ссылка на возникшую проблему, стечение обстоятельств и т.п.), а не субъективные предпочтения и амбиции. Так, по крайней мере, это должно выглядеть для противоположной стороны.

Метод вариативных предложений: предполагает одновременную подготовку двух неравноценных вариантов предложений по сотрудничеству. Слабый вариант будет отклонен потенциальным партнером, а наиболее сильный вариант он примет. У него появится возможность выбора: что-то принять, а что-то отклонить. И это не может не польстить его самолюбию.

Метод перекрестных предложений: предусматривает определенные «вложения» противоборствующих сторон в разработку и реализацию стратегии урегулирования конфликта и, тем самым, установление взаимоотношений и взаимнообязывающих и взаимноответственных отношений.

Метод посредничества: достаточно распространенный метод установления и налаживания сотрудничества; успешность его применения связана непосредственно с авторитетом посредника, принимаемым обеими сторонами, его нейтральной позицией в отношении делегированных ему полномочий.

Мы отдаем себе отчет в том, что деэскалация конфликтного взаимодействия посредством его перерастания в сотрудничество – это достаточно продолжительный и нелинейный процесс, а в ряде случаев она практически невозможна: слишком велик аксиологический и функциональный перепад между сотрудничеством и конфликтом. Важное значение в возможном устранении такого перепада (разрыва) имеет соперничество (состязательность), которое занимает промежуточное положение между сотрудничеством и конфликтом, смещаясь в некоторых случаях то к одному, то к другому. Коллебания сотрудничества в диапазоне от конфликта до сотрудничества дают возможность использовать его в качестве «мостика» для перехода от конфликта к сотрудничеству и, наоборот. В данном случае нас интересует не обратное, а прямое движение – от конфликта через соперничество к сотрудничеству.

С использованием потенциала соперничества в превентивном управлении организационными конфликтами связаны *компаративно-состязательные методы*, которые условно можно разделить на две группы: 1) компара-

Компаративные методы	Состязательные методы
Явное сравнение	Сравнимость результатов
Косвенное сравнение	Гласность результатов
Публичное сравнение	Возможность повторения передового опыта
Конкурсно-состязательное сравнение	Групповой метод организации
Компаративная дифференциация	Поэтапный метод организации
	Дифференцированный метод организации

Рисунок 1. Компаративно-состязательные методы превентивного управления организационными конфликтами.

тивные методы (от лат. *comparatio* – сравнение), основанные на социальном сравнении⁶; 2) состязательные методы, предполагающие целенаправленное использование регулятивного потенциала состязательности (состязательных отношений)⁷. На рисунке 1 представлены компаративные методы, основанные С.Н. Питка⁸, и состязательные методы, предложенные С.В. Хашаевой⁹.

Значительные возможности для превентивного управления организационным конфликтом открываются *коммуникативными методами*, основанными на непосредственном общении (коммуникации) конфликтующих сторон. Механизм применения коммуникативных методов заключается в изменении формата общения с целью оказать содействие на поведение и установку противоборствующих сторон:

- коммуникативное включение предполагает установление и расширение непосредственных контактов

противоборствующих сторон, что может обеспечить взаимопонимание и достижение согласия по тем или иным вопросам;

- коммуникативная адаптация направлена на превентивное информирование сотрудников, вступающих во взаимодействие о задачах и особенностях взаимодействия и друг о друге;

- коммуникативная изоляция – ограничение или прекращение коммуникаций конфликтующих сторон;

- изменение дистанции, то есть степени коммуникативной близости и отдаленности конфликтующих сторон;

- референтное влияние, то есть влияние на конфликтующие стороны через группу «значимых других»;

- исключение альтернативных воздействий: применяется в тех случаях, когда реальный или потенциальный эффект референта группы приходится не усиливать и использовать, а, напротив, нейтрализовать;

- коммуникативное усиление: предусматривает повышение интенсивности непосредственных коммуникативных контактов с целью обеспечения и поддержания «прозрачности» «отслеживания» взаимодействия конфликтующих сторон.

Таким образом, технология (принципы, методы) деэскалации конфлик-

6 Данакин Н.С., Питка С.Н. Компаративный механизм социальной регуляции. Белгород: Логия, 2003. 276 с.

7 Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2009. 146 с.

8 Питка С.Н. Компаративный анализ социальной регуляции: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2002. 247 с.

9 Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции: дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2005. 206 с.

тов нацелена на устранение, по меньшей мере, на ослабление уже имеющегося организационного конфликта. Достижение данной цели осуществляется посредством соблюдения определенных принципов, использования релевантных методов. Выделены и рассмотрены три группы методов деэскалации организационных конфликтов: методы сотрудничества, компаративно-состязательные методы, коммуникативные методы, конвенциональные методы. Для налаживания сотрудничества в контексте деэскалации организационного конфликта предложены методы обращения к интересам противоположных сторон, обращения к значимым ценностям, значимого содействия, экстремальной поддержки, объективных предложений, вариативных предложений, перекрестных предложений, посредничества.

Список литературы

1. Авраменко В.Г. Роль рефлексивной культуры в разрешении организационных конфликтов // Дни науки института менеджмента МГПУ 9-10 октября 2015 года. 2015. С. 15-20.
2. Буралова М.А., Гайрбекова Р.С. Управление организационными конфликтами в деловых организациях: теоретические проблемы исследования // ФГУ Science. 2018. № 1 (11). С. 27-32.
3. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Организационный конфликт: социологический аспект. – М.: 2013. 179 с.
4. Гридчин А.А. Коммуникативные технологии регулирования региональных конфликтов // Философия. Социология и социальные технологии. Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. Серия 7. С. 105-109.
5. Гридчин А.А. Социально-технологическая культура регулирования социальных конфликтов // Общество: экономика, политика, право. 2009. № 6. С. 17-22.
6. Данакин Н.С., Конев И.В. Конвенционально-договорная культура деловых отношений. Белгород: ИП Осташенко А.А., 2014. 164 с.
7. Данакин Н.С., Питка С.Н. Компаративный механизм социальной регуляции. Белгород: Логия, 2003. 276 с.
8. Козырев, Г.И. Модели управления конфликтами в организации // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1-2 (97-98). С. 118-129.
9. Копылова А.В. Конфликтная компетентность // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2017. № 1-2. С. 87-90.
10. Назарова О.Л., Лешер О.В. Готовность сотрудника организации к управлению конфликтом: структурно-содержательный аспект // Известия Российской академии образования. 2018. № 1 (45). С. 84-90.
11. Фатхуллина Л.З., Ярцева Д.С. Теоретико-методологические методы предупреждения конфликтов в школьной среде // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 15. Т. 16. С. 270-276.
12. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1994. С. 37-38.
13. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции. Белгород: ИП Осташенко А.А., 2009. 146 с.
14. Цыганкова Е.Н., Мохаммад Заман Амин Структура конфликтной компетентности // Образование и общество. 2017. № 5-6 (106-107). С. 114-118.
15. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пограничная река: ее лимнологические преимущества, геополитические водороты и омуты // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
19. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 1. (№ 36). С. 126-137.
20. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. № 53. С. 12-21.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
26. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
28. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен //

- Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
 30. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
 31. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
 32. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.

References

1. Avramenko V.G. The role of reflexive culture in resolving organizational conflicts // Days of Science of the Institute of Management of Moscow State Pedagogical Univ. October 9-10, 2015. 2015. P. 15-20.
2. Buralova M.A., Gairbekova R.S. Management of organizational conflicts in business organizations: theoretical problems of research // FGU Science. 2018. № 1 (11). P. 27-32.
3. Gostev A.N., Demchenko T.S. Organizational conflict: sociological aspect. – М.: 2013. 179 p.
4. Gridchin A.A. Communicative technologies for regulating regional conflicts // Philosophy. Sociology and social technologies. Bulletin of Volgograd State University. 2009. Series 7. P. 105-109.
5. Gridchin A.A. Social and technological culture of regulating social conflicts // Society: economics, politics, law. 2009. № 6. Pp. 17-22.
6. Danakin N.S., Konev I.V. Conventional-contractual culture of business relations. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2014. 164 p.
7. Danakin N.S., Pitka S.N. Comparative mechanism of social regulation. Belgorod: Logia, 2003. 276 p.
8. Kozlyrev, G.I. Models of conflict management in an organization // Personality. Culture. Society. 2018. Vol. 20. № 1-2 (97-98). P. 118-129.
9. Kopylova A.V. Conflict competence // Intellectual resources - regional development. 2017. № 1-2. P. 87-90.
10. Nazarova O.L., Leshner O.V. Employee readiness for conflict management: structural and substantive aspect // Bulletin of the Russian Academy of Education. 2018. № 1 (45). P. 84-90.
11. Fatkhullina L.Z., Yartseva D.S. Theoretical and methodological methods of conflict prevention in the school environment // Bulletin of the Kazan Technological University. 2013. № 15. Vol. 16. P. 270-276.
12. Fisher R., Uri U. The path to agreement, or negotiations without defeat. – М.: Science, 1994. P. 37-38.
13. Khashaeva S.V. Competitive mechanism of social regulation. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2009. 146 p.
14. Tsygankova E.N., Mohammad Zaman Amin Structure of conflict competence // Education and society. 2017. № 5-6 (106-107). P. 114-118.
15. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring the availability of medical care // Culture of the World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
19. Ryabova E.L. The Law of Required Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Sparked by the Monograph "The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management") // The Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.
20. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and Commercial Medical Organizations: Theoretical Aspects of Implementation of Activities // The Power of History – History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. № 53. P. 12-21.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and State Borders: History, Culture, Clash of Civilizations // The Power of History – History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection of Traditional Values with Modernization // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary Cordon: from Medicine to Geopolitics // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting "color revolutions" // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": historical reality or geopolitical fiction // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
26. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // Ethnosociety and interethnic culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State border — a space of interaction of cultures // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
28. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border symbols and borders of symbols // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
30. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
31. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a Web Quest in Studying the Theory of Public Administration // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
32. Baykhanov I.B. Internet, Elections and the Formation of Electoral Culture // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.

Кравченко В.И.

Доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи*

Аннотация. В статье рассматривается FOMO («Страх упустить что-то») как актуальная социальная проблема молодёжи, её причины и последствия для психического здоровья молодёжи, а также возможные пути её преодоления. Показано, как FOMO влияет на межличностные отношения, самооценку и общую картину жизни молодого человека. Проанализированы основные факторы, способствующие развитию FOMO, включая влияние социальных сетей, сравнение с окружающими и культурные ожидания. Рассмотрены психологические и социальные последствия, такие как увеличение уровня тревожности, ухудшение качества сна, снижение концентрации и поверхностность межличностных связей. Предложены практические рекомендации по снижению негативного воздействия FOMO, включая развитие осознанности, управление цифровой активностью и укрепление офлайн-взаимодействий. Сделан вывод о необходимости повышения осведомлённости о проблеме и разработки профилактических мер, направленных на улучшение качества жизни молодёжи в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: страх упустить что-то (FOMO), молодёжь, социальные сети, проблемное использование социальных сетей, психологическое влияние, зависимость.

Kravchenko V.I.

Doctor of Philosophy, Associate Professor. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Missed opportunity syndrome (FOMO) as a problem of socialization of modern youth

Abstract. The article examines FOMO (“Fear of Missing Out”) as a relevant social issue among youth, its causes, and its impact on mental health, as well as potential ways to address it. The influence of FOMO on interpersonal relationships, self-esteem, and the overall life perception of young individuals is highlighted. The main factors that contribute to the development of FOMO are analyzed, including the influence of social networks, comparison with others, and cultural expectations. The psychological and social consequences, such as increased anxiety, poorer sleep quality, decreased concentration, and superficial interpersonal relationships, are examined. Practical recommendations are offered to reduce the negative effects of FOMO, including developing mindfulness, managing digital activities, and strengthening offline interactions. It concludes that there is a need to raise awareness of the problem and develop preventive measures to improve the quality of life of young people in the digital age.

Key words: Fear of Missing Out (FOMO), youth, social media, problematic social media use, psychological influence, addiction.

* © Кравченко В.И., 2025.

Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи

Введение

В последние десятилетия быстрое развитие технологий и социальных сетей оказало значительное влияние на образ жизни и восприятие мира молодым поколением. В условиях, когда информация доступна в режиме реального времени, а активность в социальных сетях становится частью повседневной жизни, молодые люди сталкиваются с постоянным давлением: необходимость быть «на чеку», не упустить ни одной важной события, модного тренда или актуальной информации. Одним из наиболее актуальных явлений, возникших на фоне этих изменений, является FOMO (Fear of Missing Out) — страх упустить что-то важное или интересное. Само понятие FOMO (Fear of Missing Out) возникло сравнительно недавно, но его корни уходят в глубокую психологическую потребность человека быть частью сообщества и ощущать свою значимость. Этот феномен стал широко известен в 2010-х годах, когда развитие социальных сетей сделало возможным практически мгновенное распространение информации о жизни других людей [6]. Однако, чтобы полностью понять, почему FOMO стал столь актуальным именно в наше время, а также представить каково влияние FOMO оказал на человека, необходимо обратиться к социальным, психологическим и технологическим изменениям последних десятилетий.

Содержание

Как известно, человек самое уязвимое существо на планете, которое мгновенно реагирует на все происходящее в мире. Человек — это социальное существо, которое ценит то, как другие думают и действуют, и то, как это отражается на нём самом. Люди всегда испытывали потребность быть включён-

ными в коллективную деятельность. В древние времена это было связано с необходимостью выживания: принадлежность к группе обеспечивала защиту и ресурсы. Пропуск важного события или информации мог означать потерю преимуществ или даже угрозу для жизни. Со временем эта биологическая потребность трансформировалась, но её основа осталась неизменной: люди по-прежнему стремятся не выпасть из социального контекста. До появления интернета информация распространялась ограниченно и с задержкой. Люди узнавали о событиях из газет, телевизионных программ или устных рассказов. Это давало возможность обработать информацию без давления постоянного потока данных. С появлением социальных сетей ситуация кардинально изменилась. Эти платформы стали не просто источником новостей, а местом, где демонстрируются фрагменты «идеальной» жизни — путешествия, достижения, встречи с друзьями. В результате пользователь сталкивается с постоянным напоминанием о том, что вокруг происходит что-то интересное, а он в это время не участвует. Социальные сети, навязанные человеку информационным миром, усиливают естественную склонность человека к сравнению себя с другими. Но в отличие от реальной жизни, где люди видят и повседневные, и исключительные моменты других, в интернете публикуются только самые разные жизненные эпизоды, и часто не всегда правдивые. Именно это формирует иллюзию человеческого мировоззрения относительно того, что «все вокруг» живут более насыщенной и интересной жизнью. Постоянное сравнение своей жизни с этим «отфильтрованным идеалом» подталкивает к тревоге, ощущению собственной недостаточности и стремлению быть в курсе

всего происходящего. Время ускорило свой бег и

мир стал быстрее, чем когда-либо прежде. Новые тренды, события и информация сменяют друг друга с невероятной скоростью. Если в прошлом для того, чтобы освоить новое увлечение или узнать модный тренд, у человека было достаточно времени, то теперь задержка может означать «упущенную возможность» [8]. Нормой жизни стало FOMO (Fear of Missing Out) — это психологическое состояние, которое характеризуется чувством тревоги, вызванным опасением упустить важные события, возможности или впечатления. Это явление включает в себя эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты, которые формируются под воздействием как внутренних, так и внешних факторов [2].

Следует заметить, что психопатический, а именно, как эмоциональный аспект FOMO проявляется в чувстве тревоги, неуверенности и даже зависти. Эти эмоции часто сопровождаются негативными переживаниями, такими как ощущение одиночества, недостаточности или низкой самооценки. С когнитивной точки зрения, FOMO представляет собой сложное явление, связанное с искажённым восприятием реальности, что зачастую приводит к повышенной тревожности и неудовлетворённости собственной жизнью.

Искажённое восприятие реальности, характерное для FOMO, проявляется в тенденции переоценивать значимость событий, происходящих с другими людьми, и одновременно обесценивать собственные достижения, переживания и опыт. Данное когнитивное искажение связано с феноменом «выборочного внимания», при котором индивиды сосредотачиваются на позитивных аспектах жизни других, ак-

тивно демонстрируемых в социальных сетях, при этом игнорируя их рутинные или негативные стороны. Это создаёт ложное представление о том, что окружающие ведут более насыщенную, интересную и успешную жизнь [1].

Процесс социального сравнения играет центральную роль в развитии когнитивных искажений, связанных с FOMO. Социальное сравнение является естественным механизмом, посредством которого человек оценивает собственные достижения, ценности и положение в обществе. Однако в условиях современной цифровой культуры этот процесс обостряется, приобретая дисфункциональный характер. Взаимодействие с социальными сетями усиливает так называемое «верхнее сравнение», при котором пользователи сопоставляют себя с теми, кто демонстрирует высокий уровень успеха, привлекательности или активности. Публикуемый контент часто представляет собой тщательно отобранные и отредактированные моменты жизни, которые не отражают её реальной картины, но воспринимаются как стандарты, к которым следует стремиться. Это приводит к постоянному ощущению собственной несостоятельности, усиливая тревожность и страх упустить что-либо важное. Постоянный доступ к информации превращает этот процесс в непрерывный, ещё больше обостряя негативные последствия.

Цифровая среда, особенно социальные сети, играет ключевую роль в поддержании и усилении когнитивных искажений, связанных с FOMO. Социальные платформы формируют иллюзию, что жизнь других людей значительно насыщеннее и интереснее, чем собственная. Этот эффект достигается благодаря специфическим механизмам работы сетей. Контент в них преиму-

щественно акцентируется на исключительных моментах жизни пользователей, таких как путешествия, праздники или карьерные достижения, тогда как рутинные или негативные аспекты остаются вне поля зрения. Постоянные обновления создают эффект непрерывной активности, усиливая чувство того, что пользователь отстаёт или пропускает важные события. Дополнительное давление оказывают уведомления и алгоритмы социальных сетей, которые стимулируют проверку приложений и вызывают беспокойство из-за возможного пропуска значимой информации.

На поведенческом уровне FOMO (Fear of Missing Out) выражается через постоянную активность, направленную на получение и обработку информации, участие в социальных взаимодействиях и событийной деятельности. Это поведение формируется под влиянием страха упустить значимые события, тренды или возможности, что в конечном итоге приводит к перегрузке информацией, снижению продуктивности и ухудшению общего благополучия [3]. Молодёжь, которая наиболее активно взаимодействует с цифровыми платформами, особенно подвержена этому страху. Молодые люди боятся остаться позади, упустить шанс, который мог бы изменить их жизнь.

Это связано с рядом биологических, психологических и социальных факторов, которые делают молодых людей более уязвимыми к этому явлению. Рассмотрим некоторые факторы подробнее.

Этап формирования идентичности. Молодёжный возраст — это период, когда человек активно ищет себя, формирует своё «я» и пытается найти своё место в обществе. В этот период особенно важно быть частью группы, соответствовать её нормам и стандар-

там. Социальные сети, которые играют важную роль в жизни молодых людей, создают ощущение, что каждый должен быть активным, успешным и всегда «на волне». Пропуск значимого события или тренда воспринимается как угроза социальному статусу и возможности быть принятым.

Повышенная чувствительность к мнению окружающих. Молодёжь, как правило, сильнее зависит от оценки со стороны сверстников. Это связано с особенностями психологического развития: в юности принятие в группе становится одним из ключевых факторов уверенности в себе. В социальных сетях молодые люди видят, как их ровесники живут яркой и насыщенной жизнью. Это создаёт давление соответствовать, которое усиливает FOMO.

Высокая активность в социальных сетях. Молодые люди — наиболее активные пользователи социальных платформ. Эти платформы не только предоставляют доступ к информации, но и постоянно напоминают о том, что вокруг происходит что-то важное: вечеринки, путешествия, новые достижения. Постоянный поток контента поддерживает ощущение, что жизнь «там» интереснее, чем «здесь», и что человек что-то упускает.

Склонность к экспериментам и жажда новых впечатлений. В молодости естественна тяга к новым переживаниям и открытиям. Молодые люди стремятся попробовать как можно больше, чтобы лучше понять свои интересы и предпочтения. FOMO усиливает это стремление, заставляя их участвовать в большем количестве событий, чем они физически или эмоционально способны осилить.

Недостаток опыта управления временем и приоритетами. Молодёжь часто не имеет навыков грамотного

управления временем, что делает их более восприимчивыми к информационной перегрузке. Им сложно определить, какие события действительно важны, а какие можно пропустить. В результате они стремятся охватить всё, что приводит к тревоге и чувству упущенных возможностей.

Биологические факторы. Исследования показывают, что у молодых людей в подростковом и раннем взрослом возрасте более активна лимбическая система мозга, отвечающая за эмоции и стремление к вознаграждению. Одновременно префронтальная кора, которая контролирует импульсы и помогает принимать рациональные решения, ещё полностью не развита. Эти биологические факторы в большей степени склоняют молодёжь к эмоциональным реакциям, включая тревогу и страх упустить что-то важное.

Социальное давление и культура успеха. В социальных сетях активно продвигается культура успех, в которой важны видимые достижения, участие в ярких событиях и построение образа насыщенной жизни. Молодое поколение, которое ещё не успело достигнуть весомых успехов, ощущает, что должна соответствовать этим социальным ожиданиям, что только усиливает FOMO [7]. В этой связи не стоит оставлять без внимания то, как FOMO может влиять на психологическое здоровье молодёжи.

Социальные сети создают иллюзию, что все вокруг активно участвуют в увлекательной жизни, что может приводит к сравнению себя с другими, усиливая лишь чувство недостаточности. Такое постоянное сравнение оказывает негативное влияние на самооценку и формирует комплексы, которые в свою очередь могут впоследствии вызвать депрессию и другие расстройства. Од-

новременно с эти, FOMO способствует формированию кратковременных связей вместо глубоких межличностных отношений. Молодёжь, погруженная в мир контента и мгновенных удовлетворений, чаще отвлекается на поверхностные взаимодействия, что может привести к одиночеству и эмоциональной изоляции. Это явление создаёт парадокс: несмотря на формальное общение в интернете, чувствуется нехватка истинной близости и поддержки.

Стоит отметить, что молодёжь говорит о том, что использование смартфона похоже на рефлекс, почти автоматизированное действие [4]. В сочетании с выводом о том, что большую часть времени в интернете люди проводят в социальных сетях, это вызывает опасения по поводу влияния социальных сетей на благополучие и развитие детей и подростков как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Исследования показывают, что подростки и молодые взрослые, проводящие значительное время в виртуальной среде, более подвержены развитию FOMO. В условиях, когда не менее 24 % подростков находятся в сети практически постоянно, масштаб проблемы достигает эпидемических уровней [5].

Постоянное беспокойство о том, что делают другие, может отвлекать молодых людей от их собственной жизни. FOMO вызывает перераспределение внимания с внутреннего мира на внешние события, что способствует утрате чувства идентичности и снижению самооценки.

Данные Национального исследования стресса и благополучия в Австралии показали, что 60% подростков испытывали тревогу, узнав, что их друзья развлекаются без них, а 51% беспокоились, не зная, чем занимаются их друзья. Помимо этого, исследователи выявили

корреляцию между количеством времени, проведенного за использованием цифровых технологий, и повышенным уровнем стресса и депрессии [6].

Стоит отметить, что подростки также могут сталкиваться с давлением, заставляющим их употреблять алкоголь или наркотики, чтобы соответствовать поведению друзей или знаменитостей, за которыми они следят в социальных сетях. Помимо этого, они часто испытывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, что делает их более уязвимыми к другим проблемам психического здоровья.

Проблемное использование социальных сетей, и, более конкретно, чрезмерное использование социальных сетей, может привести к симптомам, которые традиционно ассоциируются с зависимостью от психоактивных веществ: уход в себя, конфликты и потеря контроля. Для небольшого меньшинства людей использование социальных сетей может стать самым важным занятием в их жизни, что приводит к чрезмерной увлеченности использованием социальных сетей. Деятельность на этих сайтах затем используется для того, чтобы вызвать изменения в настроении, приятные ощущения или эффект отупения. Для достижения тех же чувств и состояния, что и на начальных этапах использования, требуется больше времени и энергии.

Хотя исследования зависимости от социальных сетей всё ещё ограничены, наличие схожих симптомов было подтверждено с медицинской точки зрения в контексте интернет-зависимости. Люди зависимы не от самой технологии, а от конкретных (социальных) действий, которые они с её помощью выполняют. Например, интерактивные онлайн-действия, такие как игры, общение в чате и социальных сетях,

приводят к тому, что человек остаётся онлайн дольше, чем ожидал, что повышает риск зависимости.

Сегодня FOMO - это своего рода вызов молодому поколению и, если молодёжь не начнёт предпринимать меры для борьбы с FOMO, это может привести к ряду негативных последствий, затрагивающих их психологическое, социальное и физическое благополучие. Рассмотрим основные риски.

С психологической точки зрения, основными рисками являются хроническая тревожность, снижение самооценки и развитие депрессии. Постоянное чувство, что что-то упущено, может усиливать тревожность и вызывать постоянное напряжение. В дополнение к этому, регулярное сравнение своей жизни с идеализированными образами, представленными в социальных сетях, может привести к чувству собственной несостоятельности, подрывая устойчивость самооценки и вызывая ощущение неудовлетворенности собой. Непрерывающееся давление и ощущение изоляции могут стать факторами, провоцирующими депрессивные состояния.

Социальные последствия FOMO проявляются в ухудшении качества межличностных взаимодействий и формировании зависимостей, связанных с использованием социальных сетей. Избыточная сосредоточенность на событиях, происходящих в цифровом пространстве, приводит к снижению интереса к реальным контактам, что способствует поверхностности отношений и нарастающей социальной изоляции. Это создает эффект замкнутого круга, при котором стремление компенсировать чувство упущенных возможностей стимулирует дальнейший поиск признания в социальных медиа. В результате зависимость от виртуального взаимодействия усили-

вается, снижая способность к полноценной социализации.

В физическом плане FOMO оказывает негативное воздействие на здоровье, особенно через нарушения режима сна и состояния организма. Постоянное использование гаджетов, особенно в ночное время, существенно ухудшает качество сна, что негативно сказывается на общем самочувствии и когнитивных функциях. Кроме того, стремление «успеть всё» и многозадачность провоцируют эмоциональное и физическое истощение, повышая риск возникновения хронической усталости и синдрома выгорания. Таким образом, влияние FOMO распространяется как на социальное функционирование индивида, так и на его физическое благополучие.

Потеря ориентации на собственные цели и ценности является одним из значительных последствий FOMO, особенно для молодёжи. Постоянное отвлечение на проверку социальных сетей и участие в событиях, которые не имеют реальной значимости, приводит к прокрастинации и снижению концентрации на долгосрочных задачах. Это препятствует достижению личных целей и создает ощущение растерянности. Более того, непрерывный поток внешних стимулов затрудняет процесс саморефлексии, что мешает молодым людям осознавать свои подлинные желания и ценности, ограничивая их способность к осмысленному самоопределению.

Экономические последствия FOMO также оказывают серьёзное влияние на благополучие. Стремление соответствовать актуальным трендам или принимать участие в модных событиях нередко побуждает молодёжь к импульсивным тратам, что приводит к нерациональному распределению финансовых ресурсов. Одновременно

снижение продуктивности из-за отвлечённости и нехватки времени на выполнение задач оказывает негативное воздействие на успеваемость в учебе и эффективность на рабочем месте, что в долгосрочной перспективе может затруднить достижение экономической стабильности.

В социальной сфере FOMO способствует усилению чувства изоляции и социальной поляризации. Молодые люди, которые считают себя «менее успешными» или «недостаточно интересными» на фоне своих сверстников, могут ощущать отчуждение и дистанцироваться от общества. Это создает барьеры для социализации и интеграции, усиливая замкнутость и чувство одиночества, что подрывает общую удовлетворённость жизнью.

Выводы

Итак, поскольку проблема обозначена во всей своей «красоте и значимости», возникает потребность в разработке и распространении среди молодёжи способов преодоления FOMO, а это требует осознанного подхода к использованию технологий и социальных сетей. Эмоциональная осведомленность, регулярные перерывы от экранов и вовлечение в реальные события могут помочь молодым людям сбалансировать свои отношения с информацией и улучшить общее психическое здоровье. Исследования показывают, что ведение дневника о своих переживаниях и чувствах может быть эффективным инструментом для борьбы с негативными последствиями FOMO.

Для эффективного управления FOMO необходимо критически осознать его триггеры. Основными из них являются активное использование социальных сетей и восприятие представленных в них идеализированных

образов реальности. Для того, чтобы минимизировать воздействие этих факторов можно предпринять следующие меры: применять принципы цифровой гигиены, ограничивая время в социальных сетях, регулярно устраивать периоды «цифрового детокса», осознавать селективный и субъективный характер контента, публикуемого пользователями.

Формирование устойчивого самовосприятия является важной задачей для личностного роста. Люди с низким уровнем самооценки более подвержены негативным последствиям синдрома упущенной возможности (FOMO). Устойчивость самооценки может быть улучшена через различные методы. Во-первых, практика благодарности помогает осознать и ценить свои достижения, а также укреплять внутренние ценности. Во-вторых, полезно ставить и достигать личные цели, которые не зависят от внешней оценки. В-третьих, развитие самосострадания через рефлексивные методы медитацию также способствуют повышению устойчивости самооценки.

Вместе с этим стоит акцентировать внимание на взаимодействиях в офлайне. Чувство социальной изоляции и преобладание мелких онлайн-общений усиливают симптомы FOMO. Укрепление реальных человеческих связей играет критическую роль в снижении тревожности и повышении общего уровня счастья. Для этого рекомендуется организовывать регулярные встречи с друзьями и близкими, участвовать в мероприятиях, а также развивать увлечения, способствующие личным взаимодействиям в реальном мире.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) представляет собой действенный метод, направленный на коррекцию когнитивных и эмоциональных про-

цессов, способствующих ощущению FOMO [7]. Эффективными методами могут стать переосмысление ситуаций, например, восприятие пропущенного как возможности для выполнения альтернативных задач, ведение дневников для выявления и анализа иррациональных страхов и тревог; а также развитие навыков осознанности через медитацию и дыхательные практики.

В борьбе с FOMO среди молодёжи можно рекомендовать развивать осознанность, укреплять личные ценности и формировать здоровые привычки. Одним из ключевых аспектов является сосредоточение на текущем моменте с помощью практик медитации и дыхания, что снижает тревожность по поводу событий, происходящих вне их жизни.

Развитие офлайн-активностей — важный аспект в преодолении FOMO. Личные взаимодействия, такие как встречи с друзьями и семьей, позволяют укрепить связи и компенсировать недостаток глубины online-общения. Участие в различных хобби и увлечениях, включая курсы и клубы, отвлекает от социальных сетей и приносит удовлетворение от активного вовлечения в процесс и его результат.

Обучение о феномене FOMO также существенно может помочь молодёжи. Изучая материалы о его механизмах, молодые люди могут лучше осознать влияние социальных медиа и сопоставлений на свое эмоциональное состояние.

Создание позитивного окружения, в котором находятся поддерживающие друзья, способствует формированию атмосферы принятия и ценности себя, без конкурентного давления.

Критический подход к социальным сетям позволяет осознать, что представленный в них контент обычно

является сильно отредактированной версией реальной жизни, что снижает давление сравнения.

Заключение

1. Поскольку FOMO — это продукт сочетания врождённых психологических потребностей и воздействия современных технологий и само это явление отражает вызовы, с которыми человечество сталкивается в эпоху цифровой революции, появилась необходимость адаптации к новым условиям, умение фильтровать информацию и сохранять психическое здоровье в условиях постоянно ускоряющегося ритма жизни.

2. По мнению психологов существует практика самосострадания, которая поможет молодежи заменить самокритику на заботу о себе, осознавая, что невозможно охватить все события одновременно. Эти подходы способствуют формированию здорового отношения к себе и окружающему миру, снижая влияние FOMO.

3. Наконец, управляя временем в социальных сетях, следует устанавливать ограничения на использование платформ, чтобы уменьшить воздействие идеализированного контента. Кроме того, определение собственных целей и практика благодарности помогут формировать устойчивость к внешним влияниям и снижать чувство упущенных возможностей.

Список литературы / References

1. Патрик Макгиннис FOMO sapiens. Как избавиться от страха упущенных возможностей и начать принимать правильные решения - 1-е изд. - Альпина Паблишерс, 2020. 246 с.
2. Жизнь других. Что такое синдром FOMO, есть ли это у вас и нужно ли этого бояться: // URL: https://howtoreadmedia.ru/ru/what_is_media/read/fomo/?fbclid=IwAR1uuc1sNXTXABdCj8uxReLQbTlBhZ7FPWdLYQHagCSwT7ezaX7hmBC_vT8
3. Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out / A.K. Przybylski, K. Murayama, C.R. DeHaan, V. Gladwell // *Computers in Human Behavior*. 2013. Volume 29. Issue 4. Pages 1841-1848 // URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.02.014>

4. Franchina V., Vanden Abeele M., A. J. van Rooij, G. Lo Coco, L. De Marez Fear of Missing Out as a Predictor of Problematic Social Media Use and Phubbing Behavior among Flemish Adolescents / V. Franchina, M. Vanden Abeele, A. J. van Rooij, G. Lo Coco, L. De Marez // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018 // URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph15102319>
5. Barker E. This Is The Best Way to Overcome Fear of Missing Out / E. Barker: <https://time.com/collection/guide-to-happiness/4358140/overcome-fomo/>
6. 45 Interesting FOMO Statistics: 2024 Effects, Demographics & Marketing, FinancesOnline // URL: <https://financesonline.com/fomo-statistics/>
7. «FOMO & Social Proof Notifications», TrustPulse // URL: <https://wordpress.org/plugins/trustpulse-api/>
8. «25+ Powerful FOMO Statistics To Skyrocket Sale», OptinMonster // URL: <https://optinmonster.com/fomo-statistics/>

Буковцова Т.Н.

Аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Институциональные методы регулирувания организационных конфликтов*

Аннотация. В статье раскрыта роль институционального фактора в превентивном управлении конфликтами, которая представлена в виде определенной технологии, в которой выделены три блока: функциональный, ресурсный, инструментальный. Функциональный блок включает функции институциональной технологии в системе превентивного управления конфликтами; ресурсный блок – институциональные средства, используемые в превентивной практике; инструментальный блок – методы институционального воздействия.

Ключевые слова: организационные конфликты, регулирование, институциональные методы, функции регулирования, ресурсы регулирования, методы регулирования, функциональный блок, ресурсный блок, инструментальный блок.

Bukovtsova T.N.

Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Institutional methods of regulating organizational conflicts

Abstract. The article reveals the role of the institutional factor in preventive conflict management, which is presented in the form of a certain technology, in which three blocks are distinguished: functional, resource, instrumental. The functional block includes the functions of institutional technology in the system of preventive conflict management; the resource block is the institutional means used in preventive practice; the instrumental block is the methods of institutional influence.

Key words: organizational conflicts, regulation, institutional methods, regulatory functions, regulatory resources, regulatory methods, functional block, resource block, instrumental block

Смысл (назначение) институциональных методов заключается в том, чтобы обеспечить определенную «рачмочность», «канализованность» конфликтного взаимодействия, ввести в него определенную систему норм и правил и, следовательно, обеспечить его прогнозируемость и регулируемость. Будучи заранее определенными и утвержденными в организации, они вводят в конфликт в институциональ-

ную сферу и не только снижают вероятность его возникновения и силу эскалации (в случае актуализованного конфликта), но и ограничивают его негативные последствия.

Роль институциональных методов в превентивном управлении конфликтами настолько значительна, что целесообразно их представление (позиционирование) в виде определенной (самостоятельной, целостной) техно-

* © Буковцова Т.Н., 2025.

Институциональные методы регулирования организационных конфликтов

логии и выделение в ней трех блоков: функциональный, ресурсный, инструментальный. Функциональный блок включает функции институциональной технологии в системе превентивного управления конфликтами; ресурсный блок – институциональные средства, используемые в превентивной практике; инструментальный блок – методы институционального воздействия.

Функциональный блок институциональной технологии состоит из двух групп функций. Первая группа функций относится непосредственно к сотрудникам организации (так называемые «индивидуальные» функции), вторая группа – в целом к организации («организационные» функции).

Включение конфликтного взаимодействия в институциональную сферу посредством введения в него определенных норм и правил призвано выполнять, прежде всего, *регулятивную функцию*, т.е. функцию соблюдения этих норм и

правил. Наличие установленных в организации норм и правил дает основание для оценки и самооценки конфликтного поведения сотрудников, уровня его совпадения с институциональными предписаниями (*оценочная функция*). Более того, сотрудники, как правило, испытывают дискомфорт из-за возможного расхождения поведения с институциональными нормами и стремятся преодолеть это расхождение (*мотивационная функция*). Соотнесение реального поведения сотрудников организации с институциональными нормами и идентификация на этой основе его личностного отношения к соблюдению норм позволяет строить прогнозы о том, как они поведут себя в той или иной ситуации конфликтного взаимодействия и какова будет вероятность их ситуационного поведения (*прогностическая функция*). Институционализация конфликтного взаимодействия дает четкие критерии для дифференциации (стратификации)

Таблица 1. Структура институциональной технологии превентивного регулирования организационных конфликтов.

Функции (функциональный блок)	Ресурсы, средства ресурсный блок)	Методы (инструментальный блок)
Регулятивная	«Коллективные представления»	Нормативные
Оценочная	«Коллективные чувства»	Обучающие
Мотивационная	Компаративная информация	Мониторинг
Прогностическая	Коммуникация	Применения санкций
Стратификационная	Конвенция	Целевая интеграция
Селекционная	Символика	Организационная интеграция
Интеграционная		Социально-психологическая интеграция
Снижение вероятности возникновения конфликтов		Обеспечение функционального баланса
Уменьшение силы и темпа эскалации конфликта		
Ограничение негативных последствий конфликта		

его участников, определения уровня их организационной лояльности (*стратификационная функция*) и осуществлять необходимые управленческие действия, направленные на оптимизацию кадровой работы (*селекционная функция*). Еще одна важная функция институциональной технологии превентивного управления конфликтами – *интеграционная*. Она способствует формированию определенного единства (общности, сходства) в поведении сотрудников организации, установлении их корпоративной близости, уменьшению социальной дистанции.

Институциональная технология, кроме индивидуальных функций, как уже отмечалось, выполняет также прямые организационные функции. Это, во-первых, функции снижения вероятности возникновения конфликтов; во-вторых, уменьшение силы и темпа эскалации конфликта (в случае актуализированного конфликта); в-третьих, ограничение его негативных последствий.

Что касается ресурсного блока институциональной технологии, то есть набора средств для осуществления рассмотренных выше функций, то их предназначение, в принципе, понятно. Сделаем небольшое пояснение только по некоторым из выделенных средств воздействия. Так, «*коллективные представления*» понимаются в духе Э. Дюркгейма как определенные когнитивные образования (мнения, образы, оценки, стереотипы и т.п.), единые для социальной общности и транслируемые из поколения в поколение. «*Коллективные чувства*» выражаются, прежде всего, в общности переживаний, которые консолидируют сотрудников организации и, следовательно, уменьшают вероятность возникновения межличностных конфликтов. Близка к этому роль значимой для сотрудников организации

информации, особенно, *компаративной информации*, которая становится предметом для совместного обсуждения, поводом для определения и самоопределения сотрудниками организации социальных установок и поведенческих позиций. Вместе с тем, есть риск возникновения и обострения разногласий, их перерастания в конфликт, если предмет совместного обсуждения вызывает бурную и неконтролируемую дискуссию, усиливающую конфронтацию участвующих в ней сторон.

Подобный риск может возникать в процессе непосредственных *коммуникаций*, которые усиливают не только взаимную расположенность партнеров по общению, их взаимопонимание и готовность к сотрудничеству, но и взаимную неприязнь.

Значительна роль такого средства институционального воздействия как *конвенция*, т.е. соглашение между субъектами социального взаимодействия, основанное на данных ими обещаниях, принятых взаимных обязательствах. Обещание, обязательство, клятва – таков восходящий ряд социальных конвенций.

Следует акцентировать также роль организационной (корпоративной) *символики* в обеспечении нормативности поведения сотрудников, во всяком случае, в организационной идентификации и самоидентификации.

Переходя к краткому позиционированию инструментального блока институциональной технологии, то есть методов целенаправленного воздействия, отметим, во-первых, многочисленность и многообразие этих методов; во-вторых, необходимость их системного применения, что предусматривает, по меньшей мере, определение и прогнозирование возможного системного (резонансного) эффекта от применения

того или иного метода.

Исходный метод институционального воздействия – *установление правил, норм поведения сторон в конфликтной ситуации*. При этом, для обеспечения полной и своевременной интерпретацией этих правил и норм важно соблюдение требований полезности, очевидности, потенциального согласия, удобства, противодействия нормативной инерции.¹

Ряд авторов обращает особое внимание в предупреждении конфликтов на степень развития формальной организационной структуры: «интегрирующие цели между администрацией и персоналом организации; четкое определение видов связи в организационной структуре управления; баланс прав и ответственности при выполнении служебных обязанностей; выполнение правил формирования и функционирования временных подразделений; выполнение правил делегирования полномочий и ответственности между иерархическими уровнями управления; разработка системы вознаграждения, предполагающая сочетание монетарных и немонетарных стимулов»².

Что касается *обучающих методов*, то их применение снижает вероятность возникновения конфликта, поскольку персонал, обученный методом коммуникаций поведению в условиях стресса, сопротивлению манипулированию, сможет более эффективно сотрудничать. *Метод мониторинга* предусматривает проведение регулярных обследований с целью выявления про-

тиворечий и разногласий в организациях. Метод контроля включает три взаимосвязанные операции: установление контрольных показателей, оценка реального состояния дел (в нашем случае – реального состояния конфликтности и поведения конфликтующих сторон), формирование выводов и применение соответствующих санкций. *Применение санкций* можно рассматривать в качестве амбивалентного метода институционального воздействия, предусматривающего манипулирование не только негативными (порицание, взыскание), но и позитивными (одобрение, поощрение) санкциями, следовательно, выполнение не только контрольно-надзорной, но и мотивационной функции.

Отдельно выделяются интеграционные методы и методы обеспечения социального баланса. К первой группе отнесены методы:

– *целевой интеграции*, то есть вертикальной и горизонтальной интеграции целей сотрудников организации посредством декомпозиции целей, их системного согласования и т.д.;³

– *организационной интеграции*, предполагающей координацию и субординацию организационных функций, правил и обязательств сотрудников. М. Вебер и представители административной школы акцентировали важность установления и иерархии полномочий, упорядочивающей взаимодействие людей, информационные потоки внутри организации и принятие решений. Если два или более подчиненных имеют разногласия по какому-то вопросу, конфликта можно избежать, обратившись к их общему начальнику, предлагая ему принять решение. Единоначалие облегчает использование иерархии для

1 Данакин Н.С., Евминов К.Н., Конев И.В. Групповое влияние на организационное поведение. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. 256 с.

2 Кузванова О.Ю. Методы профилактики конфликтов в контексте менеджмента организации // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2012. № 10 (15). С. 125.

3 Маттейс О.В. Социально-технологический подход к целевому управлению в деятельности органов местного самоуправления: дис. ... канд. социол. наук. – Орел, 2015. 221 с.

управления конфликтной ситуацией, так как подчиненный прекрасно знает, чьим решениям он должен подчиняться;

- *социально-психологической интеграции*, направленной на создание соответствующих формированию общности переживаний сотрудников организаций, близости и прогнозируемости их эмоциональных реакций на значимые ситуации.

Методы функционального баланса выделены А.Я. Анцуповым и А.И. Шипиловым,⁴ обратившими внимание на важность сбалансированного взаимодействия, связанного непосредственно с обеспечением баланса реально или потенциально противодействующих сторон. Ими рассмотрены методы:

- сохранения баланса ролей участников социального взаимодействия (старший, равный или младший по служебному статусу);

- поддержания баланса взаимной зависимости решений и действий взаимодействующих сторон;

- сохранения и поддержания баланса взаимных услуг (своевременное оказание ответной услуги; следование принципу «услуга за услугу»);

- поддержания баланса ущерба (нанесенный кому-то серьезный ущерб вызывает желание отмщения);

- поддержание баланса оценки и самооценки (обеспечение конгруэнтности оценки и самооценки).

Продолжая анализ институциональных методов регулирования организационных конфликтов, особо выделим *корпоративные методы*. Эти методы связаны с формированием и развитием корпоративной культуры в организации⁵, которая определяет отношение

4 Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 528 с.

5 Бушмелева М.А. Развитие корпоративной культуры как мера предупреждения органи-

к конфликтам, неудачам и взлетам как компании в целом, так и отдельных ее сотрудников. Корпоративная культура, как отмечают Т. Питерс и Р. Уотермен — это основной столп успешной организации, где сотрудникам комфортно работать, так как они реализуют свои потребности, знают свои обязанности и как решать ситуации вызывающие затруднения⁶.

Корпоративная культура проявляется в:

- чувстве принадлежности, «сопричастности» сотрудников к организации, их самоидентификации с организацией;

- субъектности сотрудников организации как носителей корпоративной культуры;

- наличию и развитию горизонтальных связей между сотрудниками, включая неформальные контакты;

- «командном духе» в организации, т.е. работе сотрудников в режиме «одной команды»;

- преданности сотрудников организации, готовности к неплановым издержкам, если это необходимо для достижения целей организации;

- социальном партнерстве как способе интеграции ресурсов и усилий подразделений организации и ее сотрудников;

- социальном обмене (знаниями, идеями, ценностями) как критерии сотрудничества и инструменте достижения согласия и взаимной выгоды;

- диалоге как приоритетном методе межсубъектной коммуникации;

- консенсусе как принципе взаимодействия;

- коллегиальности как обязательном

зационных конфликтов // Конфликтология. 2017. № 1. С. 143-158.

6 Питерс Т. Уотермен Р. В поисках эффективного управления. Peters T. Waterman R. In search of effective management. // URL: <http://www.bikr.ru/materialy/knigi/menedzhmentknigi> (Дата обращения: 12.02.2017).

условии принятия решений;

- коллективной ответственности за полученные результаты;

- концентрации энергии «человеческого фактора» как средства повышения эффективности работы и конкурентоспособности⁷.

Корпоративная культура способна сгладить конфликты и предотвратить большинство из них путем формирования единой системы ценностей и четким разграничением обязанностей. Кроме того, высокая корпоративная культура интегрируется в систему поведения сотрудников фирмы, что тоже способствует сглаживанию конфликтов. Таким образом, корпоративная культура — положительное явление, способное улучшить социально-трудовые отношения и минимизировать количество деструктивных организационных конфликтов⁸.

Таким образом, роль институционального фактора (метода) в превентивном управлении конфликтами настолько значительна, что целесообразно его представление (позиционирование) в виде определенной (самостоятельной, целостной) технологии и выделение в ней трех блоков: функциональный, ресурсный, инструментальный. Функциональный блок включает функции институциональной технологии в системе превентивного управления конфликтами; ресурсный блок – институциональные средства, используемые в превентивной практике; инструментальный блок – методы институционального воздействия.

⁷ Данакин Н.С., Кищенко И.Н., Козлов М.Ю. Социально-технологические основы управления формированием и развитием корпоративной культуры вуза. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2010. С. 18-19.

⁸ Бушмелева М.А. Развитие корпоративной культуры как мера предупреждения организационных конфликтов // Конфликтология. 2017. № 1. С. 143-158.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 528 с.
2. Бушмелева М.А. Развитие корпоративной культуры как мера предупреждения организационных конфликтов // Конфликтология. 2017. № 1. С. 143-158.
3. Бушмелева М.А. Развитие корпоративной культуры как мера предупреждения организационных конфликтов // Конфликтология. 2017. № 1. С. 143-158.
4. Вдовина О.А. Социальные механизмы управления организационными конфликтами // Студенческий вестник. 2020. № 20-7 (118). С. 89-91.
5. Данакин Н.С., Евминов К.Н., Конев И.В. Групповое влияние на организационное поведение. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. 256 с.
6. Дубровина Т.А., Бурнашова М.А. Концептуальные условия и методы поддержания уровня организационного конфликта в рациональных границах // Белгородский экономический вестник. 2017. № 2 (86). С. 151-164.
7. Кузванова О.Ю. Методы профилактики конфликтов в контексте менеджмента организации // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2012. № 10 (15). С. 125.
8. Маттейс О.В. Социально-технологический подход к целевому управлению в деятельности органов местного самоуправления: дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2015. 221 с.
9. Назарова А.Е. Специфика разрешения организационных конфликтов: подходы и технологии // StudNet. 2021. Т. 4. № 3. С. 35.
10. Сидельников А.А. Управление организационными конфликтами // Via Scientiarum – Дорога знаний. 2022. № 2. С. 68-72.

References

1. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Conflictology: a textbook for universities. – Moscow: UNITY-DANA, 2016. 528 p.
2. Bushmeleva M. A. Development of corporate culture as a measure to prevent organizational conflicts // Conflictology. 2017. № 1. P. 143-158.
3. Bushmeleva M. A. Development of corporate culture as a measure to prevent organizational conflicts // Conflictology. 2017. № 1. P. 143-158.
4. Vdovina O. A. Social mechanisms for managing organizational conflicts // Student Bulletin. 2020. № 20-7 (118). P. 89-91.
5. Danakin N. S., Evminov K. N., Konev I. V. Group influence on organizational behavior. Belgorod: Publishing house of BSTU named after V. G. Shukhov, 2014. 256 p.
6. Dubrovina T. A., Burnashova M. A. Conceptual conditions and methods of maintaining the level of organizational conflict within rational boundaries // Belgorod Economic Bulletin. 2017. № 2 (86). P. 151-164.
7. Kuzvanova O. Yu. Methods of conflict prevention in the context of organizational management // Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: Theory and Practice of Management. 2012. № 10 (15). P. 125.
8. Mattheis O. V. Social and technological approach to target-management in the activities of local governments: diss. candidate of sociological sciences. Orel, 2015. 221 p.
9. Nazarova A. E. Specifics of resolving organizational conflicts: approaches and technologies // StudNet. 2021. Vol. 4. № 3. P. 35.
10. Sidelnikov A. A. Management of organizational conflicts // Via Scientiarum - Road of knowledge. 2022. № 2. P. 68-72.

Ван Синьцзы

Магистр 2 курс. Московский государственный университет.

Диалог культур в системе межэтнического и межконфессионального взаимодействия: проблемы и решения*

Аннотация. В данной статье анализируется феномен диалога культур, который представлен автором в контексте межэтнических и межконфессиональных проблем общественного развития. Дав краткую характеристику процессу формирования мультикультурализма как важной составляющей диалога культур, автор статьи рассматривает особенности межкультурного взаимодействия, которое осложняется межэтническими и межрелигиозными конфликтами. Автор статьи приходит к выводу, что с учетом расширения культурного пространства, связанного с процессом глобализации, именно диалоговая форма взаимодействия народов, несмотря на все препятствия и барьеры, способствует развитию уважительному, толерантному и бережному отношению к ценностям другой культуры, снижает уровень конфликтности между странами и этносами и способствует установлению мира и согласия между народами. Именно межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в рамках диалога культур поддерживает динамику культурного развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, диалог культур, межкультурное взаимодействие, межэтнические конфликты, межконфессиональный диалог.

Wang Xinzi

Master's degree 2nd year. Moscow State University.

Dialogue of cultures in the system of interethnic and interfaith interaction: problems and solutions

Abstract. This article analyzes the phenomenon of the dialogue of cultures, which is presented by the author in the context of interethnic and interfaith problems of social development. Having briefly characterized the process of formation of multiculturalism as an important component of the dialogue of cultures, the author of the article considers the peculiarities of intercultural interaction, which is complicated by interethnic and interreligious conflicts. The author of the article comes to the conclusion that given the expansion of cultural space associated with the process of globalization, it is the dialog form of interaction between peoples, despite all the obstacles and barriers, contributes to the development of respectful, tolerant and careful attitude to the values of another culture, reduces the level of conflict between countries and ethnicities and contributes to the establishment of peace and harmony between peoples. It is interethnic and interfaith interaction in the framework of the dialogue of cultures that supports the dynamics of cultural development in the context of globalization.

Key words: globalization, dialogue of cultures, intercultural interaction, interethnic conflicts, interfaith dialogue.

* © Ван Синьцзы, 2025.

Диалог культур в системе межэтнического и межконфессионального взаимодействия: проблемы и решения

Одним из главных феноменов современной эпохи, оказавших влияние на развитие цивилизации, является глобализация. Начиная с XX столетия, человечество, впервые в своей истории, находится «в условиях единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты», в результате чего представляет собой «единое и неразрывно связанное целое» [1, с. 75]. Сегодня как никогда близки нам по духу слова русского философа С.Л. Франка, который сказал: «Человечество, несмотря на все политические, национальные и культурные обособленности и раздоры, фактически живет некой общей жизнью, его отдельные части тесно соприкасаются между собой. Запад и Восток, мир христианский, магометанский, китайский... находится в непрерывном и тесном общении» [6, с. 226]. В последние десятилетия все большее значение стал приобретать межэтнический и межконфессиональный диалог между цивилизациями, который «обуславливает устранение непонимания, сближает позиции и создает почву для большего обеспечения прав наций и государств путем установления равноправия и мира на международной арене» [1, с. 75]. С учетом того, что на рубеже XX-XXI веков расширилось культурное пространство и стали укрепляться культурные связи, а этнокультурное многообразие приобрело поистине широкий размах, особую актуальность стала приобретать политика мультикультурализма, построенная на «диалоге культур», целью которого является снижение градуса вражды и ненависти, построенных на межэтнических и межконфессиональных расхождениях.

Диалог культур в современном мире, в силу разных причин, представляет собой сложное и противоречивое явление. Но тем не менее, как отме-

чал еще К. Леви-Стросс в своей книге «Расизм и культура», диалог является важным методологическим принципом для понимания культуры, поскольку культуры разных народов напрямую взаимодействуют с фундаментальными проблемами современного общества и могут быть решены только через серию диалогов [10, с. 127].

Диалог способствует уважительному, толерантному и бережному отношению к ценностям других народов, основанному на сопоставлении национальных ценностей. Межкультурное взаимодействие, в процессе которого пересекаются различные уникальные культурные системы, достаточно специфично и затруднено различного рода препятствиями. Одним из главных препятствий для такого диалога является тот факт, что каждая нация, каждый народ имеет свою систему ценностей. В результате сложившихся стереотипов одни культуры неохотно идут на взаимодействие с другими культурами. Но в контексте глобализационных процессов, когда все события, происходящие в мире, являются продуктом взаимного обмена, именно диалог может стать важнейшим методологическим принципом понимания культуры и универсальным принципом, обеспечивающим развитие культуры.

Этническое самосознание формируется в условиях постоянно обновляемой картины мира. Важной особенностью этнического самосознания является его акцент на генетических связях представителей определенной этнической группы, а также на территориальной целостности, связанной с обладанием общей территорией [3, с. 373]. Это приводит к возникновению этнической напряженности, периодическим проявлениям национализма и ксенофобии,

которые «влекут за собой различного рода столкновения между местным населением и этническими общинами, проживающими на территории принимающего государства. Напряженность и конфликтность взаимоотношений между различными этносами из межгосударственного уровня переходит в межгрупповой и межличностный» [4, с. 33]. И чтобы снизить уровень межэтнических разногласий, следует развивать новый тип отношений между народами, направленный на реализацию механизма взаимного обмена между идеями, ценностями и духовными ориентирами двух и более культур. Одним из главных принципов межэтнической коммуникации является ориентация на сопоставление национально-культурных особенностей партнеров по коммуникации, которая проходит в рамках межэтнического диалога по линии дихотомии «свой — чужой». Подобный диалог, организованный, например, в СМИ, помогает познавать не только другую культуру, но и культуру своей собственной нации, дает возможность посмотреть на собственную культуру «извне», глазами Другого. Ш.Д. Хан считает, что межэтнический диалог, в основе которого лежит плюрализм мнений, поддерживающий динамику культурного развития в условиях глобализации, способствует установлению мира и согласия между народами, формированию толерантности как основы признания другой культуры и другой системы ценностей [7, с. 81].

Межэтническое взаимодействие между странами и народами расширяет границы общемировой культуры, хотя формирование культурного пространства в условиях глобализации — довольно длительный процесс и не сразу приведет к позитивным результатам — особенно, если речь идет о мультикуль-

турных обществах. Жизнь в регионах, где, в силу особенностей исторического развития, тесно переплетены различные национальные идентичности, достаточно сложна, поскольку «чем выше степень «разнообразия», тем выше риск этнических конфликтов, что затрудняет культурный диалог и ограничивает взаимодействие между различными социальными группами наследия, разделенными по национальному, религиозному, культурному и т.п. признакам. Однако, в целях сохранения единства и целостности социокультурной структуры, региональные власти подобных мультикультурных сообществ стремятся обеспечить конструктивный диалог между представителями различных национально-культурных меньшинств, что зачастую позволяет предотвратить назревающую эскалацию межэтнического столкновения, уговорив стороны сесть «за стол переговоров» и решить проблему путем мирного диалога.

На характер межэтнических отношений влияют и межрелигиозные разногласия, в связи с чем поднимается вопрос о межконфессиональном диалоге, являющемся важнейшей составляющей диалога культур. Несмотря на то, что «о межконфессиональном взаимодействии говорят сейчас не так много, как о межнациональном» [Ефремова, с. 86], религиозный аспект культурных отношений является крайне важным для общественного развития, поскольку религия, «будучи институтом традиционным, способствует воспитанию и поддержанию морали человека, а значит, и изменению его уровня культуры» [2, с. 86].

Межконфессиональный диалог, - это сотрудничество и позитивное взаимодействие между людьми разных вероисповеданий и религиозных традиций на индивидуальном и институциональном

уровнях с целью достижения консенсуса путем сосредоточения внимания на сходстве верований, понимании общих ценностей и национальной идентичности, открывающей путь к культурному развитию всех национальностей, наций и народностей. В рамках этого диалога каждая сторона, хотя и верна своим убеждениям, уважает право других народов свободно исповедовать свою веру и находит точки соприкосновения между своим вероисповеданием и вероисповеданием партнера по культурной коммуникации [8].

Межконфессиональный диалог призван разрушить стену между представителями религиозных конфессий, различных религиозных объединений, возведение которой может привести к началу как локальных конфликтов, так и глобальной войне, в которой не будет проигравших. У межрелигиозного диалога одна цель — мир. «Не может быть мира между народами, если нет мира между религиями, а достигнуть последнего можно лишь путем диалога», - пишет Ганс Кюнг, отмечая, что межрелигиозный диалог следует рассматривать не только в контексте ситуации, когда два человека, являющиеся приверженцами различных вероучений, могут собраться вместе и поделиться аспектами теории и практики своего вероисповедания, попытавшись понять духовную составляющую религии собеседника. Швейцарский теолог всегда считал, что межконфессиональный диалог должен проходить и в рамках богословских споров на более высоком уровне. Так, богословы трех религий — христианства, ислама и буддизма - могут писать статьи, публиковаться в журналах, проводить конференции и «круглые столы» для обсуждения не только тонких богословских вопросов, но и общих проблем, связанных с политикой, эко-

номикой, социальной и культурной сферами [11]. Приверженец экуменического движения, Г. Кюнг еще в начале 1980-х годов в своей книге «Глобальная этика» говорил, что мир застыл в ожидании межконфессионального диалога, который может улучшить отношения между странами и народами, поскольку все мировые религии, в противовес тому, что их разделяет, имеют много общего, ведь они приобщают население планеты к духовным ценностям, создают нравственные ориентиры и формируют почти идентичный свод правил, в основе которых лежат законы, направленные на совершенствование каждой личности [5].

Современные зарубежные исследователи, обращаясь к необходимости межконфессионального диалога, который, с учетом глобализационных процессов, заставляет человечество задуматься о путях выхода из духовного кризиса, отмечают, что в результате такой диалог — это прямой путь - «к достижению сущностного единства и единства религий, а также универсальности верований» [9, с. 31], ведь практически все конфессии «пропагандируют любовь, уважение, терпимость, прощение, милосердие, права человека, мир, братство и свободу» [9, с. 31]. Но возникает и другой вопрос: насколько межрелигиозный диалог полезен и выгоден для решения проблем? По мнению зарубежных исследователей, цель межконфессионального диалога заключается не в том, чтобы изменить представление людей об их религии, заставив их усомниться в выборе веры, а в том, чтобы найти точки соприкосновения между религиями и и найти решения многочисленных проблем человечества, делая акцент на общемировой гармонии. Как верно заметил один из турецких современных проповедников

Ахмед Курухан, межконфессиональный диалог должен, в первую очередь, «обеспечить атмосферу свободы». «Диалог между представителями разных конфессий, - пишет он, - дает им возможность говорить и слушать друг друга, учиться понимать «другого», познавая необъятный мир «чужой» религии. В межрелигиозном диалоге мы стремимся обращаться к нашим партнерам в духе терпимости, правдивости, искренности, братства, уважения и доброй воли, не требуя при этом, чтобы человек другого вероисповедания или тот, который далек от веры, принял наши собственные убеждения или идеи» [12, с. 20].

В условиях углубления процесса глобализации невозможно найти решение сложных проблем современности в рамках деятельности одной страны, необходимо участие всего международного сообщества. На наш взгляд, именно межэтнический и межконфессиональный диалог, основанный на принципе толерантного отношения к другим народам, религиям, языкам, культурам, политическим и иным убеждениям, может помочь потушить межэтнические и религиозные конфликты, способствует уважительному, толерантному и бережному отношению к ценностям других народов, основанному на сопоставлении национальных ценностей.

Список литературы

1. Бабаджанова М. Новые тенденции межкультурного диалога в контексте региональной геополитики // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. XX. – М.: Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. С. 75-83.
2. Ефремова Ю.Р. Межконфессиональное взаимодействие, как один из аспектов диалога культур // Вестник МГУКИ. 2012. № 4 (48). С. 86-91.
3. Лилец Е.Ю., Сердюкова Е.В., Агапова Е.А. Диалог культур в контексте глобализации: этнический аспект // European Research Studies Journal. 2018. Т. 21. Вып. 2. С. 369-376.
4. Степанова А.А. Конфликтность межэтнического взаимодействия в современной России // Конфликтность современности: коллективная монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 32-48.
5. Шохин В.К. Ганс Кюнг и предлагаемый им проект глобального этоса // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 65-73.
6. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. 510 с.
7. Хан Ш.Д. Диалог культур как ключевой фактор развития глобальной культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 78-84.
8. Aman A.A. Interfaith dialogue: its need, importance and merits in the contemporary world // International Journal of Advanced Academic Studies. 2020. № 2 (3). P. 264-271.
9. Gulen M.F. Necessity of interfaith dialog. – USA: The Light, 2004. 38 p.
10. Kazimi G. International dialogue as an important factor of cultural cooperation // Культура и цивилизация. 2021. № 11 (2А). P. 126-132.
11. Kung H. Global Responsibility. - USA: Stock Publishers, 2004. 180 p.
12. Kurucan A. Dialogue in Islam: Qur'an, Sunnah, History. – Great Britain: Dialogue Society, 2012. 127 p.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.
14. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
15. Шупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
19. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
20. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
22. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть исто-

- рии и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
26. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
 27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
 28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантинном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
 29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
 30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
 31. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
 32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
 33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
 34. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
 35. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
 36. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
 37. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
 38. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
- Our Time: A Collective Monograph. – Ekaterinburg: UrGPU, 2014. P. 32-48.
5. Shokhin VK Hans Kung and His Proposed Project of Global Ethos // Questions of Philosophy. 2004. № 10. P. 65-73.
 6. Frank SL Spiritual Foundations of Society. – Moscow: Republic, 1992. 510 p.
 7. Khan ShD Dialogue of Cultures as a Key Factor in the Development of Global Culture // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2019. Vol. 8. № 5A. P. 78-84.
 8. Aman A.A. Interfaith Dialogue: Its Need, Importance and Merits in the Contemporary World // International Journal of Advanced Academic Studies. 2020. № 2 (3). P. 264-271.
 9. Gulen M.F. Necessity of interfaith dialog. – USA: The Light, 2004. P. 38.
 10. Kazimi G. International dialogue as an important factor of cultural cooperation // Culture and civilization. 2021. № 11 (2A). P. 126-132.
 11. Kung H. Global Responsibility. - USA: Stock Publishers, 2004. P. 180.
 12. Kurucan A. Dialogue in Islam: Qur'an, Sunnah, History. – Great Britain: Dialogue Society, 2012. 127 p.
 13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Subject Field of Public Administration in the System of Political Sciences // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. № 10 (184). P. 57-61.
 14. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
 15. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
 16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and Geopolitics of Colored Lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
 17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: an experience of comparative research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
 18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
 19. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: a conflict of values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
 20. Kantava O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. Pp. 42-51.
 21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). Pp. 30-42.
 22. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The phenomenon of leadership in the context of modern crises and challenges // Ethnosociety and interethnic culture. 2021. № 1 (151). Pp. 9-19.
 23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Evolution of a diplomatic gift as an indicator of changes in international relations // Ethnosociety and interethnic culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
 24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80th Anniversary of the Parade on Red Square: Historical, Cultural and Geopolitical Meanings of Parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
 25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.

References

1. Babadjanova M. New trends in intercultural dialogue in the context of regional geopolitics // Geopolitics. Information and analytical publication. Issue XX. – M.: Department of Sociology of International Relations, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 2013. P. 75-83.
2. Efremova Yu.R. Interfaith interaction as one of the aspects of the dialogue of cultures // Bulletin of MGUKI. 2012. № 4 (48). P. 86-91.
3. Lipets E.Yu., Serdyukova E.V., Agapova E.A. Dialogue of cultures in the context of globalization: ethnic aspect // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 21. Issue 2. P. 369-376.
4. Stepanova A.A. Conflict Proneness of Interethnic Interaction in Contemporary Russia // Conflictogenicity of

26. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: the Price of Foreign Policy Miscalculation in History // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of a Gate as an Example) // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). Pp. 782-791.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. Pp. 11-22.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Environmental Meanings of International Cooperation: Everything Secret Becomes Revealed // The Power of History and the History of Power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). Pp. 10-19.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a Mask // The Power of History and the History of Power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
31. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the Issue of the Innovative Component of Youth Policy in the Russian Federation // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2019. № 11 (137). P. 44.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, Political and Cross-Cultural Significance of Hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of Russian Cossacks: history and modernity // Cossacks. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
34. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
35. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
36. Baykhanov I.B. State Policy as a Factor in the Development of the National Educational System: Basic Aspects // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
37. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The Role of Non-Commercial Organizations in Strengthening Healthcare and Ensuring the Availability of Medical Care // Culture of the World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
38. Bayhanov I.B. The Internet, Elections and the Formation of Electoral Culture // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.

Глазкова Л.А.

Кандидат социологических наук, доцент.

Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Переменные организационного конфликта как объекта управления*

Аннотация. В статье выделены и рассмотрены переменные организационного конфликта как объекта управления. Множество этих переменных приведено в три группы: структурные, динамические и функциональные переменные. В числе структурных переменных выделены: субъект конфликта, отношения конфликтующих сторон, объект и предмет конфликта, внешняя среда конфликта. В группу динамических переменных включены: фазы (стадии) конфликта, его продолжительность, темп, интенсивность, ритм, состояние, интенциональность, обратимость. Выделены также деструктивные и конструктивные функции конфликта.

Ключевые слова: управление, организационный конфликт, управляемые переменные, структурные переменные, динамические переменные, функциональные переменные, позитивные функции организационного конфликта, негативные функции организационного конфликта.

Glazkova L.A.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Belgorod State Technological University.

Variables of organizational conflict as an object of management

Abstract. The article identifies and examines the variables of organizational conflict as an object of management. The set of these variables is divided into three groups: structural, dynamic and functional variables. The structural variables include: the subject of the conflict, the relations of the conflicting parties, the object and subject of the conflict, the external environment of the conflict. The group of dynamic variables includes: the phases (stages) of the conflict, its duration, tempo, intensity, rhythm, state, intentionality, reversibility. Destructive and constructive functions of the conflict are also identified.

Key words: management, organizational conflict, controlled variables, structural variables, dynamic variables, functional variables, positive functions of organizational conflict, negative functions of organizational conflict.

Любое управление нацелено на изменение или, напротив, на поддержание определенного состояния управляемого объекта. То свойство объекта, которое подлежит изменению и на что направлено управленческое воздей-

ствие, может быть названо *управляемой переменной* или просто *переменной*. В объекте управления выделяется, как правило, несколько переменных, выступающих своего рода «точками приложения» управленческих воздей-

* © Маруфенко Е.В., Данилова А.В., 2025.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки

ствий. Успешное управление возможно при условии правильного выбора управляемых переменных, которые должны быть релевантными задачам управления. Неправильный выбор управляемых переменных приводит к нерациональным и неоправданным затратам ресурсов, отклонению от поставленных задач и, как следствие, к кризисным явлениям в системе управления. Выбор релевантных переменных определяется, как правило, характером решаемой задачи, однако такое «определение» далеко не всегда является однозначным и адресным. Определяется, скорее всего, зона возможного выбора, а сам окончательный, конкретный выбор потребует дополнительных интеллектуальных, креативных усилий со стороны субъекта управления.

Множество переменных организационного конфликта как объекта управления может быть представлено в виде нескольких подмножеств (групп):

- структурные переменные, относящиеся к структуре организационного конфликта, его участникам, их взаимодействиям;

- динамические переменные, выражающие временное изменение организационного конфликта;

- функциональные переменные, относящиеся к функциям конфликта в организации.

1. *Структурные переменные.* К ним относят чаще всего следующие переменные: а) субъект конфликта, б) отношения конфликтантов (противоборствующих сторон), в) объект и предмет конфликтного взаимодействия, г) внешняя среда конфликта.

Каждая из таких переменных описывается при помощи комплекса показателей. Так, при характеристике субъектов конфликтного взаимодействия

используются, обычно, показатели их качественного и количественного состава, ресурсного потенциала, уровня организации и потенциала участников конфликта. Эти наборы показателей отличают одни структурные модели конфликта от других, но, по мнению К.В. Решетниковой, они могут быть сведены к указанным выше четырем¹.

Акцентируя внимание на структуре организационного конфликта, считаем полезными аналитические модели, предложенные Л.А. Петровской и А.А. Беловым. Л.А. Петровская выделяет в структуре конфликтов три компонента:

- участники (стороны) конфликта, которыми являются как отдельные личности, так и социальные группы;

- условия конфликта: социально-психологические и социально-групповые среды;

- образы конфликта (конфликтной ситуации), имеющиеся у участников до появления инцидента и определяющие выбор или стратегии поведения².

А.А. Беловым представлена развернутая типологизация участников организационного конфликта, предусматривающая выделение и описание 11 групп сотрудников, вовлеченных в той или иной мере в конфликтное взаимодействие и выполняющих в нем определенную роль³:

- непосредственные участники – участвуют непосредственно в противо-

1 Решетникова К.В. Методология анализа организационных конфликтов // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / Под ред. А.И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич. – СПб.: 2015. С. 174-193.

2 Петровская Л.А. К вопросу о конфликтной компетентности // Вестник Московского государственного университета. 1997. № 4. С. 41-45.

3 Белов А.А. Аналитические модели организационного конфликта. Белгород: Центр соц. технологий, 1998.

борстве, отстаивают собственные интересы;

– манипуляторы – пытаются добиться собственных целей «руками других», явно не участвуя в конфликте и используя других как марионеток;

– подстрекатели – имеют выгоду от конфликта, в частности, из-за обоюдного ослабления конфликтующих сторон;

– «спонсоры» – поощряют конфликт, получая при этом определенные дивиденды от конфликтующих сторон;

– «зрители» – получают удовлетворение от наблюдения за ходом конфликта;

– «жертвы» – страдают от конфликта из-за доставленных неудобств (стресса, дискомфорта и т.п.); сами не участвуют в конфликте;

– посредники – принимают участие в урегулировании конфликта посредством уменьшения «трений» сторон, облегчения их коммуникации, приведения сторон к компромиссу;

– арбитры – принимают волевое решение о прекращении конфликта или о примирении сторон;

– «общественные контролеры» – отслеживают ход конфликта, обеспечивают соблюдение «правил честной игры»;

– «болеельщики» – оказывают морально-психологическую поддержку конфликтантам, основываясь на личных взаимоотношениях;

– наблюдатели – осуществляют наблюдение за ходом конфликтного взаимодействия и проявляют готовность к своевременному отреагированию в случае возможного ущемления интересов представляемых ими групп.

Ролевая идентификация участников конфликта позволяет получить более полные и адекватные данные о причинах и мотивах вступления в конфликт, правильно расставить профилактические и коррекционные усилия.

В целом, управление организационным конфликтом, если принять во внимание его структурные переменные, осуществляется путем воздействия на: а) количественный состав участников конфликта (прямых и косвенных, явных и неявных), б) их ролевые позиции, в) их взаимодействие, его содержание и формы проявления, г) предмет конфликтного взаимодействия, д) его масштаб.

2. *Динамические переменные.* Эта группа переменных, в отличие от структурных, выражает временные изменения в конфликте. Без учета этих изменений анализ конфликта может быть непродуктивным и ошибочным⁴. Группа динамических переменных образует из фаз (стадий) конфликта, его продолжительности, темпа, интенсивности, ритма, состояния, интенциональности, обратимости⁵.

Фазы (стадии) образуют поступательные «ступени» конфликтного взаимодействия. Чаще всего, выделяют и рассматривают такие стадии, как конфликтная ситуация, открытое (явное) конфликтное взаимодействие, завершение конфликта⁶. Более полное представление о конфликтной динамике предполагает выделение: 1) латентной стадии, 2) стадии идентификации, 3) стадии эскалации, 4) критической стадии, 5) стадии деэскалации, 6) стадии прекращения.

Продолжительность конфликта. В зависимости от этого параметра конфликты могут быть кратковременными,

4 Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социологич. исследования. 2005. № 8. С. 87.

5 Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. С. 115.

6 Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2002. С. 159.

длительными и затяжными. Продолжительность конфликта обусловлена величиной и устойчивостью изменений в организации, структурно-функциональной инерцией и др.

Темп изменения организационного конфликта, характеризующий скорость прохождения им «отрезка» от исходной до конечной стадии может ускоряться или замедляться.

Интенсивность конфликта выражает его «энергетику», величину усилий конфликтующих сторон, направленных на достижение своих целей в конфликтном взаимодействии. В зависимости от интенсивности конфликт может быть бурным, умеренным и вялотекущим.

Интенциональность конфликта характеризует направленность его «воспроизводства», а именно: распространение, ограничение, эскалацию и «затухание».

Состояние конфликта – переменная, характеризующая его с точки зрения соответствия «норме», общепринятым правилам. Конфликт может быть оптимальным, нормальным, ненормальным, патологическим.

Обратимость конфликта – переменная, характеризующая его возврат (или возможность возврата) в исходное состояние.

Все эти переменные значимы для превентивного управления организационными конфликтами. Так, если взять и рассмотреть для примера «продолжительность» конфликта, то со временем обнаруживается такая зависимость: затяжные конфликты приводят к нарастающему расходованию социальной энергии и повышению вероятности появления нового конфликта вследствие разбалансировки организации как социальной системы, отсутствия в ней равновесия. С этим связаны приоритетность и ак-

туальность стратегии блокирования затяжных конфликтов. В отношении значимости другой переменной – интенсивности конфликта – воспользуемся рассуждениями профессора Мичиганского университета А. Раппорта, который убедительно показал, что нельзя подвести конфликты под единую универсальную схему. Имеются конфликты типа схватки (когда участников конфликта разделяют противоречия и рассчитывать можно только на победу); дебатов (споры, маневры и конфликтующие стороны могут обойтись компромиссом); игр (обе стороны действуют в рамках определенных правил, таким образом, они никогда не прекращаются и не могут прекратиться распадом всей структуры отношений). Данное утверждение оказывает значимое влияние, потому что снимает ореол обреченности и безысходности вокруг каждого конфликта, как в международных отношениях, так и внутри общества⁷.

3. *Функциональные переменные.* Роль конфликтов в организации неоднозначна. Они выполняют деструктивные и конструктивные функции. Деструктивный характер конфликтов, в частности, в том, что из-за них:

- снижается уровень сотрудничества между конфликтующими сторонами или вообще происходит отказ от него;
- нарушаются коммуникационные взаимосвязи;
- подрывается ценностно-ориентационное единство между сотрудниками организации;
- нарастает враждебность между сторонами конфликта;
- происходит неоправданная трата ресурсов (интеллектуальных, матери-

⁷ Фишер Ф., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1992. С. 9.

Таблица 1. Позитивные функции организационного конфликта.

№	Название функции	Содержание функции
1.	Социальная	Группообразование, установление и поддержание физических и нормативных границ группы.
2.	Структурная	Установление и поддержание относительно устойчивой структуры отношений внутри группы, содействие идентификации и интеграции, адаптации и социализации как отдельных индивидов, так и групп в целом.
3.	Коммуникативно-информационная	Содействие членам группы в правильном понимании сути актуальных проблем, требующих разрешения и возможных путей их разрешения.
4.	Предохранительная	Содействие выбросу негативных эмоций и снятие напряженности во взаимоотношениях конфликтующих сторон.
5.	Связующая	Взаимное узнавание, зондирование конфликтующих сторон и, как возможное следствие, позитивная трансформация их взаимоотношений.
6.	Адаптивно-стимулирующая	Высвобождение социального напряжения, усиление установки группы на изменения, симулирование творческой активности.
7.	Мобилизационная	Мобилизация всех имеющихся у сторон ресурсов.
8.	Стабилизирующая	Поддержание баланса сил и, в том числе, власти.
9.	Институциональная	Возникновение новых организационных структур, защищающих интересы конфликтующих сторон или выполняющих арбитражно-посредническую миссию.
10.	Рекреационная	Обогащение жизни, побуждение любознательности, стимулирование интереса; нарушение привычного хода ведет к отвлечению.
11.	Диагностическая	Сигнализация о возникших в организационной системе дисфункциях.
12.	Перспективная	Содействие перспективному и содействие альтернативному видению перспективы организации (в условиях или продолжения конфликта, или его урегулирования).

альных и т.д.);

– разрушается социальная система организации.

Принципиально знать и учитывать функции организационного конфликта, что служит предпосылкой для эффективного управления. Смысл управления заключается в трех взаимосвязанных действиях, таких как:

1) ограничение и блокирование деструктивных функций организационного конфликта;

2) содействие конструктивным функциям конфликта;

3) поиск и использование альтернативных механизмов позитивной трансформации конфликта.

Что касается положительных функций конфликта, то разработанная Л. Козером функциональная модель послужила основой для классификаций, предложенных другими исследователями. Обобщая эти классификации, можно выделить 12 кон-

структивных функций социального, в том числе организационного конфликта⁸ (таблица 1).

Таким образом, выделены и рассмотрены переменные организационного конфликта как объекта управления: структурные, динамические, функциональные. Эффективное управление организационным конфликтом предполагает знание и учет размерности этих переменных, возможности и вектора их изменения.

Список литературы

1. Алексеев Д.А. Организационные конфликты: понятие, сущность, особенности управления // Научный Лидер. 2023. № 28 (126). С. 59-63.
2. Белов А.А. Аналитические модели организационного конфликта. Белгород: Центр соц. технологий, 1998.
3. Вдовина О.А. Социальные механизмы управления организационными конфликтами // Студенческий вестник. 2020. № 20-7 (118). С. 89-91.
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2002. С. 159.
5. Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. С. 115.
6. Петровская Л.А. К вопросу о конфликтной компетентности // Вестник Московского государственного университета. 1997. № 4. С. 41-45.
7. Сидельников А.А. Управление организационными конфликтами // ViaScientiarum – Дорога знаний. 2022. № 2. С. 68-72.
8. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социологич. исследования. 2005. № 8. С. 87.

References

1. Alekseev D.A. Organizational conflicts: concept, essence, management features // Scientific Leader. 2023. № 28 (126). P. 59-63.
2. Belov A.A. Analytical models of organizational conflict. Belgorod: Center for Social Technologies, 1998.
3. Vdovina O.A. Social mechanisms for managing organizational conflicts // Student Bulletin. 2020. № 20-7 (118). P. 89-91.
4. Grishina N.V. Psychology of conflict. - St. Petersburg: Peter, 2002. P. 159.
5. Danakin N.S. Theoretical and methodological foundations for designing social management technologies. Belgorod: Center for Social Technologies, 1996. P. 115.
6. Petrovskaya L.A. On the Issue of Conflict Competence // Bulletin of Moscow State University. 1997. № 4. P. 41-45.

8 Козер Л.А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой / Под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 205 с.

Гоу Юйюань

Доктор, Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Баку, Азербайджан.

Особенности совместной деятельности семьи, школы и общественности в КНР и Азербайджанской Республике (сопоставительный анализ)*

Аннотация. Современные образовательные системы все больше осознают важность взаимодействия семьи, школы и общественности в процессе воспитания и обучения. В данной статье проводится сравнительный анализ моделей взаимодействия этих институтов в Китайской Народной Республике (КНР) и Азербайджанской Республике. Исследование выявляет ключевые особенности подходов к семейному воспитанию, роли школы в образовательном процессе и влияния общественных институтов на формирование личности учащихся. Особое внимание уделяется влиянию глобализации и цифровизации на образовательные стратегии в обеих странах. Авторы рассматривают перспективы сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в сфере образования, предлагая конструктивные решения для взаимного обмена опытом и развития совместных образовательных инициатив.

Ключевые слова: Китай, Азербайджан, Совместное воспитание, семейное образование, общественные институты, международное образовательное сотрудничество.

Gou Yuuyan

Phd, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan.

Features of joint activities of family, school, and community in the PRC and the Republic of Azerbaijan (comparative analysis)

Abstract. Modern educational systems increasingly recognize the importance of interaction between family, school, and community in the upbringing and learning process. This article presents a comparative analysis of the models of interaction of these institutions in the People's Republic of China (PRC) and the Republic of Azerbaijan. The study identifies key features of approaches to family education, the role of school in the educational process, and the influence of public institutions on the formation of students' personalities. Special attention is given to the impact of globalization and digitalization on educational strategies in both countries. The authors explore the prospects of cooperation between China and Azerbaijan in the field of education, proposing constructive solutions for mutual exchange of experience and the development of joint educational initiatives.

Key words: China, Azerbaijan, Joint upbringing, family education, public institutions, international educational cooperation.

Введение

В современном мире вопросы взаи-

модействия семьи, школы и общества в образовательном процессе приобре-

* © Гоу Юйюань, 2025.

Особенности совместной деятельности семьи, школы и общественности в КНР и Азербайджанской Республике (сопоставительный анализ)

тают особую актуальность. В условиях стремительно меняющихся социальных и экономических реалий системы образования различных стран сталкиваются с новыми вызовами и возможностями. Система воспитания и обучения больше не может быть замкнутым институтом – она развивается во взаимодействии с родителями, государственными структурами и общественными организациями (). Данный процесс особенно важен для стран с различными историко-культурными традициями, таких как Китайская Народная Республика (КНР) и Азербайджанская Республика. В этих государствах система образования имеет свои уникальные особенности, которые формируются под влиянием национальных ценностей, исторических традиций и современных глобальных тенденций.

Современные международные отношения оказывают значительное влияние на образовательные процессы. Встреча лидеров Китая и Азербайджана в июле 2024 года, в ходе которой было подписано «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства», стала важным этапом развития двустороннего сотрудничества, включая сферу образования. Поддержка взаимного признания академических степеней, развитие университетского сотрудничества, поощрение языковых обменов – все эти меры направлены на укрепление образовательных связей между странами. В этом контексте изучение совместной деятельности семьи, школы и общественности в КНР и Азербайджане приобретает особую значимость, поскольку позволяет выявить эффективные практики и разработать рекомендации по их применению в различных образовательных системах.

Настоящее исследование направле-

но на сравнительный анализ особенностей взаимодействия семьи, школы и общественности в двух странах, выявление их сильных и слабых сторон, а также разработку конструктивных предложений по совершенствованию образовательных стратегий. Анализ основан на междисциплинарном подходе, объединяющем педагогическую теорию, социологические исследования и международный опыт. Результаты данного исследования могут быть полезны как для академического сообщества, так и для практиков в области образования, формирующих образовательные политики и программы, направленные на развитие всестороннего взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

Сравнение подходов к семейному воспитанию

Семейное воспитание играет ключевую роль в формировании личности ребенка и его дальнейшей социализации. В КНР семейное воспитание традиционно основывается на конфуцианских принципах, подчеркивающих уважение к старшим, дисциплину и высокий уровень академических достижений. Родители активно участвуют в образовательном процессе, организуя дополнительные занятия и контролируя учебные успехи детей. В Азербайджане, напротив, семейное воспитание строится на сочетании национальных традиций и современных педагогических подходов [2]. Родители, хотя и уделяют большое внимание образованию, акцентируют также значимость нравственного воспитания и религиозных ценностей.

Различие в подходах также проявляется в методах воспитания. В Китае широко распространена практика жесткого контроля и высоких ожиданий, что

приводит к значительной академической нагрузке на детей. В Азербайджане же наблюдается более сбалансированный подход, где важную роль играет эмоциональная поддержка ребенка. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки, что требует дальнейшего изучения и адаптации лучших практик.

Кроме того, важно учитывать влияние глобализации и технологического прогресса на семейное воспитание. В Китае наблюдается активное внедрение цифровых технологий в процесс обучения, что позволяет родителям контролировать образовательные достижения детей через онлайн-платформы. В Азербайджане, хотя цифровизация также развивается, большее внимание уделяется традиционным формам воспитания и прямому взаимодействию между детьми и родителями. Таким образом, изучение этих подходов помогает выявить наиболее эффективные стратегии, которые могут быть использованы в различных образовательных системах.

Роль школы в образовательном процессе

Школа выступает центральным институтом в системе образования, однако ее роль и функции различаются в КНР и Азербайджане. В Китае школа является не только образовательным учреждением, но и воспитательным центром, где дисциплина и академические достижения занимают приоритетное место. Учебная нагрузка высока, а система тестирования и рейтингов стимулирует конкуренцию среди учащихся. В Азербайджане, напротив, подход к школьному образованию более гибкий, с упором на личностное развитие и индивидуальные особенности учеников.

Важно отметить, что в обеих странах существуют государственные про-

граммы, направленные на повышение качества школьного образования. В Китае активно внедряются цифровые технологии и инновационные методики обучения, такие как искусственный интеллект в образовании, адаптивное обучение и виртуальные лаборатории, что способствует индивидуализации учебного процесса и повышению эффективности преподавания. В Азербайджане, напротив, основное внимание уделяется сохранению культурной идентичности в образовательной системе, включая использование национального языка и традиционных ценностей в учебных материалах, а также интеграцию местного фольклора в школьную программу.

В Китае и Азербайджане уделяется внимание модернизации педагогических подходов и повышению квалификации учителей. В Китае реализуются программы непрерывного профессионального развития для педагогов, включая курсы по использованию цифровых технологий и проектному обучению. В Азербайджане проводится активная работа по подготовке специалистов в области двуязычного образования, что способствует расширению возможностей учащихся на международной арене. Эти инициативы демонстрируют стремление обеих стран адаптировать свои образовательные системы к современным вызовам, обеспечивая при этом баланс между инновациями и традициями.

Дополнительно стоит рассмотреть влияние внешкольных образовательных программ на формирование компетенций учащихся [3]. В Китае существует практика организации вечерних школ и специализированных курсов, которые помогают детям углублять знания в различных предметных областях. В Азербайджане большое значе-

ние придается развитию внеклассного образования через художественные и музыкальные школы, спортивные секции и молодежные центры. Эти программы способствуют более гармоничному развитию личности и формированию социальных навыков, что играет важную роль в подготовке учеников к взрослой жизни.

Общественные институты и их влияние на воспитание

Общественные институты, включая неправительственные организации, религиозные учреждения и культурные центры, оказывают значительное влияние на образовательный процесс. В КНР роль общественных организаций ограничена строгим государственным контролем, однако они активно участвуют в образовательных инициативах, таких как программы поддержки талантливых детей и волонтерские проекты [1]. В Азербайджане общественные институты играют более активную роль, поддерживая образовательные программы, организуя культурные мероприятия и содействуя межкультурному диалогу.

Стоит отметить, что сотрудничество общественных институтов и образовательных учреждений может значительно повысить эффективность образовательного процесса. Взаимодействие между государственными и частными структурами способствует созданию более доступной и качественной образовательной среды, что особенно важно в условиях глобальных вызовов.

Кроме того, значимую роль играют современные цифровые образовательные платформы, которые активно развиваются при поддержке общественных институтов. В КНР наблюдается рост числа онлайн-инициатив, направленных на поддержку малообеспеченных слоев населения и предоставление

бесплатного доступа к образовательным ресурсам. В Азербайджане аналогичные инициативы ориентированы на укрепление связей между образовательными учреждениями и местными сообществами, что способствует обмену знаниями и повышению уровня грамотности среди различных возрастных групп.

Еще одним важным аспектом является влияние общественных институтов на инклюзивное образование. В Китае и Азербайджане разрабатываются специальные программы поддержки детей с особыми образовательными потребностями, при этом участие неправительственных организаций играет ключевую роль в обеспечении доступности образовательных услуг. Такие инициативы включают создание специализированных школ, адаптацию учебных материалов и проведение обучающих семинаров для учителей. Таким образом, общественные институты становятся важными посредниками между государством, школой и семьей, помогая создать инклюзивную образовательную среду.

Конструктивные решения и перспективы сотрудничества

Сотрудничество между КНР и Азербайджаном в сфере образования имеет высокий потенциал. Развитие совместных образовательных программ, обмен студентами и преподавателями, а также внедрение инновационных методик обучения могут значительно обогатить образовательные системы обеих стран. Особое значение имеет создание университетского альянса, который позволит реализовать крупные исследовательские проекты и повысить уровень академической мобильности.

Перспективными направлениями сотрудничества являются также разви-

тие цифровых образовательных платформ, обмен опытом в сфере инклюзивного образования и совместные программы повышения квалификации учителей. Внедрение лучших практик из образовательных систем Китая и Азербайджана может способствовать созданию более эффективной и адаптивной модели образования, ориентированной на вызовы XXI века.

Кроме того, важным аспектом является формирование двусторонних исследовательских инициатив в области педагогики, психологии и образовательных технологий. Совместные научные проекты и конференции позволят педагогам и ученым обмениваться опытом, разрабатывать новые методики обучения и тестировать инновационные подходы в реальных условиях. Такой подход обеспечит более глубокое понимание образовательных процессов и позволит создать более эффективные инструменты обучения, адаптированные к потребностям современной молодежи.

Значимым направлением является развитие совместных программ в области профессионального образования и технического обучения. Китай и Азербайджан имеют потребность в высококвалифицированных специалистах в различных областях, включая информационные технологии, инженерное дело и здравоохранение. Совместные образовательные программы, основанные на передовом опыте обеих стран, могут способствовать подготовке специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка труда. Такая инициатива позволит обеспечить более глубокую интеграцию образовательных систем и создать базу для будущего технологического сотрудничества.

Не менее важным аспектом явля-

ется расширение культурных и языковых обменов, что способствует не только образовательному, но и гуманитарному сотрудничеству между странами. Укрепление программ по изучению китайского и азербайджанского языков, создание двусторонних образовательных и культурных центров, а также привлечение студентов к международным образовательным проектам поможет формированию устойчивых межкультурных связей. Эти меры будут способствовать не только академическому взаимодействию, но и укреплению дружеских отношений между народами.

Заключение

Совместная деятельность семьи, школы и общественности является важным фактором развития системы образования, влияющим на формирование личности ребенка и его социальной адаптации [4]. Сравнительный анализ подходов КНР и Азербайджана показывает, что каждая из стран использует уникальные методы взаимодействия этих ключевых институтов, основанные на культурных, исторических и социальных особенностях. Несмотря на различия, обе страны демонстрируют высокий уровень интеграции образовательных процессов с общественными и семейными структурами, что подтверждает значимость комплексного подхода к воспитанию и обучению.

Перспективы дальнейшего развития образовательного сотрудничества между Китаем и Азербайджаном открывают новые возможности для взаимного обмена знаниями и передовыми методиками. Взаимодействие в сфере академической мобильности, внедрение инновационных педагогических технологий и расширение совместных научных исследований способствуют

формированию более эффективных образовательных систем. Таким образом, дальнейшее углубление партнерства в образовательной сфере не только укрепит двусторонние связи, но и создаст прочную основу для будущего поколения, способного адаптироваться к вызовам современного мира.

Образование в современном мире перестает быть просто системой передачи знаний — оно становится ключевым инструментом формирования глобального гражданства, устойчивого развития и взаимопонимания между народами. Сотрудничество Китая и Азербайджана в образовательной сфере выходит за рамки академического обмена, превращаясь в платформу для укрепления культурных связей, инновационного прогресса и создания общества, ориентированного на знания. Инвестируя в совместные образовательные инициативы, обе страны не только укрепляют свои национальные системы обучения, но и вносят вклад в формирование более справедливого, инклюзивного и взаимосвязанного мира, где знания становятся основой мирного сосуществования и процветания человечества.

Список литературы

1. Гурулева Т.Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития // Высшее образование в России, 2017. № 7. С. 152-164.
2. Данилова Л.Н. Семья как фактор высоких образовательных достижений школьников в странах Азии // Азия и Африка сегодня, 2018. № 10 (735). С. 32-39.
3. Лаврентьева З.И., Койнова-Цельнер Ю.В., Ромм Т.А. Тенденции развития социального воспитания детей в постиндустриальном обществе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2015. № 6 (28). С. 121-130.
4. Тиходеев Н.О. Образовательные стратегии российских семей в условиях постоянной реформы системы образования (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика, 2014. № 2. С. 213-220.

References

1. Guruleva T.L. Education system in the People's Republic of China: structure and main directions of development // Higher education in Russia, 2017. № 7. P. 152-164.
2. Danilova L.N. Family as a factor in high educational achievements of schoolchildren in Asian countries // Asia and Africa today, 2018. № 10 (735). P. 32-39.
3. Lavrenteva Z.I., Koinova-Tsölner Yu.V., Romm T.A. Trends in the development of social education of children in a post-industrial society // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University, 2015. № 6 (28). P. 121-130.
4. Tikhodeev N.O. Educational strategies of Russian families in the context of constant reform of the education system (on the example of St. Petersburg) // Bulletin of St. Petersburg University, Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy, 2014. № 2. P. 213-220.

Янчев Д.В.

Кандидат исторических наук, доцент.

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет.

Отношение студентов к обучению в Дальрыбтuze*

Аннотация. Статья посвящена изучению уровня удовлетворенности образовательным процессом студентов Дальрыбтвуза, актуальность установления которого определяется необходимостью обладания универсальным инструментом управления и корректировки показателей для нивелирования негативных аспектов в формировании положительного отношения студентов к обучению. Совокупность полученных результатов позволяет свидетельствовать в целом о положительном отношении студентов к обучению в Дальрыбтuze, однако задает направленность деятельности по нивелированию препятствий на пути повышения качества образования в вузе.

Ключевые слова: образовательный процесс, оценочно-мониторинговая деятельность, уровень удовлетворенности, показатели отношения, студенты.

Yanchev D.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Far Eastern State Technical Fisheries University.

The attitude of students to studying at the Dalrybtuz

Abstract. The article is devoted to the study of the level of satisfaction with the educational process of Dalrybtuz students, the relevance of which is determined by the need to have a universal tool for managing and adjusting indicators to offset negative aspects in the formation of a positive attitude of students to learning. The totality of the results obtained allows us to indicate a generally positive attitude of students towards studying at Dalrybtuz, however, sets the direction of activities aimed at leveling obstacles to improving the quality of education at the university.

Key words: educational process, evaluation and monitoring activities, satisfaction level, attitude indicators, students.

Введение. Модернизационные преобразования, носящие системный и многофакторный характер, способны внести существенные изменения в структурно-функциональные константы всей системы профессионального образования высшей школы, выраженные в последствиях реформирования [7, с. 141]. Последствия выражаются в

качественных и количественных изменениях, которые не всегда носят положительный характер, формируемый разнообразием признаков в совокупности отражающихся на качестве обученности студентов [6, с. 29]. В контексте систематически обновляемых требований, стремящихся привести к соответствию уровень профессиональной

* © Янчев Д.В., 2025.

Отношение студентов к обучению в Дальрыбтuze

подготовки выпускников вузов к социальному запросу на специалиста новой формации, велика вероятность допущения ошибок в предпринимаемых видах деятельности.

Обзор литературы. В качестве универсального инструментария устранения вероятности предпосылок для снижения качества профессиональной подготовки студентов, нам видится привлечение всех взаимодействующих в образовательном процессе субъектов в мониторинговой деятельности, осуществляемой на систематической основе в соответствии с сформированным критериально-оценочным аппаратом [5, с. 99].

Многоаспектность традиционных взаимодействий в рамках образовательного вуза не позволяет изначально охватить весь спектр интересующих компонентов, способных оказать значимое влияние на качество реализуемого обучения [4, с. 225]. Это является основной причиной конкретизации темы нашего исследования, затрагивающего только те вопросы, которые лежат в пространстве личностного отношения студентов к обучению в ФГБОУ ВО Дальневосточном государственном техническом рыбохозяйственном университете (далее – Дальрыбвтуз).

Обращение к теме и построение алгоритма реализации исследовательской деятельности опиралось на совокупность мнений, образующих логическую последовательность теоретического осмысления показателей, значения которых способны создать общую картину представлений о текущей ситуации удовлетворенности студентов качеством реализуемого в стенах вуза образовательного процесса.

Так, согласно позиции О.В. Биринной, ведущим показателем и составной компонентой исследуемого процесса

является позитивное отношение студентов к учебной деятельности [1, с. 441], в котором А. С. Васильевой выделяется «... удовлетворенность собственной учебной деятельностью» [2, с. 33], выраженной, по мнению Л.В. Мищенко, через «эмоционально оценочное суждение к разным аспектам учебной деятельности» [3, с. 124], представленной шестью компонентами. Опираясь на результаты исследования, подвергнутые нами анализу, обобщению и интерпретации позволили выделить категории показателей, оценка которых позволит достичь поставленную перед исследованием цель.

Цель исследования заключалась в изучении уровня удовлетворенности образовательным процессом студентов Дальрыбвтуза.

Методология исследования. В рамках экспериментальной части исследования были задействованы студенты Дальрыбвтуз в количестве 100 человек, них 46 (46%) девушек и 54 (54%) юношей, письменно выразивших свое желание принять участие в пилотном социологическом исследовании, проведенном в период с сентября по октябрь 2024 года методом опроса. Средний возраст участников составил $18 \pm 0,6$ лет. Выборочная совокупность, соответствующая внутривыборочной характеристике выборки соблюдена согласно курсу и направлению обучения.

В рамках статистических процедур, осуществляемых с целью получения достоверных итоговых значений для обоснования и констатации достижения цели, применялись: \bar{X} – среднее значение и σ – стандартное отклонение ($M \pm S$), в совокупности обеспечивающие корректность выводов. При сравнительном анализе количественных значений в соответствии с представленными и теоретически обосно-

ванными показателями использовался U-критерий Манна-Уитни. В рамках процедур по установлению степени достоверности был задействован критерий Хи-квадрат Пирсона (χ^2). Значимость в контексте количественного анализа была определена на уровне 0,05. Архитектоника показателей устанавливалась посредством медиан и квартиль в диапазоне колебаний. Комплекс осуществленных вычислений в контексте поставленной цели исследовательской

работы реализовывался посредством инструментария, предлагаемого программой Statistica 10 и SAS JMP, позволившей минимизировать возможность допущения ошибочных выводов. Следует отметить, что данное эмпирическое исследование не ставило своей целью какие-либо экспериментальные манипуляции. На протяжении всего нашего исследования мы уделяли особое внимание следующим переменным: «Мотивы выбора вуза», «Образователь-

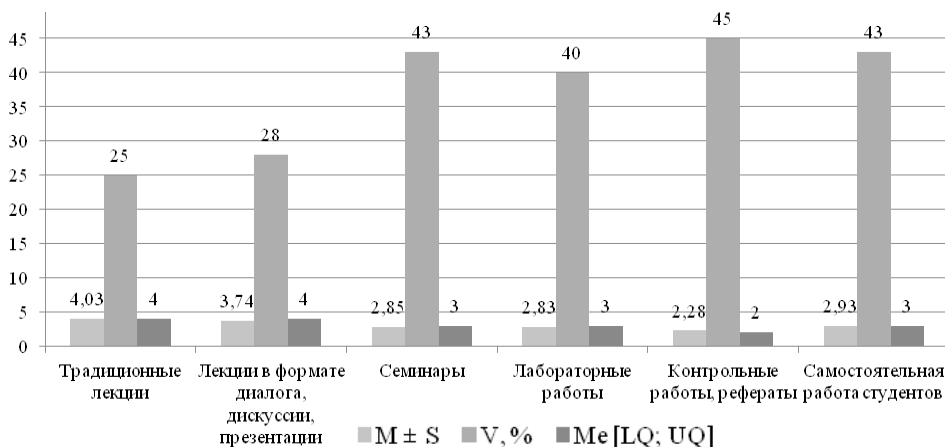

Таблица 1. Результаты по категории «Оценка форм обучения», N = 100%, Min = 1,00; Max = 5,00.

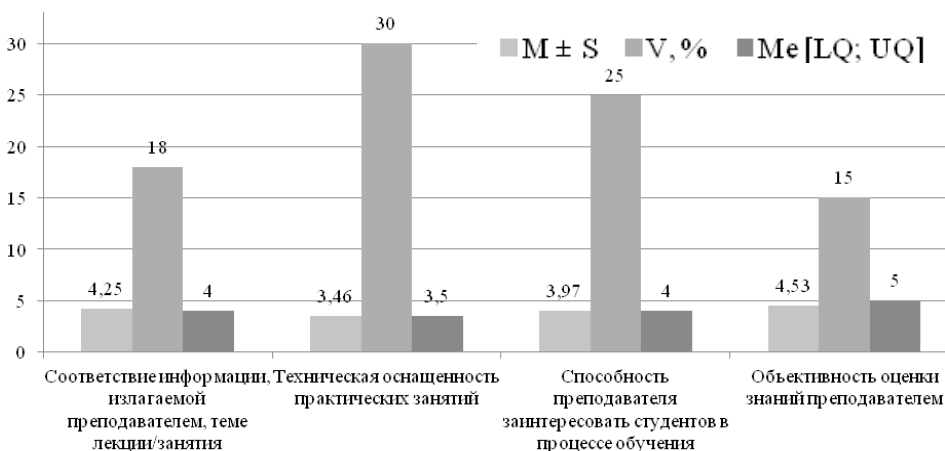

Таблица 2. Результаты по категории «Учебная деятельность в вузе», N = 100%, Min = 1,00; Max = 5,00.

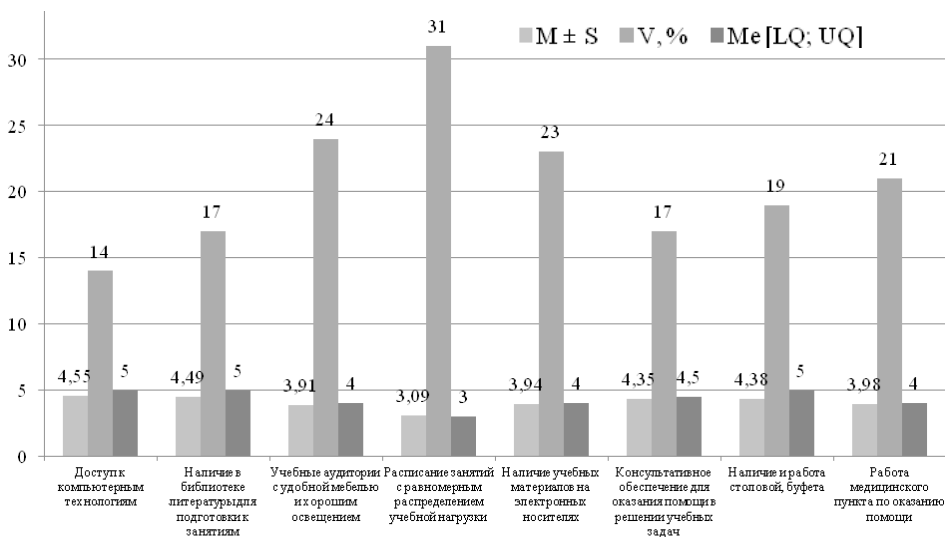

Таблица 3. Результаты по категории «Сопровождение образовательного процесса», N = 100%, Min = 1,00; Max = 5,00.

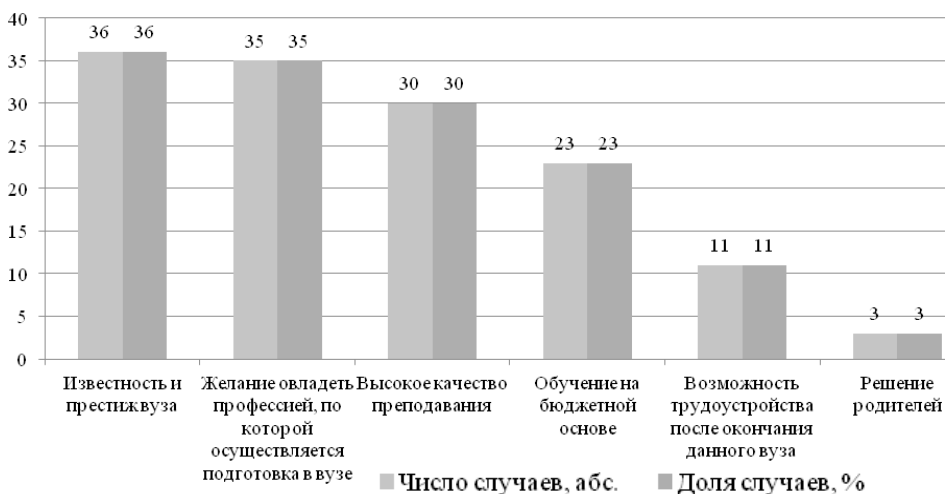

Таблица 4. Результаты по категории «Мотивы выбора вуза» (число случаев и проценты).

ные цели», «Оценка форм обучения», «Учебная деятельность в вузе», «Сопровождение образовательного процесса», «Негативные последствия обучения» и «Другие».

Результаты исследования и их об-суждение. Представленная организа-

ция исследовательской деятельности позволила максимально точно зафиксировать производимые в эмпирической ее части операции, отобразив впоследствии результаты описательной статистики. Благодаря инструментам эмпирической части исследования

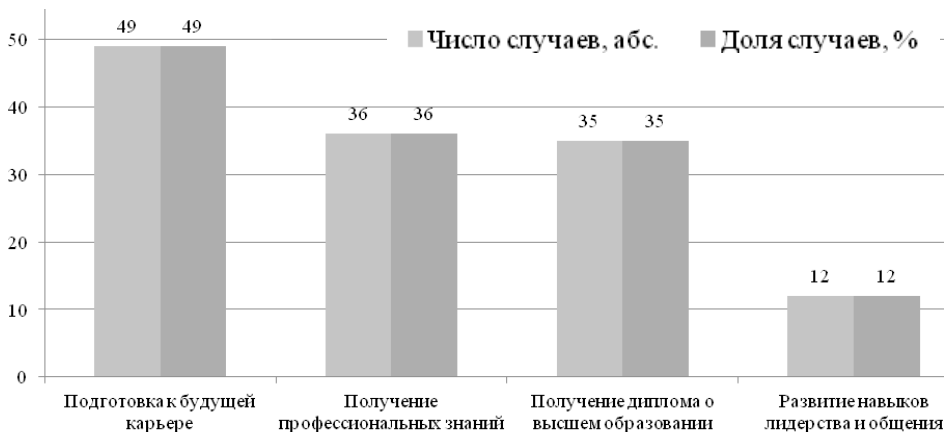

Таблица 5. Результаты по категории «Образовательные цели».

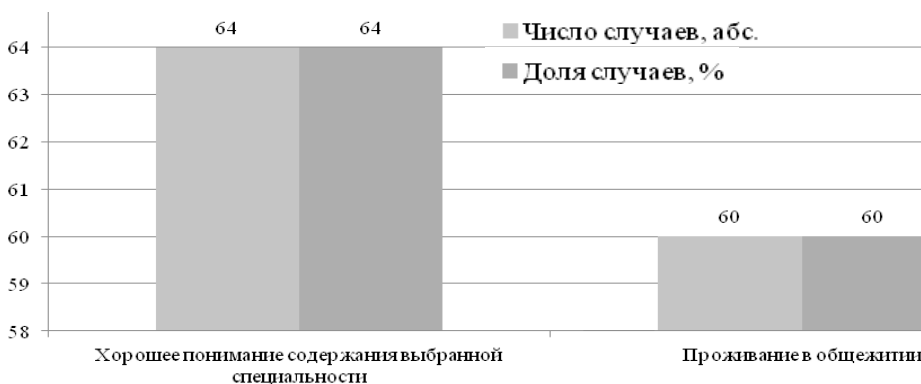

Таблица 6. Результаты по категории «Другие».

удалось констатировать результаты исследования, визуализировав их в сокращенном формате в виду отсутствия необходимости представления всех вычислительных процедур (см. таблицы 1-7).

Заключение. Основываясь на отраженные в таблицы результаты можно сделать ряд выводов, согласно которых:

- самыми однородными показателями в категории «Оценка форм обучения» и «Учебная деятельность в вузе» стали «Доступ к компьютерным технологиям», «Объективность оценки

- знаний преподавателем» и «Наличие в библиотеке литературы для подготовки к занятиям», а самыми неоднородными - «Контрольные работы, рефераты», «Самостоятельная работа студентов» и «Семинары»;

- среди переменных категории «Образовательные цели» чаще всего встречается переменная «Подготовка к будущей карьере» (49%). Незначительное число случаев зафиксировано по показателю «Развитие навыков лидерства и общения» (12%);

- в ходе вычислений и последующего анализа количественных зна-

Таблица 7. Результаты по категории «Негативные последствия обучения».

чений в категории «Мотивы выбора вуза» отмечался разброс данных, который нами систематизирован в порядке убывания: «Известность и престиж вуза» - 36%, «Желание овладеть профессией, по которой осуществляется подготовка в вузе» - 35%, «Возможность трудоустройства после окончания данного вуза» - 11%, «Решение родителей» - 3%;

- среди показателей категории «Другие» чаще всего встречаются показатели «Хорошее понимание содержания выбранной специальности» (более, чем у половины респондентов, 64%) и «Проживание в общежитии» (более, чем у половины респондентов, 60%), а реже всего – показатели «Разочаровался в выбранной профессии» (лишь у 1% респондентов);

- для категории «Соответствуют ли результаты обучения в университете вашим ожиданиям» значение «Соответствуют» встречается так же часто, как и значение «Частично соответствуют»;

- для категории «Степень удовлетворенности результатами своего обучения в вузе» чаще всего встречается значение «Полностью удовлетворен» (чуть

менее чем у половины респондентов, 45%), а реже всего – значение «Не удовлетворен» (лишь у 11% респондентов).

- для категории «Какая оценка знаний лучше» чаще всего встречается значение «Текущая» (более, чем у половины респондентов, 62%);

- частота выбора ответа «Достаточно высокий» при установлении качества обучения Дальрыбвтузе составила более половины опрошенных (60%). И только 4% затруднились предложить аргументированный ответ в пользу одного из предложенных вариантов, указывающих на конкретный уровень;

- обследование мнений, сложившихся у студентов о влиянии отношения профессорско-преподавательского состава о себе, продемонстрировало его значимость (74%), в противовес отсутствия такового (3%);

- внеучебная деятельность, составляющая большую часть студенческой жизни, была в полной мере представлена в ответах респондентов, однако преимущественные значения были продемонстрированы в показателях ответа «Спортивные секции» (60%), в то время как научно-исследовательской деятель-

ности свое время посвящают только 3% студентов;

– степень удовлетворенности проживания в общежитии отражена в ответах, которые свидетельствуют о удовлетворительных условиях решения бытовых проблем: «Да» - 60%, «Нет» - 8,3%.

Совокупность полученных результатов позволяет свидетельствовать в целом о положительном отношении студентов к обучению в Дальрыбтузе (например, «Разочаровался в выбранной профессии» только 1% студентов), однако задает направленность деятельности по нивелированию или полному устранению препятствий на пути повышения качества образования в вузе, выраженных, например, в критерии «Желание овладеть профессией, по которой осуществляется подготовка в вузе», и в категории «Степень удовлетворенности результатами своего обучения в вузе» (чуть менее чем у половины респондентов, 45%).

Список литературы

1. Бирина О.В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях. // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8. С. 438-443.
2. Васильева А.С. Теоретические подходы к понятию академической успешности студентов. // *Экономика и социум*. 2017. № 1 (32). С. 26-38.
3. Мищенко Л.В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности. // *Вестник практической психологии образования*. 2007. № 3. С. 122-128.
4. Al-Kurdi O.F., El-Haddadeh R., Eldabi T. The role of organisational climate in managing knowledge sharing among academics in higher education. *International Journal of Information Management*, 2020. № 50. P. 217-227.
5. Daumiller M., Stupnisky R., Janke S. Motivation of higher education faculty: Theoretical approaches, empirical evidence, and future directions. *International Journal of Educational Research*, 2020. P. 99.
6. Treepob H., Hemtasin C., Thongsuk T. Development of Scientific Problem-Solving Skills in Grade 9 Students by Applying Problem-Based Learning. *International Education Studies*, 2023. № 16 (4). P. 29.
7. Zulyusri Z., Elfira I., Lufri L., Santosa T.A. Literature Study: Utilization of the PjBL Model in Science Education to Improve Creativity and Critical Thinking Skills. *Jurnal Penelitian Pendidikan IPA*, 2023. № 9 (1). P. 133-143.

References

1. Birina O.V. The concept of learning success in modern pedagogical and psychological theories. // *Fundamental research*. 2014. № 8. P. 438-443.
2. Vasilyeva A.S. Theoretical approaches to the concept of academic success of students. // *Economy and society*. 2017. № 1 (32). P. 26-38.
3. Mishchenko L.V. On the problem of diagnosing students' attitudes to educational activities. // *Bulletin of practical psychology of education*. 2007. № 3. P. 122-128.
4. Al-Kurdi O.F., El-Haddadeh R., Eldabi T. The role of organisational climate in managing knowledge sharing among academics in higher education. *International Journal of Information Management*, 2020. № 50. P. 217-227.
5. Daumiller M., Stupnisky R., Janke S. Motivation of higher education faculty: Theoretical approaches, empirical evidence, and future directions. *International Journal of Educational Research*, 2020. P. 99.
6. Treepob H., Hemtasin C., Thongsuk T. Development of Scientific Problem-Solving Skills in Grade 9 Students by Applying Problem-Based Learning. *International Education Studies*, 2023. № 16 (4). P. 29.
7. Zulyusri Z., Elfira I., Lufri L., Santosa T.A. Literature Study: Utilization of the PjBL Model in Science Education to Improve Creativity and Critical Thinking Skills. *Jurnal Penelitian Pendidikan IPA*, 2023. № 9 (1). P. 133-143.

Слепцова Г.Н.

*Кандидат педагогических наук, доцент. Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск.*

Проблема изучения и сохранения языкового и культурного наследия коренных народов севера*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы сохранения и развития культурного наследия коренных малочисленных народов Арктики. Важно сохранить и продолжить традиционный образ жизни всех народов и этнических общностей, чтобы поддержать культурное разнообразие и помочь сохранить их историю и идентичность. Все это способствует укреплению этнической самоидентификации, повышению гордости за свою нацию, усилению связи между поколениями. Одним из основных факторов повышенного внимания к культурному наследию, особенностям народов, которые все вместе составляют российский культурный пласт, является усиление межнациональных связей, укрепление доброжелательных отношений и уважения народов друг к другу.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Арктики, культурное наследие долганов, сохранность этнических традиций.

Sleptsova G.N.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Institute of Foreign Philology
and Regional Studies Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk.*

Problem of studying and preserving the linguistic and cultural heritage of the indigenous peoples of the North

Abstract. The relevance of the study is due to the importance of the problem of preserving and developing the cultural heritage of the indigenous peoples of the Arctic. It is important to preserve and continue the traditional way of life of all peoples and ethnic communities in order to maintain cultural diversity and help preserve their history and identity. All this contributes to strengthening ethnic identity, increasing pride in one's nation, and strengthening the bond between generations. One of the main factors of increased attention to the cultural heritage and the peculiarities of the peoples who together make up the Russian cultural stratum is the strengthening of interethnic ties, strengthening friendly relations and respect of peoples for each other.

Key words: indigenous peoples of the Arctic, cultural heritage of the Dolgans, preservation of ethnic traditions.

Введение

Каждый народ, проживающий в России, является частью нашей огромной родины, частичкой «души». Каж-

дый человек, каждый народ, населяющий нашу страну, привносит частичку своей культуры, и все вместе они составляют, приумножают, обогащают

* © Маруфенко Е.В., Данилова А.В., 2025.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки

культурное наследие России. Зная все это, нам необходимо помнить и чтить традиции и обычаи каждого народа, которые представляют все богатство российской культуры, и сохраняя все это достояние, мы можем благоприятно влиять на будущее. Все народы имеют свой уникальный культурный код, свои обычаи, социальные нормы, свой устоявшийся уклад жизни и традиции. Все это культурное многообразие составляет общую мировую культуру, отражаясь в формах, образах, предметах быта, узорах, украшениях, народном творчестве, художественных изделиях и т.д. Важно сохранить традиционный образ жизни малочисленных народов, чтобы поддержать культурное разнообразие и помочь сохранить их историю и идентичность. Все это способствует укреплению этнической самоидентификации, повышению гордости за свою нацию, усилению связи между поколениями. Одним из основных факторов, повышенного внимания к культурному наследию, особенностям народов, которые все вместе составляют российский культурный пласт, является усиление межнациональных связей, укрепление доброжелательных отношений и уважения народов друг к другу.

19 марта в Республике Саха (Якутия) отмечается «День Арктики». Праздник был учреждён Указом Главы Республики Саха (Якутия) №200 от 11 декабря 2014 года. Его цель — объединить людей, проживающих в условиях Арктики, и поддержать развитие арктических районов Якутии, сохранение богатого духовного мира и самобытных традиций его коренных народов. Выдающийся ученый Республики Саха (Якутия), доктор социологических наук Ульяна Алексеевна Винокурова отмечает, что «Культура Арктики – мир вечной мерзлоты, хранящий и развивающий

творческий труд человечества» [3]. В последние годы, в нашей республике тематике Арктики обращают большое внимание. Проводятся научно – практические конференции, различные социологические, научно-исследовательские исследования, экспедиции, выставки, публикуются множество статей, научных публикаций. Все это направлено на повышение интереса всего мира и каждого человека к тем проблемам, которые есть в Арктике, на поиск решений этих проблем, на популяризацию ее культурного богатства, сохранение и передаче последующим поколениям в ее первоизданном виде.

Арктическая часть Республики Саха (Якутия) представлена 13 муниципальными образованиями – улусами. Красоту природы этих районов, их талантливых, трудолюбивых жителей, патриотов своей родины, расписывали, восхваляли, отражали в своих произведениях, картинах многие писатели, журналисты, художники и т.д.

Какой бы безлюдной ни казалась Арктика, в ней проживает 127 национальностей, что составляет 2,5 млн человек. В соответствии с перечнем насчитывается 45 коренных малочисленных народов.

За многие годы истории развития малочисленных народов, они вели кочевой образ жизни, но в современных условиях, многие осели на постоянных местах жительства, образуя сельские поселения. Они проживают в одном месте, ведут оседлую жизнь и не занимаются оленеводством. Некоторая часть занимается скотоводством и земледелием. Охота и рыбалка являются неотъемлемой частью их жизни. Несмотря на это, все же существуют оленеводы, которые, ведут кочевой образ жизни.

Каждый народ уникален, они разговаривают на своем языке, имеют свою

особую культуру, особые способы ведения хозяйства, быта, свои традиции, сохранившиеся виды народного промысла и т.д. Но, к сожалению, в последнее время наблюдается сокращение количества тех коренных народов, которые полностью сохранили и используют свой традиционный образ жизни. Естественное развитие общества, приход новых экономических, социальных изменений, несомненно накладывает отпечаток на сферу проживания малочисленных народов, на их жизнедеятельность.

Одним из многочисленных представителей коренных народов России являются долганы. Долганы относятся к тюркским народностям, численность которого составляет примерно 8000 человек. Официальный язык этого народа – долганский. Первоисточником долганского языка является якутский, так как раньше он считался диалектом якутского языка. Самоназвание долган (дулган) – тыа – кихи , саха.

Данную народность считают одним из молодых малочисленных народов, населяющих Арктическую зону России.

История происхождения народа долган исчисляется с XVII века. Бытует мнение, что данная народность возникла на севере Енисейской губернии, и в основном состояла из тунгусских групп этносов. Формирование долганской этнической группы произошло на основе эвенков, якутов, отдельных семей энцев и так называемых затундренных крестьян. Долганский язык имеет свои корни в якутском, а письменность, основанная на русском алфавите, была официально утверждена в 1970 году» [5].

Большинство представителей долганской народности осели в Красноярском крае и в Республике Саха (Якутия).

В нашей республике, долганы в ос-

новном проживают в Анабарском улусе, являются коренным населением Арктического региона. Анабарский улус имеет официальное обозначение национального округа долгано-эвенкийского. Традиционно они занимались традиционными промыслами, такими как оленеводство, рыбалка и охота. Демографически население Анабарского улуса содержит разнообразное сочетание этнических групп: 42,4% долганов, 22,7% эвенков, 21,6% саха (якуты) и 6,4% эвенков. В улусе ведутся большие работы по сохранению традиций, языка и культуры своего народа.

Долганский отдел республиканской ассоциации коренных народов Севера активно участвует в сохранении и продвижении их культуры. Долганская культура богата фольклором, который включает былины, песни, сказки, загадки и пословицы. Среди старших поколений устные традиции остаются сильными, охватывающими народные сказки, песни, традиции и уникальный круговой танец хейро. Долганы, проживающие в Анабаре известны своим искусным ремеслом в деревянной и костяной резьбе, а также своей красивой вышивкой бисером и цветными нитками. Отличительной чертой долганов является их красивая одежда. Их одежда богата мехами и кожей, яркими акцентными орнаментами из бисера и цветных ниток.

Обустройство современного быта долган разнообразно: это и традиционный деревянный сруб русских деревень, якутский национальный балаган, тунгусский чум, голомо, чумы, лабазы и амбары и т.д. Особую популярность среди оленеводов имеют переносные чумы, устанавливаемые на нартах и покрытые снаружи шкурами оленей. Внутри чума помещаются печка, столы, стулья. Чумы имеют стеклянные окна,

крепкий каркас, без гвоздей, способный выдержать длительные переезды по тундре, многочисленные сборы и разборки при установке.

Большая часть долган православные: «с XIX в. долганы официально считались православными, в их среде продолжал господствовать анимизм (от лат. *anima, animus* — душа, дух) — вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы» [1]. В долганской культуре существует три божества, которые имеют свое предназначение - иччи, айыы и абаасы. Айыы это покровители людей, они помогают и оберегают их, когда как абаасы, наоборот, стремятся сделать что – то плохое или навредить человеку. Иччи – это духи населяющие различные предметы, природные объекты, они могут их оживить. Считалось, что тот предмет, в которую вселился иччи начинает обладать исцеляющим, помогающим даром, и становился талисманом или оберегом.

Как и у многих северных народов, особую силу и уважение у долганов имели шаманы. Многие традиции и ритуалы у долган привнесены с христианской культуры, хотя и с присутствием регионального компонента. Особенно национальные и местные культурные особенности прослеживаются в правилах нахождения на природе, в использовании охотничьей терминологии и т.д.

Как известно, основная деятельность малочисленных народов связана с природой и животноводством. Так и у долган это — оленеводство, рыбалка и охота. Но все же, самой экономикообразующей является оленеводство. На протяжении всех сезонов, долганы следуют за своими оленями, в поисках новых пастбищ, кочуя по тундре. В основном, они образуют или коллективные

хозяйства, или родовые, где присматривают всей семьей за стадами оленей.

Многие современные долганы, предпочитают проживание в селах, где удобно вести бытовое хозяйство, детям обучаться в образовательных организациях. В таких селах, семьи строят крепкие, постоянные дома, подсобное хозяйство. С началом теплого сезона, некоторые члены рода перебираются на пастбища вместе со стадами оленей, ведя непрерывное наблюдение за своими питомцами. Малейший недосмотр может стоить дорого, так как в бескрайней тундре, вдали от цивилизации, очень много опасностей, трудностей и проблем, такие как существование диких зверей, природные катаклизмы, нехватка ресурсов и т.д.

В зимний период каждые семьи предпочитают проживать обособленно, сочетая присмотр за стадами с охотой. Детей, начиная с раннего возраста, приспособляют к хозяйственной деятельности. Их учат навыкам ведения охоты, подготовки орудий труда, оружия, правильно находиться в дикой природе, уметь выживать, подбирать одежду и снаряжение исходя их погодных условий.

У северных народов имеются свои спортивные состязания и виды спорта, основанные на традиционных видах деятельности. Так, очень популярен такой вид спорта, как северное многоборье, куда входят такие упражнения, как прыжки через нарты, метание аркана на хорей, метание топора, бег с палкой и т.д. В последние годы, проводятся соревнования по популяризации национальных игр среди арктических детей. Так, начиная с 2020г. большую популярность имеет республиканский турнир «Играют Дети Арктики» по якутским настольным играм. Учитывая сложную транспортную обстановку среди север-

ных улусов, участникам дается возможность соревноваться в онлайн формате, т.е. удаленно, посредством технических средств связи.

Как и многие северные народности, долганы в основном употребляют в пищу оленину, в ее разнообразии приготовления, оленину можно есть сырой, в вареном виде, замороженную, жареную и т.д. Помимо оленины, любимым блюдом в рационе у долган является рыба, как приготовленная, так и в виде строганины или малосольная. Кроме мяса и рыбы, в рационе долган присутствуют мучные изделия, такие как лепешки и оладьи, а также некоторые виды овощных и ягодных культур.

Традиционная долганская одежда очень разнообразна, при этом, в ней можно увидеть влияние якутской и эвенкийской культуры. Большое отличие наблюдается в фасонах женской и мужской национальной одежды долган. При этом, основным отличием традиционного костюма от других народностей является ее удлиненный задний подол.

Зимняя одежда в основном представлена из шкур и меха животных, оленьих, песца или зайца. Народные умельцы из всего многообразия меха, шкур составляют красивые меховые узоры, дополнительно украшая их бисером, вышивкой и т.д.

Многие искусствоведы и краеведы называют долганов аристократами тундры, на основании их национальной одежды, их внешнего вида. Традиционная одежда долган сшита из темных оттенков ткани, и расшита разноцветными узорами, напоминающие северное сияние. Всю красоту и богатство долганского искусства запечатлела и сохранила для последующих потомков народный художник нашей республики

Аана Зверева в альбоме «Элдэн Сухума. Декоративно-прикладное искусство долган Анабара».

У многих северных народов присутствует поклонение какому то животному. Так, долганы поклоняются медведю. Проводится специальный медвежий праздник, посвященный охоте, во время которого едят медвежье мясо и устраивают ритуальные пляски и хороводы.

Как молодая народность, долганы позже приобрели свою письменность. Основы долганской письменности были разработаны лишь в 1973г, а в 1984 г. издан первый «Букварь», и как утверждают «благодаря этому по сути отрицательному обстоятельству долганский фольклор сохранил свою самобытность» [1].

Основу долганского языка составляет тюркский язык, в нем присутствует влияние якутского и эвенкийского языка.

Долганская культура богата фольклором, который включает былины, песни, сказки, загадки и пословицы. Долганская литература известна своим богатым устным народным творчеством. Она охватывает разнообразный диапазон жанров, включая: мифы и легенды – повествования, часто сосредоточенные вокруг мира природы и происхождения долганов, служат для объяснения явлений, преподают этические уроки и сохранение культурных ценностей; народные сказки – истории с участием тюрков, животных с человеческими качествами и сверхъестественных существ развлекают и дают представление о социальной динамике сообщества долгана; песни – от колыбельных до охотничьих песен. Музыка играет решающую роль в культуре долгана, отражая их отношения с природой, любовью и сообществом; выска-

звания и пословицы – краткие, часто поэтические выражения инкапсулируют мудрость и убеждения народа, отражая их ценности и мировоззрение. Появление письменного выражения – XX век стал свидетелем появления письменной долганской литературы, хотя и ограниченной по объему. Это развитие было в первую очередь обусловлено двумя факторами: формальное образование и советская политика. Введение формального образования в советское время открыло пути грамотности среди долганов, что привело к развитию письменного языка и созданию литературных произведений. Также, советское правительство продвигало развитие письменных языков для коренных групп, включая долган. Это привело к созданию системы письма и публикации учебников и других материалов на родном языке. Долганская литература, как устная, так и письменная, служит жизненно важным хранилищем культурных знаний и источником идентичности для народа долган. Это отражает их уникальное мировоззрение, их отношения с арктической средой и их устойчивость перед лицом социальных изменений.

У долган высоко развит институт семьи, а именно ценность рода. В традиционных семьях преобладает матриархат, т.е. все члены рода подчиняются самой старшей и главной женщине семьи. У данного народа как правило, стараются выдавать детей замуж или брать в жены по старшинству, т.е. соблюдая очередность среди братьев и сестер. И обычно, самый младший сын остается жить со своей семьей вместе с родителями, далее наследуя все их хозяйство. Долганы очень хорошо относятся к детям, поощряется многодетность.

В 2020 году благодаря гранту Российского фонда фундаментальных ис-

следований, Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН было проведено социологическое исследование в Анабарском национальном (долганско-эвенкийском) улусе Республики Саха (Якутия). В исследовании было опрошено 201 человек, представителей разных народностей, населяющих данный район. Основную часть респондентов составили долганы [6]. Данное исследование было проведено с целью выявления этнической идентичности арктических народов и позволило выявить, что самым главным для них является именно наличие собственной культуры и самобытных традиций. Знание родного языка, его использование в быту является вторым по значимости.

Результаты проведенного опроса, показали, что в данном районе, в независимости от национальности, большинство жителей разговаривают, общаются на якутском языке, при этом, многие из них понимают и знают свой родной, национальный язык, например, долганский, эвенский и т.д.

Данное исследование подтвердило значимость сохранения национальной культуры, традиций малочисленных народов, населяющих Россию, важность сохранения языка, письменности, материального наследия и художественного богатства.

Заключение

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что тема национальной самоидентичности сейчас актуальна как никогда. Коренным малочисленным народам особенно необходимо изучать свою культуру, сохранить и развивать ее. Только так мы сможем сохранить культурное многообразие, а значит и укрепить национальное самосознание, поддержать со-

циальную сплоченность, предоставляя общие ценности, нормы и традиции, которые связывают людей вместе.

10. Panasenko Yu. A. Transformation of Ethnoculture in the Modern World. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. № 25 (354). Philosophy. Sociology. Cultural Studies – Bulletin of ChSU 2014. 354 p. P. 51.

Список литературы

1. Бугаева К.М. Уникальный народ долганы // *Арктика и Север*. 2013. № 12.
2. Гриценко Е.Н. История России/ Е.Н. Гриценко. – Ростов н/Дону.: Владис, 2017. 128 с. С. 93.
3. Данилко Е.С. Народы России / Е.С. Данилко, В.В. Баstryкин, А.Г. Воробьёв, М.О. Дмитриев и др. – М.: РОСМЭН, 2015. 80 с.: ил. С. 51.
4. Захарова А.Е. Традиционная культура как основной маркер этнической идентичности арктических народов (на примере Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса Республики Саха (Якутия)) // *Человек и культура*. 2020. № 6. С. 105-115. – DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34739 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34739
5. Истории в бажете: Север Афанасия Мунхалова... // URL: https://vk.com/wall-43488420_1820
6. Кукушкин В.С., Л.Д. Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов—на—Дону., Феникс, 2000. 448 с. С. 285-286.
7. Малые народы большой страны: долганы. // URL: <http://www.rosculture.ru/mosaic/item12299/>
8. Народы Арктики. // URL: <https://cleanarctic.ru/peoples-of-the-arctic>
9. Народы России: Атлас культур и религий / А.П. Пritvorov; под ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский [и др.]. – Москва, 2008.
10. Панасенко Ю. А. Трансформация этнокультуры в современном мире. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 25 (354). Философия. Социология. Культурология – Вестник ЧГУ 2014. 354 с. С. 51.

References

1. Bugaeva K.M. The unique Dolgan people // *Arctic and North*. 2013. № 12.
2. Gritsenko E.N. History of Russia / E.N. Gritsenko. – Rostov n/Donu.: Vladis, 2017. 128 p. P. 93.
3. Danilko E.S. Peoples of Russia / E.S. Danilko, V.V. Bastrykin, A.G. Vorobyov, M.O. Dmitriev et al. – M.: ROSMEN, 2015.80 p.: ill. P. 51.
4. Zakharova A.E. Traditional culture as the main marker of the ethnic identity of the Arctic peoples (on the example of the Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)) // *Man and Culture*. 2020. № 6. P. 105-115. – DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34739 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34739
5. Stories in a baguette: The North of Afanasy Munkhalov... // URL: https://vk.com/wall-43488420_1820
6. Kukushkin V.S., L.D. Stolyarenko L.D. Ethnopedagogy and ethnopsychology. Rostov-on-Don., Phoenix, 2000. 448 p. P. 285-286.
7. Small peoples of a big country: the Dolgans. // URL: <http://www.rosculture.ru/mosaic/item12299/>
8. Peoples of the Arctic. // URL: <https://cleanarctic.ru/peoples-of-the-arctic>
9. Peoples of Russia: Atlas of Cultures and Religions / A.P. Pritvorov; edited by V.A. Tishkov, A.V. Zhuravsky [and others]. – Moscow, 2008.

Мальцева И.В.

Кандидат социологических наук, доцент.
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Мальцев Д.С.

Учащийся магистратуры.
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Влияние адаптации на профессионально-трудовую социализацию личности и сохранение кадрового ядра организации*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты влияния процесса адаптации на профессионально-трудовую социализацию личности и успешное формирование кадрового потенциала социальных организаций. Авторами работы предложены алгоритм трудовой адаптации нового сотрудника в организации и инструментарий социологического исследования для оценки успешности ее прохождения.

Ключевые слова: трудовая адаптация, профессионально-трудовая социализация, социализация личности, кадровое ядро организации.

Maltseva I.V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.
Moscow Automobile and Road State Technical University.

Maltsev D.S.

Postgraduate Student. Moscow Automobile and Road State Technical University.

The influence of adaptation on the professional and labor socialization of the individual and the preservation of the personnel core of the organization

Abstract. The article examines some aspects of the influence of the adaptation process on the professional and labor socialization of the individual and the successful formation of the personnel potential of social organizations. The authors of the work propose an algorithm for the labor adaptation of a new employee in the organization and a sociological research tool for assessing the success of its passage.

Key words: labor adaptation, professional and labor socialization, socialization of personality, personnel core of the organization.

* © Маруфенко Е.В., Данилова А.В., 2025.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки

Современная российская экономика, оказавшись в условиях текущей социально-экономической и политической обстановки, требует более внимательного отношения к квалификации сотрудников социальных организаций, в том числе с целью обеспечения эффективного развития социальной сферы в рамках направлений государственной политики.

Успешная профессионально-трудова социализация персонала в любом коллективе как профессиональное развитие личности, характеризующееся формированием и развитием его профессиональных качеств, – гарантия высокого уровня выполнения поставленных перед организацией задач. Особенно актуальным это становится при введении новых методов работы или технологий.

Более того, ключевую роль в успехе любой социальной организации также играет стабильное кадровое ядро, а его поддержание, на наш взгляд, становится возможным благодаря эффективной адаптации сотрудников, т.к. именно начальный этап работы открывает перед ними возможности стать ценными ресурсами организации, одновременно способствуя улучшению ее конкурентных преимуществ.

Глобальные цели профессионально-трудова адаптации – снижение издержек организации за счет ускорения процесса вхождения нового сотрудника в должность; сокращение количества людей, которые не проходят испытательный срок; сокращение числа сотрудников, уволившихся из организации после первого года трудовой деятельности; снижение уровня текучести кадров в целом. Занимаясь адаптацией, организация решает стратегически важные задачи, поддерживающие развитие и стабилизацию кадрового потенциала.

Трудовую профессиональную адаптацию, в свою очередь, можно рассматривать и как составную часть, и как механизм трудовой социализации, которая является элементом общей социализации личности.

Под профессионально-трудова адаптацией мы понимаем многоэтапный процесс успешной интеграции нового сотрудника в структуру организации, его приспособление к специфике выполнения профессиональных задач и условиям в трудовом коллективе, который, в том числе, включает процесс «дообучения», подразумевающий освоение им необходимых знаний и умений в выбранной сфере деятельности. Основываясь на потребностях организации, адаптация предполагает не только изучение особенностей выполняемой работы, но и понимание всех тонкостей производственного процесса. Развитие профессиональных компетенций, знаний и навыков сотрудников напрямую связано с целями отдельных подразделений и обусловлено стратегическими ориентирами организации.

Кроме того, в процессе профессионально-трудова адаптации, в социально-психологическом аспекте, человек начинает активно взаимодействовать с организационной культурой и становится частью уже устоявшихся коммуникативных сетей внутри социальной организации. Психологическая адаптация отвечает за привыкание организма к измененным условиям трудовой деятельности и времени отдыха. Это может включать работу по сменному графику, наличие рабочего дня без четко установленных границ, участие в длительных командировках или занятие в рамках проектной деятельности. Именно такая адаптация требуется для эффективного выполнения профессиональных обязанностей в условиях, от-

личающихся от стандартных.

Подходы к этому процессу включают различные механизмы, такие, как обучение, информационная поддержка, корректировка поведения и установок, идентификация и другие. С целью упрощения процесса интеграции сотрудников в новую профессиональную среду необходима программа, которая нацелена на развитие системы трудовой адаптации сотрудников, позволяет обеспечить успешность социализации и повысить результативность работы с кадровыми ресурсами. Для вхождения в должность этот комплекс мер проектируется с учетом специфических особенностей рабочего процесса.

«Классическая» программа профессионально-трудовой адаптации сотрудников содержит ключевые этапы, которые включают в себя начальное введение в должность, анализ начального уровня квалификации, последующее обучение и, наконец, самостоятельную работу в занимаемой должности. Разработка индивидуального плана работы позволяет сотруднику продемонстрировать свой личностный и профессиональный потенциал, сформировать лояльное отношение к организации, руководству, трудовому коллективу и т.д.

В каждой организации, безусловно, существуют уникальные процедуры и правила, определяющие особенности трудовой адаптации. Авторами настоящей статьи сделана попытка представить универсальный алгоритм ее прохождения (см. рис. 1).

Как правило, завершается процесс адаптации практическим освоением трудовых функций, принятием профессионально-производственной среды и ассимиляцией – вливанием в организационную культуру и последующей идентификацией, когда сотрудник полностью сопоставляет личные цели с

целями коллектива. Значимыми здесь являются такие вопросы, как определение стратегических целей и приоритетов организации. Не последнее место принадлежит профессиональному самосознанию, к примеру, осознанию сотрудником принадлежности к профессиональной группе, соответствия своих компетенций профессии и т.п.

Следует отметить, что итоги адаптации сотрудников в трудовом коллективе могут сильно различаться. Чаще всего результат адаптации является промежуточным: сотрудник лишь в некоторой степени адаптируется в трудовом коллективе, однако его работа может не соответствовать первоначальным ожиданиям, возникают трудности в социальных и деловых коммуникациях. Со своей стороны сотрудник привносит в этот процесс свои ожидания от предстоящей работы, которые в некоторых аспектах могут не найти подтверждения и привести к разочарованию в ней.

Вместе с тем по-прежнему есть организации, которые пренебрегают разработкой и внедрением базовых программ трудовой адаптации, что отрицательно сказывается не только на молодых специалистах, но и, как следствие, отложенное во времени, – на других категориях сотрудников. Почувствовать себя комфортно на новом месте могут мешать и объективные причины: нехватка знаний о производственных процессах, источников для быстрого их изучения; равнодушное отношение коллектива, «холодное» управление руководства; недостаток практики, отсутствие доступа к быстрому ее получению; дезориентация на территории, растерянность при поиске нужного подразделения или сотрудника и т.п. А ведь организации должны обеспечивать адаптацию сотрудников не только на уровне

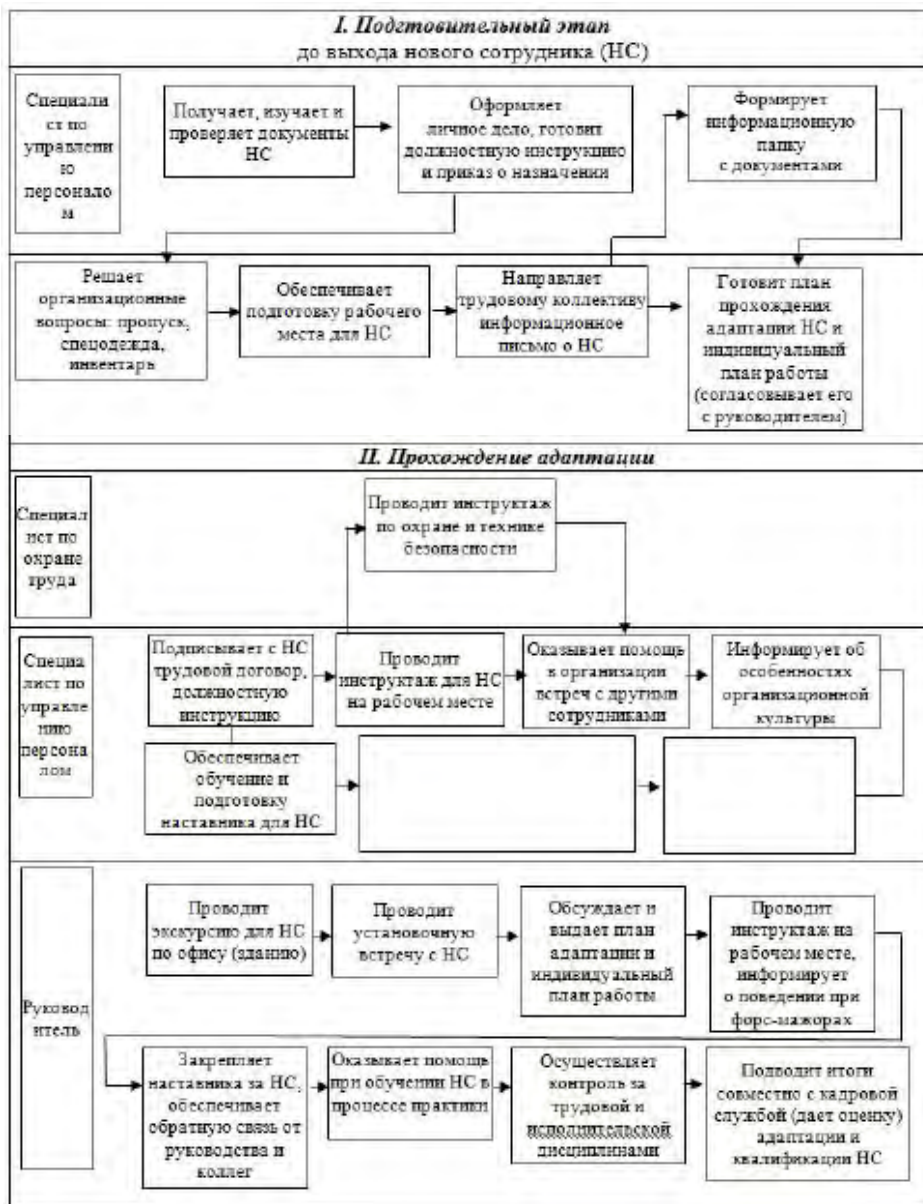

Рисунок 1. Организация адаптации сотрудника.

знаний и навыков, но и на уровне социальной интеграции, что в конечном итоге должно содействовать повышению производительности персонала и совершенствованию организационной

культуры в целом.

Говоря о проблемах трудовой социализации, констатируем, что сегодня организации в большем числе все же придают значение облегчению

адаптации сотрудников в начале их трудовой деятельности, анализируют квалификацию и потенциал новых сотрудников. Систематическая оценка помогает определить, насколько хорошо сотрудник справляется со своими обязанностями и на каком уровне взаимодействует с руководством, коллегами, внешней средой. Это позволяет своевременно корректировать процесс адаптации и повышать его общую продуктивность.

Бесспорно, изучение профессионально-трудовой адаптации, в рамках которой формируются первичные социальные взаимодействия между сотрудником и организацией, имеет определенный потенциал для проведения социологических исследований. Социологический анализ механизмов трудовой социализации сотрудников и рассмотрение инструментов, используемых в этом направлении, позволяет глубже понять, как социальные организации могут качественно интегрировать новых сотрудников в свою рабочую среду.

Эффективность трудовой социализации на ранних этапах определяется как объективными показателями, например, уровнем производительности и снижением конфликтности, так и субъективными, такими, как самооценка и интеграция в организационную культуру. Особого внимания в ходе анализа и определения критериев оценивания в ряде социальных организаций заслуживает национальный «оттенок» трудовой социализации. Постоянный мониторинг и обратная связь во время адаптации помогают корректировать индивидуальные программы ее прохождения для достижения наибольшей результативности этого процесса. Для анализа прохождения сотрудником адаптационного перио-

да в трудовом коллективе может быть использован авторский инструментарий социологического исследования, который, определенно, представляет научно-практическую ценность также и при установлении критериев оценки успешности трудовой социализации личности (см. табл. 1).

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что эффективная организованная система трудовой адаптации всесторонне способствует профессионально-трудовой социализации личности, а также несомненно ускоряет процесс достижения сотрудниками показателей, которые соответствуют стандартам социальной организации, создавая в ней прочную дееспособную организационно-штатную основу.

Список литературы

1. Аверин А.Н. Управление персоналом, кадровая и социальная политика в организации / А.Н. Аверин. – 3-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2018. 224 с.
2. Валерат К. Критерии адаптации персонала // URL: <http://www.hr-portal.ru/node/282> (Дата обращения: 10.10.2024)
3. Иванов С.Ю. Социальное управление человеческими ресурсами: учеб. пособие / С.Ю. Иванов. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2020. 152 с.
4. Котлова А.С. Адаптация персонала на предприятии в современных условиях / А.С. Котлова, О.А. Попова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 6. С. 12-19.
5. Социализация взрослых: учебное пособие / под ред. С.Г. Вершловского. – СПб.: СпецЛит, 2002. 272 с.

References

1. Averin A.N. Personnel management, personnel and social policy in the organization / A.N. Averin. - 3rd ed. - M.: Flinta: MPSI, 2018. 224 p.
2. Valerat K. Personnel adaptation criteria // URL: <http://www.hr-portal.ru/node/282> (10.10.2024)
3. Ivanov S.Yu. Social management of human resources: textbook / S.Yu. Ivanov. – M.: Moscow State Pedagogical University, 2020. 152 p.
4. Kotlova A.S. Personnel adaptation at the enterprise in modern conditions / A.S. Kotlova, O.A. Popova // Economics and management of innovative technologies. 2014. № 6. P. 12-19.
5. Socialization of adults: a textbook / edited by S.G. Vershlovsky. – St. Petersburg: SpetsLit, 2002. 272 p.

Таблица 1. Бланк анкеты.

ОБЗОР ПРОХОЖДЕНИЯ АДАПТАЦИОННОГО ПЕРИОДА						
Ф.И.О.						
Компания						
Должность, Отдел						
Непосредственный руководитель						
Дата выхода на работу						
Дата заполнения бланка						
ОЦЕНКА ПРОХОЖДЕНИЯ АДАПТАЦИОННОГО ПЕРИОДА						
Оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале степень выраженности следующих критериев, где: 5 баллов – представленное ниже качество (характеристика) сильно выражены, 1 балл – не выражены совсем						
У меня нет понимания специфики деятельности Компании	1	2	3	4	5	Существует ясное и четкое понимание целей и задач Компании
У меня сформировалось крайне слабое представление о своей рабочей роли и должностных обязанностях в Компании	1	2	3	4	5	Полностью понимаю свою рабочую роль в Компании и отлично знаю все требования, предъявляемые к моей работе
Общий уровень моей профессиональной подготовки низкий, недостаточен для выполнения должностных обязанностей	1	2	3	4	5	Моих знаний и профессиональных навыков достаточно для работы в Компании в занимаемой должности
Мне не понятны цели, которые ставит руководитель, и какой результат от меня ожидают	1	2	3	4	5	Ясно, четко понимаю цели и задачи, которые передо мной ставят, ориентирован (-а) на достижение положительного результата
Помощь Руководителя при вхождении в должность крайне незначительна, мне приходилось самостоятельно проходить должностную адаптацию	1	2	3	4	5	Руководитель оказывал мне всестороннюю профессиональную помощь и поддержку, мои результаты улучшились благодаря ему
Взаимопонимание с Руководителем достигается с трудом, рабочие отношения не складываются	1	2	3	4	5	С Руководителем сложились хорошие рабочие отношения и полное взаимопонимание
Личность Руководителя сильно повлияла на отрицательное отношение к работе в Компании, меня не уважали	1	2	3	4	5	Руководитель был уважителен, корректен, расположил к себе, вдохновлял, был всегда на виду, доступен
Существуют серьезные трудности, связанные с установлением нормальных рабочих отношений с коллегами/ командная работа не сложилась	1	2	3	4	5	В коллективе сложились хорошие рабочие отношения, можно сказать, дружеские, отличная работа в команде
Корпоративная культура Компании в целом осталась чуждой	1	2	3	4	5	Полностью принимаю корпоративную культуру Компании
ОБЗОР ПРОХОЖДЕНИЯ АДАПТАЦИОННОГО ПЕРИОДА						
Не имею достаточно полномочий для самостоятельного принятия решения, внедрения инициатив, необходимых для хорошего выполнения моей работы	1	2	3	4	5	Полномочий для хорошего ведения дел вполне достаточно. Мною выполняются не только поставленные Руководителем задачи, ведется инициативная, творческая работа. Принимаю ответственность за внедрение инициатив

Возможность профессионального роста крайне маловероятна / отсутствует (данный критерий оценивает Ваш Руководитель)	1	2	3	4	5	Имеются большие возможности для профессионального роста (данный критерий оценивает Ваш Руководитель)
Технологии и ресурсы компании не позволяют работать эффективно	1	2	3	4	5	Технологии и ресурсы, которыми располагаем Компания, позволяют мне достигать наилучших результатов
Рабочие процессы и политики, с которыми я сталкиваюсь в повседневной работе, не помогают мне работать максимально эффективно	1	2	3	4	5	Рабочие процессы и политики, с которыми я сталкиваюсь в повседневной работе, помогают мне работать максимально эффективно
Я часто опаздываю, неаккуратен (неаккуратна) в выполнении работы	1	2	3	4	5	Всегда пунктуален (пунктуальна), аккуратен (аккуратна) в работе, тщательно слежу за своим рабочим местом
В адаптационном периоде были сильная загруженность (временами перегрузка, «рваный ритм») и интенсивность работы, я сильно устал (-а)	1	2	3	4	5	Интенсивность работы была низкой, слабая загруженность в целом, я не устал (-а)
Рабочая атмосфера в коллективе провоцирует частое возникновение конфликтов. В процессе работы по моей вине возникали конфликтные ситуации. Не стрессоустойчив(-а)	1	2	3	4	5	Рабочая обстановка стабильная, достаточно спокойная. У меня низкий уровень конфликтности, умею обходить «острые углы». Обладаю высоким уровнем стрессоустойчивости
Условия труда, созданные для меня, не позволили в полной мере проявить себя	1	2	3	4	5	Условия труда абсолютно адекватны выполняемой мной работе
В процессе прохождения адаптации я не смог (не смогла) найти «отправные точки» для дальнейшего профессионального роста	1	2	3	4	5	Карьерные возможности, перспективы обучения и развития, предлагаемые Компанией, заинтересовали
Внешний имидж Компании не соответствует впечатлениям от работы в ней	1	2	3	4	5	Представления о деятельности Компании оправданы моей работой
На момент окончания адаптационного периода сформировалось негативное отношение к моей работе в целом	1	2	3	4	5	Я полностью удовлетворен (-а) в целом своей работой на сегодняшний день
КОММЕНТАРИЙ:						
Заполняется руководителем и сотрудником						
<u>Для Руководителя:</u> Напишите, пожалуйста, Ваши замечания, рекомендации, выводы относительно прохождения сотрудником адаптационного периода						
<u>Для Сотрудника:</u> Напишите, пожалуйста, Ваши пожелания, замечания, комментарии в отношении позиций, возможно не вошедших в Бланк обзора прохождения адаптационного периода						
Подпись _____ ()						

Кудашкин А.И.

Аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Превентивная технология противодействия организационным конфликтам*

Аннотация. В данной статье раскрыта превентивная (упреждающая) технология противодействия организационным конфликтам. Данная технология предусматривает направленное воздействие на параметры организационного конфликта: напряженность, динамичность, вектор взаимодействия, интенциональность, равновесность/неравновесность, симметричность/асимметричность, функциональный вектор, зона возможного обострения, объективно-субъективный характер, рационально-эмоциональный характер.

Ключевые слова: превентивная технология, противодействие, организационный конфликт, динамичность, вектор конфликтного взаимодействия, направленность (интенциональность), симметричность/асимметричность, объективно-субъективный характер, системность, определенность, полисубъектность, компетентность.

Kudashkin A.I.

Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Preventive technology of counteraction to organizational conflicts

Abstract. This article describes a preventive (preemptive) technology for counteracting organizational conflicts. This technology provides for a targeted impact on the parameters of an organizational conflict: tension, dynamism, interaction vector, intentionality, equilibrium/non-equilibrium, symmetry/asymmetry, functional vector, area of possible escalation, objective-subjective character, rational-emotional character.

Key words: preventive technology, counteraction, organizational conflict, dynamism, vector of conflict interaction, direction (intentionality), symmetry/asymmetry, objective-subjective nature, systematicity, certainty, poly-subject-ness, competence.

Чтобы предупредить конфликт, важно знать и учитывать параметры противоречия, выступающего его источником. Применение превентивной технологии – это, прежде всего, «работа с противоречием», направленное воздействие на его параметры. Предлагается выделить и рассмотреть десять таких параметров: напряженность, ди-

намичность, вектор взаимодействия, интенциональность, равновесность/неравновесность, симметричность/асимметричность, функциональный вектор, зона возможного обострения, объективно-субъективный характер, рационально-эмоциональный характер.

1. *Напряженность* выражает интенсивность, энергетику противоречивого

* © Кудашкин А.И., 2025.

Превентивная технология противодействия организационным конфликтам

взаимодействия социальных субъектов. С учетом усиливающейся борьбы между этими субъектами выделяют: разногласие – отсутствие согласия в позициях, интересах, оценках; соперничество – стремление конфликтующих сторон одержать победу; конфликт – столкновение противоположных интересов и целей, стремление противоборствующих сторон к обоюдному устранению. Имеются и другие классификации этапов, уровней развертывания противоречий. Так, французский исследователь Ж. Фовэ выделяет такие уровни, как «отношения сотрудничества - отношения примирения - отношения противодействия - отношения противоречия - непримиримые отношения»¹. А американский политолог М. Амстутц включает в пространство конфликта следующие элементы: напряженность - несогласие - соперничество - спор - враждебность - агрессивность - война - насилие. Применяются и другие варианты, самым простым из которых является такой: друг - союзник - партнер - сотрудник - соперник – противник².

2. *Динамичность* выражает: во-первых, явные и неявные изменения в противоречии; во-вторых, направленность этих изменений, скажем, на расширение зоны противоречия или, напротив, на ее сужение; в-третьих, тенденцию доминирования его конструктивных или, наоборот, деструктивных элементов.

3. *Вектор взаимодействия*. В зависимости от направленности взаимодействия противоборствующих сторон возможны такие его варианты:

– приближение-приближение – противодействие двух или более субъектов, их стремление одержать победу, взять

верх над противоположной стороной;
– приближение-избегание – одна из противоборствующих сторон наступает, другая активно обороняется или стремится избежать обострения противоречия;

– избегание-избегание – обе стороны стремятся избежать обострения противоречия, минимизировать спорные вопросы.

Знание вектора противодействия сторон важно для выбора адекватной тактики поведения.

4. *Интенциональность*. Данный параметр выражает направленность «воспроизводства» социального противоречия. Возможны четыре варианта: распространение (расширение пространства противоречивого взаимодействия сторон), ограничение (сужение пространства противоречивого взаимодействия сторон), эскалация (постепенное усиление противоборства сторон), «затухание» (ослабление противоборства сторон). Знание и учет этих вариантов изменения значимых противоречий, как и в предыдущем случае, важно для выбора релевантной тактики поведения руководителя.

5. *Равновесность/неравновесность*. Любое противоречие предполагает определенное равновесие противоборствующих сторон. Без такого равновесия (ресурсов, статусов, ценностных установок, целей и т.д.) сторон противоречие между ними просто невозможно. Руководителю опять же важно знать этот параметр, чтобы принять правильное решение и избежать возможных ошибок при выборе и осуществлении тактических действий.

6. *Симметричность/асимметричность*. От этого параметра в значительной мере зависят состояние и динамика противоречия. Речь идет в данном случае, во-первых, о симметричности

1 Fave Zh. La Guerrede Centans. Fayard, Paris, 1980.

2 Amstutts M. International Ethics: Concepts, Theories, and Cases in Global Politics, 2018.

целей противоборствующих сторон, во-вторых, о симметричности их действий, в-третьих, о симметричности возможных последствий этих действий.

7. *Функциональный вектор.* В противоречии, вызывающем конфликт, как и самом конфликте, могут преобладать или конструктивные, или деструктивные элементы. Противоречие может быть и импульсом развития, прогресса, а может оказаться его тормозом, когда люди ввязываются в это противоречие и не находят из него выхода. Данное обстоятельство обуславливает различия в превентивных действиях руководителя: или однозначно поддерживать противоречие, или пытаться найти из него выход.

8. *Зона возможного обострения.* Чтобы предупредить возможный конфликт в организации, важно знать зоны его вероятного возникновения, точнее сказать, зоны возможного обострения противоречий. Так, по мнению М.Е. Есиповой³, имеются четыре зоны противоречий, вызывающие с большой вероятностью ролевые конфликты в организации: 1) расхождения в ожиданиях от сотрудников «сверху» и «снизу»; 2) расхождения между сложившимися условиями и ролевыми требованиями; 3) расхождения между самими ролевыми требованиями; 4) расхождения между внутренними устремлениями, ценностями личности и ролевыми требованиями.

9. *Объективно-субъективный характер.* Противоречие, как и вызываемый им конфликт, имеет объективно-субъективный характер. Выделяются три возможные варианта соотношения объективного и субъек-

тивного в противоречии: а) субъективное отражение противоречия совпадает с его объективным содержанием, б) субъективное отражение противоречия лишь частично совпадает с его объективным содержанием, в) субъективное отражение противоречия расходится с его объективным содержанием. Имеет смысл рассматривать соотношение объективного и субъективного также в контексте последствий – позитивных или негативных – противоборства сторон. Они могут приводить, с одной стороны, к дезорганизации производства, нарушениям дисциплины и т.д. или, напротив, к инновационному прорыву организации, с другой стороны, к соответствующим – позитивным или негативным переживаниям.

10. *Рационально-эмоциональный характер.* В «работе с противоречиями» внимание акцентируется, как правило, на их рациональной стороне. Вместе с тем, противоречие не может быть окончательно разрешенным при недооценке, тем более, игнорировании эмоционального компонента. Специалисты уже давно обратили внимание на *видимость* разрешенного противоречия в атмосфере так называемой «наибольшей деловитости». Фактически же стороны остаются неудовлетворенными: если, с точки зрения «рационального» совместное решение находится, то на уровне эмоций неудовлетворенность остается. Неприятный эмоциональный осадок, при этом, может привести к провоцированию и усилению «реваншистских настроений». Не исключена возможность и такой комбинации рационального и эмоционального, когда на первый план выдвигается рациональный компонент для того, чтобы в действительности удовлетворить эмоциональные амбиции.

Таким образом, превентивное

³ Есипова М.Е. Особенности субъективных причин, затрудняющих конструктивное разрешение конфликта, у сотрудников с различным восприятием организационной культуры // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 4.

управление организационными конфликтами предусматривает «работу с противоречиями», а именно, направленное воздействие на следующие их параметры: напряженность, динамичность, вектор взаимодействия, интенциональность, равновесность/неравновесность, симметричность/асимметричность, функциональный вектор, зона возможного обострения, объективно-субъективный характер, рационально-эмоциональный характер.

Успешность упреждающего управления конфликтами возможна при соблюдении определенных принципов – основных и исходных требований, в которых, с одной стороны, обобщен и лаконично выражен позитивный опыт управления конфликтами, с другой стороны, даны ориентиры для адекватного воспроизводства и развития этого опыта. Нами выделены принципы системности, определенности, полисубъектности и компетентности.

Принцип системности ориентирует на то, что профилактика конфликтов в организации связана со всеми функциями управления, при этом наблюдается зависимость следующего характера: насколько эффективно осуществляется управление в целом, настолько эффективно проводится профилактика конфликтов. Профилактика конфликтов является неотделимой частью эффективного управления, поэтому ее нельзя рассматривать в изоляции от него. Невозможно сформировать «инструкцию» по профилактике конфликтов на все случаи практики организационного управления, обозначив в каждой отдельной ситуации использование определенного метода. В большинстве случаев профилактика конфликтов, как и само управление конфликтами, располагается как бы на грани искусства, которое, в свою очередь, основано на

знании менеджмента, теоретических и практических основ конфликтологии. Таким образом, смысл принципа системности превентивного управления организационными конфликтами заключается в обеспечении связи с общими функциями и этапами управления организацией.

Принцип определенности ориентирует на снижение неопределенности в деятельности организации, что является важным условием предупреждения конфликтов. Для подготовки и своевременного реагирования на изменения во внешней среде организации необходим эффективный механизм по оценке прогнозируемых и возникших изменений. Согласие должно основываться на объективных нормах. Если же объективная норма, правило отсутствуют, то члены группы должны ориентироваться на общепринятое в обществе мнение, способное заменить нормативный эталон поведения. Соответственно, условия поведения должны быть максимально объективированными. Для иллюстрации приведем так называемый «закон горячей печи», в соответствии с которым действует механизм взысканий. Эту аналогию можно объяснить так:

- горячая печь излучает жар, предупреждая всех, что прикоснувшись к ней, можно получить ожог;
- горячая печь при прикосновении к ней сразу же обжигает;
- горячая печь обжигает каждого, независимо от его отношения, позиции, протекции и т.п.;
- горячая печь всегда обжигает, даже при малейшем прикосновении, не существует такого состояния, чтобы «ожог был в отпуске»;
- на кого следует обижаться обжегшемуся человеку? Только лишь на одного себя.

Если механизм взысканий будет осуществляться объективно и последовательно, не допуская влияния личных связей, четко демонстрируя причинную взаимосвязь проступков и взысканий, то он не будет вызывать ненависть к себе.

Принцип полисубъектности ориентирует на то, что деятельность по предупреждению конфликтных ситуаций является миссией руководителей организаций, менеджеров, конфликтологов. Важную роль приобретает в этой связи деятельность служб управления персоналом, которые несут ответственность за процесс формирования систем, организационных структур управления, а также разработку мотивационной политики, комплекса методов организации труда.

Принцип конфликтной компетентности нацелен на формирование и повышение конфликтной компетентности – способности и готовности субъекта преодолевать возникающие трудности оптимальным способом, противостоять деструктивному влиянию конфликтных ситуаций и уметь конструктивно их разрешать⁴. Изучение особенностей конфликтной компетентности в рамках организации становится сегодня особенно востребованным⁵. Эти особенности выражаются в:

- понимании характера противоречий и конфликтных отношений между людьми;
- формировании конструктивно-го отношения к оценке и разрешению конфликтов в организации;
- владении навыками бескон-

фликтного общения в критических ситуациях;

- владении умением конструктивной критики;
- умении адекватно анализировать и оценивать проблемные ситуации, возникающие в организации;
- умении развивать конструктивные тенденции в возникающих конфликтах;
- умении предвидеть вероятные исходы и последствия конфликтов;
- умении конструктивного регулирования противоречий и конфликтов;
- владении навыками устранения отрицательных последствий конфликтов⁶.

Завершая характеристику превентивной технологии управления организационными конфликтами, отметим важность диагностики предконфликтных ситуаций и идентификации, по возможности, конфликтных личностей. В этой связи обратимся к одной из диагностических методик, которая разработана Л.В. Купфер. Это методика определения личности собеседника, что позволяет руководителю ориентироваться в ситуации и предупредить возможный конфликт.⁷ В ней перечислены черты характера и особенности поведения, свойственные конфликтным личностям, а также приведены речевые конструкции, которыми они обычно пользуются (мы для краткости эти конструкции):

- неоправданно завышенная оценка собственных способностей, хвастовство;
- стремление всячески доминиро-

⁴ Цыганкова Е.Н., Мохаммад Заман Амин Структура конфликтной компетентности // Образование и общество. 2017. № 5-6 (106-107). С. 114-118.

⁵ Копылова А.В. Конфликтная компетентность // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2017. № 1-2. С. 87-90.

⁶ Цыганкова Е.Н., Мохаммад Заман Амин Структура конфликтной компетентности // Образование и общество. 2017. № 5-6 (106-107). С. 114-118

⁷ Купфер Л.В. Речевые способы прогнозирования и предупреждения конфликтов в организации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).

вать в деловой коммуникации; неприемлемая для профессиональной беседы настойчивость, граничащая с навязчивостью;

– консерватизм, зашоренность, ограниченность взглядов и убеждений, создающие коммуникативные барьеры при общении; неприятие, отрицание новаторской деятельности, новых методов и идей, подрывающих устоявшиеся каноны;

– выходящая за рамки делового общения прямолинейность суждений;

– эмоциональные качества личности, характеризующиеся конфликтностью для деловой коммуникации (раздражительность, тревожность, неуступчивость, агрессивность, упрямство, мнительность и др.) и проявляющиеся в замечаниях, содержащих бездоказательную критику, высказываемых фамильярно и навязчиво, с употреблением обобщений.

Применение превентивной технологии заключается, прежде всего, в «работе с противоречием», предусматривающей направленное воздействие на параметры этого противоречия. Выделены и рассмотрены следующие параметры: напряженность, динамичность, вектор взаимодействия, интенциональность, равновесность/неравновесность, симметричность/асимметричность, функциональный вектор, зона возможного обострения, объективно-субъективный характер, рационально-эмоциональный характер. Успешность превентивного управления конфликтами возможна при соблюдении принципов системности, определенности, полисубъектности, компетентности.

Список литературы

1. Amstutts M. International Ethics: Concepts, Theories, and Cases in Global Politics, 2018.

2. Fave Zh. La Guerre de Cent ans. Fayard, Paris, 1980.
3. Воронов А.А., Муратова А.Р. Оценка эффективности реализации стратегии управления организационными конфликтами // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 14 (341). С. 2-9.
4. Есипова М.Е. Особенности субъективных причин, затрудняющих конструктивное разрешение конфликта, у сотрудников с различным восприятием организационной культуры // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 4.
5. Копылова А.В. Конфликтная компетентность // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2017. № 1-2. С. 87-90.
6. Купфер Л.В. Речевые способности прогнозирования и предупреждения конфликтов в организации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
7. Мохаммад З.А. Причины организационных конфликтов // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2019. № 8 (20). С. 14-17.
8. Цыганкова Е.Н., МохаммадЗаман Амин Структура конфликтной компетентности // Образование и общество. 2017. № 5-6 (106-107). С. 114-118.

References

1. Amstutts M. International Ethics: Concepts, Theories, and Cases in Global Politics, 2018.
2. FaveZh. La Guerre de Cent ans. Fayard, Paris, 1980.
3. Voronov A.A., Muratova A.R. Evaluation of the effectiveness of the implementation of the organizational conflict management strategy // Regional Economy: Theory and Practice. 2014. № 14 (341). P. 2-9.
4. Esipova M.E. Features of subjective reasons that impede constructive conflict resolution among employees with different perceptions of organizational culture // Russian Psychological Journal. 2011. Vol. 8. № 4.
5. Kopylova A.V. Conflict competence // Intellectual resources - for regional development. 2017. № 1-2. P. 87-90.
6. Kupfer L.V. Speech methods of predicting and preventing conflicts in an organization // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. № 37 (328).
7. Mohammad Z.A. Causes of organizational conflicts // Science and education: problems, ideas, innovations. 2019. № 8 (20). P. 14-17.
8. Tsygankova E.N., MohammadZaman Amin The structure of conflict competence // Education and society. 2017. № 5-6 (106-107). P. 114-118.

Буковцова Т.Н.

Аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Технологии трансформации организационного конфликта*

Аннотация. В процессе социального управления все более важное значение приобретает превентивное (упреждающее) регулирование организационных конфликтов. В данной статье выделено и описано 12 методов трансформации организационных конфликтов, используемых в той или иной мере в управленческой практике.

Ключевые слова: организационный конфликт, трансформация, технология, превентивное регулирование, фрагментация, локализация, объективизация, рационализация, актуализация.

Bukovtsova T.N.

Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Technologies for transforming organizational conflict

Abstract. In the process of social management, preventive (preemptive) regulation of organizational conflicts is becoming increasingly important. This article identifies and describes 12 methods of transforming organizational conflicts used to varying degrees in management practice.

Key words: organizational conflict, transformation, technology, preventive regulation, fragmentation, localization, objectification, rationalization, actualization.

Смысл технологии трансформации организационного конфликта – его качественное изменение в желательном для социального субъекта направлении. При этом, конфликт, как таковой, не исчезает, а меняет предметную, функциональную направленность, становится более рациональным¹. Учитывая

1 *Алейников А.В., Стребков А.И.* Конфликт как проблема: теория, технологии управления и перспективы образования // Социологические исследования. 2016. № 2 (382). С. 158-159; *Антонова А.В., Самохвалова С.М.* Технологии управления конфликтами в условиях организационных изменений // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2014. № 5. С. 337-340; *Гостев А.Н., Демченко Т.С.* Организационный конфликт: социологический аспект. – М.: 2013. 179 с; *Гридчин*

содержательное разнообразие процесса трансформации организационного конфликта, считаем возможным выделение и рассмотрение методов трансформации: аксиологическая трансформация, конструктивизация, системная

А.А. Социально-технологическая культура регулирования социальных конфликтов // Общество: экономика, политика, право. 2009. № 6. С. 17-22; *Данакин Н.С., Конев И.В.* Конвенционально-договорная культура деловых отношений. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2014. 164 с; *Козырев Г.И.* Модели управления конфликтами в организации // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1-2 (97-98). С. 118-129; *Назарова О.Л., Лешер О.В.* Готовность сотрудника организации к управлению конфликтом: структурно-содержательный аспект // Известия Российской академии образования. 2018. № 1 (45). С. 84-90.

* © Буковцова Т.Н., 2025.

Технологии трансформации организационного конфликта

трансформация, предметная трансформация, функциональная трансформация, пространственная трансформация, технологическая трансформация, актуализация, рационализация, объективизация, локализация, фрагментация.

Смысл метода аксиологической трансформации заключается в изменении ценностной установки на организационные конфликты, а именно, в признании их положительной, конструктивной роли в жизнедеятельности человека, его поведении и взаимоотношениях. Как справедливо утверждал Д. Перри – видный специалист по разрешению конфликтов – «наша культура учит нас, что конфликт – это нехорошо. Поэтому мы попытаемся избежать его, или сделать вид, что его не существует, определяя мир как «отсутствии конфликта». Это неправильно. Конфликт – это нормально. Фактически, только конфликт и существует»². Это утверждение отнюдь не означает, что все организационные конфликты – неизменно позитивные и конструктивные. В действительности имеются и те, и другие. Метод аксиологической трансформации ориентирован на то, чтобы: во-первых, признать наличие позитивных конфликтов, наряду, конечно же, с негативными; во-вторых, идентифицировать позитивные конфликты; в-третьих, создать условия для развития позитивных конфликтов и, наоборот, ограничения и деэскалации негативных.

Метод конструктивизации. В жизни не бывает бесконфликтных организаций. Важно, чтобы конфликт не был разрушительным. Если люди избегают конфронтации, то организация не здорова. Поэтому задача руководителя – спроектировать конструктивный,

решаемый конфликт, отсюда конфликты – это социальная технология управления современной организацией. Для организации считается здоровым наличие конфликта, и чтобы извлечь выгоду из конфликта, нужна открытая, невраждебная, полная поддержки окружающая среда. Если такие ингредиенты существуют; то организация от конфликтов становится лучше, поскольку разнообразие точек зрения дает дополнительную информацию, помогает выявить больше альтернатив или проблем.

Метод системной трансформации предусматривает радикальную трансформацию организационного конфликта, его постепенное и поступательное перерастание в соперничество (конкуренцию) и далее – в сотрудничество. Такая трансформация возможна, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, конфликт является одним из видов социального взаимодействия, наряду с соперничеством и сотрудничеством, и в социальной практике конфликтные начала, доминирующие в том или ином акте социального взаимодействия, так или иначе сосуществуют с началами соперничества и сотрудничества, хотя и не доминирующими. Таким образом, в любом акте конфликтного взаимодействия имеется какой-то потенциал для его возможной трансформации в альтернативные виды взаимодействия. Во-вторых, практика социального взаимодействия характеризуется реальной или потенциальной амбивалентностью отношений, и чем больше «плюсов» в этих отношениях, тем больше может оказаться в них «минусов». Проявляется аксиологическая симметричность отношений.

Обратимся, для иллюстрации, к конфликт-методу, разработанному

² Перри Д. Конфликт – средство изменения // Социальный конфликт. 1998. № 4. С. 82-91.

Л.Н. Цой³. По замыслу автора, конфликт-метод – это путь познания и способ построения рациональной деятельности, а также освоения конфликтной действительности с целью выявления противоречий и минимизации деструктивных элементов в конфликте, перевода конфликта в социально-позитивное русло.

Этот метод позволяет:

- выявить основные противоречия между конфликтующими сторонами;
- провести диагностику ситуации на микроуровне;
- в соответствии с полученным материалом отделить «пустую» породу от ценной;
- дать необходимые средства работы с этим материалом участникам конфликта;
- минимизировать разрушительные последствия и т.п.

Практикуется несколько приемов внедрения элементов сотрудничества, по меньшей мере, соперничества (сопоставительности) в конфликтную среду. Во-первых, *группа вовлекается в новую для нее деятельность*, в которой акцентируются мотив следования дисциплинарным нормам, либо желание сотрудников к повышению престижа. Во-вторых, если мы рассчитываем иметь дело с сотрудниками, имеющими собственную позицию, которые не являются молчаливыми и бездумными исполнителями, действующими против собственной воли, но выполняющими все им предписанное, то конфликты неизбежны, но плодотворны. Речь идет о действительном сотрудничестве, при котором *работник и управляющий соотносят свои представления*, которые имеют равный вес и принимаются в расчет при принятии решений. Возни-

кающие дискуссии должны приводить к выработке совместных предложений, которые полезны всем сторонам.

Метод предметной трансформации предусматривает изменение предмета конфликтного взаимодействия, т.е. того, из-за чего возникает и развивается конфликт. Имеется, по-видимому, несколько приемов предметной трансформации организационного конфликта:

- смещение предмета конфликтного взаимодействия на другой, менее спорный;
- смещение предмета конфликтного взаимодействия из настоящего в будущее (эффект отложенного взаимодействия);
- уменьшение ценностной значимости спорного предмета для конфликтующих сторон (ценностная девальвация);
- добавление нового предмета (повода) в структуру конфликтного взаимодействия и, как следствие, снятие напряженности, связанной с начальным предметом.

Метод функциональной трансформации. Возможные формы и масштабы функциональной трансформации организационного конфликта различны. В научной литературе речь идет, чаще всего, о трансформации деструктивного конфликта в конструктивный. Это возможно, как уже отмечалось, посредством совмещения в практике социального взаимодействия конфликтных элементов с элементами соперничества и сотрудничества. Такое совмещение позволяет, по меньшей мере, минимизировать крайности конфликтных отношений, снять эмоциональную остроту, придать им рациональный характер. Важно обеспечить своего рода «тройственный союз» конфликта, соперничества и сотрудничества, а также

³ Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. М. 2001. С. 233.

условия для его смещения в желательном направлении. Возможны различные – более частные – трансформации, относящиеся к отдельным функциям, к примеру, к усилению мобилизационной функции конфликта или более широкому использованию его диагностической функции. Как отмечают специалисты, конфликт выступает не только в качестве одной из проблем, но и в качестве средства диагностики. Через его искусственную (или, возможно, естественную) эскалацию, через его моделирование происходит диагностика ряда организационных проблем⁴.

Специфика *метода пространственной трансформации* заключается в том, что конфликт переносится из внутренней среды организации (производственной группы) в ее внешнюю среду. При этом достигается «двойной» эффект: во-первых, эффект ослабления напряженности во взаимоотношениях сотрудников организации, во-вторых, эффект внутренней мобилизации сотрудников организации вследствие их противостояния внешнему «врагу». При такой трансформации конфликта следует учитывать возможные риски, связанные с тем, что внешний конфликт может оказаться более разрушительным для организации, нежели внутренний.

Применение *метода технологической трансформации* ориентировано на то, чтобы придать конфликту управляемую форму. Это довольно сложная задача, решение которой возможно посредством множества взаимосвязанных технологических действий. Одним из них является, в частности, игровое моделирование. Игровая форма позволяет моделировать конфликтную ситуацию в ходе игры, доводить ее до логического

завершения и прогнозировать возможные результаты и последствия того или иного исхода. Она наглядно показывает весь ущерб от эскалации, который понесут стороны, если ситуация зайдет в тупик, решение не будет найдено, а конфликт перерастет в хронический. Кроме того, в ходе игры стороны могут научиться действовать в экстремальных условиях, оценивать возможные альтернативы и быстро делать необходимый выбор. Смягчая в игре конфликтное противостояние, метод сохраняет тем не менее положительные стороны острого конфликта, интегрирующее воздействие на группу.

Метод актуализации. Как и в предыдущем случае, актуализация конфликта может осуществляться посредством нескольких действий, к числу которых можно отнести, в частности, конфронтацию⁵. Цель конфронтации – выявление самого противоречия, лежащего в основе конфликта, его осознание конфликтующими сторонами. Применение конфронтации полезно в тех случаях, когда в организации уже состоялось диагностирование некоторого латентного противоречия, порождающего конфликты. Однако конфликтующие стороны, не осознавая реальных причин, связывают возникновение конфликтной ситуации с каким-то другим фактором, чаще всего более поверхностным, но зато легко обнаруживаемым и более понятным. Такой взгляд сдерживает проведение действительно эффективных изменений, так как все усилия оказываются потраченными впустую. В этой связи, конфронтация призвана раскрыть реальную ситуацию и актуализировать

4 Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. – М.: 2001. С. 233.

5 Решетникова К.В. Методологические основы квалификации технологий управления организационными конфликтами // Социологические исследования. 2008. № 10 (294). С. 52-61.

объективные факторы зарождения и развития конфликта.

Метод рационализации. Управление конфликтом – это перевод его в рациональное русло деятельности людей, осмысленное воздействие на конфликтное поведение социальных субъектов с целью достижения желаемых результатов; это ограничение противоборства рамками конструктивного влияния на социальный процесс. Важность и актуальность трансформации организационного конфликта в направлении его рационализации связана, в ряде случаев, с нарушением баланса рационального и эмоционального компонентов во взаимоотношениях конфликтующих сторон. Эмоциональный компонент может привести к «эрозии» рациональной зоны конфликта, препятствовать его разрешению. Судя по данным прикладных социально-психологических исследований, это происходит из-за чрезмерной эмоциональности конфликтантов, их вспыльчивости, сильных переживаний, возбужденности, гнева, раздражительности, повышения голоса, перехода на крик, ощущения сильного внутреннего дискомфорта, сопровождающихся головных болей⁶. В результате конфликтных ситуаций агрессия участников зачастую перемещается с причины конфликта на личности. При этом изначальная причина конфликта забывается, поэтому участники действуют по принципу личной неприязни. Динамику эмоциональных конфликтов трудно предугадать, и в большинстве случаев они являются неуправляемыми. Поэтому, такой конфликт разрешается в связи с появлением новых лиц в данной ситуации.

6 Чижова К.И. Психологическая сущность эмоциональной сферы личности // Вестник экономической интеграции. 2014. № 1 (70). С. 166-170.

Метод объективизации. Как уже отмечалось ранее, в конфликтном поведении могут доминировать как объективные начала, связанные с объективной конфликтной ситуацией, так и субъективные интерпретации данной ситуации, которые не всегда оказываются правильными и адекватными. Смысл метода объективизации заключается: во-первых, в идентификации объективного и субъективного компонентов конфликтного взаимодействия; во-вторых, в обеспечении «прозрачности» и осознания конфликтующими объективного компонента; в-третьих, в адекватной оценке значимости объективного компонента в превентивном управлении организационными конфликтами; в-четвертых, в применении объективированных методов превентивного управления, таких как методы объективированных предложений, последнего шанса и др., рассмотренные в предыдущем изложении.

Метод локализации, в противоположность методам глобализации или эскалации организационного конфликта, связан с ограничением противодействия конфликтующих сторон посредством: а) уменьшения количества участников конфликтного взаимодействия (как прямых, так и косвенных); б) ограничения ролевого «репертуара» участников; в) ограничения предметной зоны конфликта; г) рационализации конфликта и сведения к минимуму эмоционального и личностного компонентов.

Метод фрагментации близок по смыслу к предыдущему, он ориентирован на ограничение, деэскалацию конфликтного взаимодействия, минимизацию его негативных последствий посредством фрагментации конфликта, т.е. его разделения на «составные части». Такому разделению подлежат,

прежде всего, цели и задачи, которые ставят перед собой конфликтующие стороны. Будучи трудно достигаемыми и решаемыми, когда они позиционированы в масштабном и синкретичном виде, становятся более или менее решаемыми в декомпозиционном, фрагментированном виде. Если не удастся добиться согласия конфликтующих сторон по целому ряду вопросов одновременно, то следует начать, по меньшей мере, с совместного решения хотя бы одного вопроса.

Таким образом, смысл технологии трансформации в превентивном управлении организационными конфликтами – качественное изменение конфликта в желательном для социального субъекта направлении. Для успешного решения этой задачи обоснован и предложен комплекс методов, включающий методы аксиологической трансформации, конструктивизации, системной трансформации, предметной трансформации, функциональной трансформации, пространственной трансформации, технологической трансформации, актуализации, рационализации, объективизации, локализации, фрагментации.

Список литературы

1. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликт как проблема: теория, технологии управления и перспективы образования // Социологические исследования. 2016. № 2 (382). С. 158-159.
2. Антонова А.В., Самохвалова С.М. Технологии управления конфликтами в условиях организационных изменений // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2014. № 5. С. 337-340.
3. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Организационный конфликт: социологический аспект. – М.: 2013. 179 с.
4. Гридчин А.А. Социально-технологическая культура регулирования социальных конфликтов // Общество: экономика, политика, право. 2009. № 6. С. 17-22.
5. Данакин Н.С., Конев И.В. Конвенционально-договорная культура деловых отношений. – Белгород: ИП Остащенко А.А., 2014. 164 с.
6. Козырев Г.И. Модели управления конфликтами в организации // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1-2 (97-98). С. 118-129.

7. Назарова О.Л., Лешер О.В. Готовность сотрудника организации к управлению конфликтом: структурно-содержательный аспект // Известия Российской академии образования. 2018. № 1 (45). С. 84-90.
8. Перри Д. Конфликт – средство изменения // Социальный конфликт. 1998. № 4. С. 82-91.
9. Решетникова К.В. Методологические основы квалификации технологий управления организационными конфликтами // Социологические исследования. 2008. № 10 (294). С. 52-61.
10. Пой Л.Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. – М.: 2001. С. 233.
11. Чижова К.И. Психологическая сущность эмоциональной сферы личности // Вестник экономической интеграции. 2014. № 1 (70). С. 166-170.

References

1. Aleinikov A.V., Strebkov A.I. Conflict as a problem: theory, management technologies and education prospects // Sociological research. 2016. № 2 (382). P. 158-159.
2. Antonova A.V., Samokhvalova S.M. Conflict management technologies in the context of organizational changes // Human resource management is the basis for the development of an innovative economy. 2014. № 5. P. 337-340.
3. Gostev A.N., Demchenko T.S. Organizational conflict: sociological aspect. – Moscow, 2013. 179 p.
4. Gridchin A.A. Social and technological culture of regulating social conflicts // Society: economics, politics, law. 2009. № 6. P. 17-22.
5. Danakin N.S., Konev I.V. Conventional-contractual culture of business relations. – Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2014. 164 p.
6. Kozыrev G.I. Models of conflict management in the organization // Personality. Culture. Society. 2018. Vol. 20. № 1-2 (97-98). P. 118-129.
7. Nazarova O.L., Leshер O.V. Employee readiness for conflict management: structural and substantive aspect // Bulletin of the Russian Academy of Education. 2018. № 1 (45). P. 84-90.
8. Perry D. Conflict as a means of change // Social conflict. 1998. № 4. P. 82-91. 9. Reshetnikova K.V. Methodological foundations of qualification of technologies of management of organizational conflicts // Sociological researches. 2008. № 10 (294). P. 52-61.
10. Tsoi L.N. Practical conflictology. Book 1. – Moscow 2001. P. 233.
11. Chizhova K.I. Psychological essence of the emotional sphere of the personality // Bulletin of economic integration. 2014. № 1 (70). P. 166-170.

Иванов М.С.

*Соискатель Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.*

О миграционной политике западных стран*

Аннотация. В данной статье рассматривается опыт миграционной политики западных стран. Целью исследования является анализ и сравнение процессов миграционной политики в различных странах, проведение параллелей в области нормативно-правовой базы, государственного инструментария и механизмов регулирования миграционной политики, для разработки предложений по совершенствованию государственной миграционной политики России. На основе сравнительного метода проведен краткий анализ нормативно-правовых основ миграционной политики стран ЕС, США, Канады и Австралии выявлены особенности, положительные стороны и недостатки миграционной политики стран, сформулированы предложения по совершенствованию миграционной политики РФ.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная политика, миграционная политика Европейского Союза, миграционная политика западных стран.

Ivanov M.S.

*Candidate of the Institute of Demographic Research
of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.*

On the migration policy of Western countries

Abstract. This article examines the experience of migration policy in Western countries. The purpose of the study is to analyze and compare migration policy processes in different countries, draw parallels in the area of the regulatory framework, state instruments and mechanisms for regulating migration policy, to develop proposals for improving the state migration policy of Russia. Based on the comparative method, a brief analysis of the regulatory framework for migration policy in the EU, the USA, Canada and Australia was conducted, features, positive aspects and shortcomings of migration policy in these countries were identified, and proposals for improving the migration policy of the Russian Federation were formulated.

Key words: migration, migration processes, migration policy, migration policy of the European Union, migration policy of Western countries.

Миграция представляет собой процесс переселения граждан через границы государств, с целью трудовой деятельности или проживания. Для упорядочивания миграционных потоков, государственный аппарат наделен

набором государственных инструментов, для регулирования процессов в экономике, демографии и политике, связанных с освоением вновь освобожденных территорий, недопущением социальной напряженности, установ-

* © Иванов М.С., 2025.

О миграционной политике западных стран

лением межнационального мира и межрелигиозной терпимости. «Непродуктивная миграционная политика ведет к увеличению доли незаконной миграции, росту преступности, наркомании, коррупции, созданию напряженной обстановки в обществе» [1].

Проблема формирования и реализации миграционной политики в современном научном мире и политических кругах страны достаточно широко обсуждается, корректируется нормативно-правовая база. Существует необходимость в научном исследовании упорядочивания процессов миграции, с целью обеспечения притока экономически необходимой дешевой рабочей силы и демографических поступлений.

Цель работы состоит в глубоком анализе преобразований и видоизменений государственной политики в области миграции в классических странах миграции (Австралия, Канада, США), а также в странах «старого света», для приобретения опыта, так необходимого в данный момент для научных изысканий и более глубокого понимания создавшейся ситуации в российском социуме. Для достижения цели поставлены задачи:

- анализ законотворческих актов западных стран современной политики в области миграции;

- проведение параллелей, выявление достоинств и недостатков политики в области миграции в странах Запада;

- сформулировать принципы улучшения и совершенствования политики в области миграции в России.

«Миграционная политика государства – это организованный набор мероприятий экономического, социального правового характера, для регулирования переселенческих процессов в стра-

не».[2] С точки зрения международного характера важно упомянуть Декларации ООН, Международной Организацией Труда, ЮНЕСКО, Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев – УВКБ, Международной организацией по миграции – МОМ.

Франция

Основу нормативно-правовой базы Франции составляет Закон Ш. Паскуа – направленные на ограничение въезда иностранных граждан, а после 1998 года Закон Ж.П. Шевенмана – открывшего Францию для иностранцев, Закон по защите беженцев и лиц без гражданства, в котором указаны особенности въезда-выезда, правила нахождения иностранных граждан на территории Французской республики. Среди государственных органов важную роль играют Министерство по социальным делам, Министерство по международной миграции, Служба по развитию культурных отношений, Управление по вопросам народонаселения и др. Приобрести французское гражданство имеет право любой гражданин, не призывающий нарушать конституцию Франции, которому близки культурные ценности Франции. В основе законодательства о приобретении французского гражданства лежит «принцип почвы», согласно которому, любой гражданин, родившийся на территории Французской Республики, автоматически получает гражданство Франции. Позднее в данную процедуру были введены ряд требований: шестнадцатилетний возраст, хорошее знание французского языка, законопослушность. Основные цели миграционной политики Франции: регулирование миграционных потоков, борьба с нелегалами, адаптация иностранных граждан в общество Франции.

Германия

Среди европейских стран, самые большие массы мигрантов оседают именно в Германии. С 70-х годов XX века правительство ФРГ привлекало в основном граждан Турции, для занятия трудовой деятельностью (гастарбайтеры) [3]. Трудовой договор заключался с единственным нанимателем, по одному адресу. Нормативно-правовую основу миграционной политики в Федеративной Республике Германии составляет Конституция, Закон о въезде и пребывании иностранцев на территории ФРГ, Закон об иммиграции в Германии и др. Федеральная служба миграции и проблем беженцев координирует деятельность государственных органов в миграционной проблематике, ведет работу по отбору иностранных работников, контролирует регистрирует иностранцев в базе. Также создан Миграционный экспертный совет. Законодательство предполагает получение немецкого гражданства и облегчает адаптацию иностранных граждан. В основе лежит принцип «права крови», согласно которому ребенок – родившийся на территории Германии, не становится автоматически гражданином ФРГ, а только при наличии родителей – граждан Германии (немецкая модель). Ребенок получает немецкое гражданство, если хотя-бы один родитель легально прожил в Германии более восьми лет. С 2000 года введена программа «Зеленая карта», разрешающая привлечение специалистов в области информационных технологий. Согласно Закону об иммиграции введен режим «разрешение на поселение». Основными целями миграционной политики Германии является «привлечение граждан с способностями, предпринимателей и бизнесменов, возвращение немцев на родину, воссоединение семей, адаптация ино-

странных граждан в общество ФРГ» [4].

Великобритания

Миграционные потоки в Великобританию начали прибывать в основном из Индии, Пакистана, Бангладеш, с началом распада британской колониальной империи. В Великобритании было введено понятие «многокультурный уклад», предполагающий признание за общинами мигрантов право сохранять свои обычаи, национальный язык, распространение своего культурного наследия. Нормативно-правовую базу составляют: Акт об иммиграции убежище. Координирует работу с мигрантами МВД, которая направлена на расселение, интеграцию, изучение английского языка и т.д. На Отдел иммиграции и гражданства возложены функции контроля за пересечением границы, прием беженцев, приобретение подданства Великобритании. Заслуживает внимания программа «границы в безопасности, разнообразие культурных укладов, интеграция в современной Британии». Миграционные программы данного рода направлены на привлечение молодежи и студентов, воссоединение семей, прием беженцев, борьба с нелегальной миграцией. Современная миграционная политика Великобритании, основанная на Новом Плане иммиграции и Законе о нелегальной миграции, направлена на сокращение числа мигрантов, ужесточение наказания для иностранцев-нелегалов, нарушающих миграционное законодательство, введение предварительного электронного разрешения на въезд для иностранцев, повышение заработных плат для высококлассных специалистов, а также закрытие границ для нелегалов.

Нормативно-правовую базу миграционной политики в Европейском Союзе составляют: 1951 год – подписание Женевской конвенции о бежен-

цах, 1995 год – заключение Шенгенского договора, предполагает единые миграционные правила пересечения границ государств – участников Европейского Союза. Договор заключенный в Маастрихте предполагает введение единых требований по отношению к въезду иностранцев, между странами Европейского сообщества поделены квоты на ввоз и расселение мигрантов. Данная политика привела к миграционному кризису 2015 года. В связи с чем была усилена организация Фронтекс – Агентство Европейского Союза по безопасности внешних границ, отслеживания миграционных потоков, борьба с преступлениями миграционного характера. В «ЕС наблюдается продолжение миграционного кризиса» [5], в мае 2024 года заключен очередной Пакт о миграции и предоставлении убежища, предполагающий перераспределение миграционных потоков сред европейских стран.

Таким образом в большинстве стран Европы образовались общественные структуры, которые плотно заселяют определенные районы, не изучают язык страны нахождения, не признают быт, нрав, культуру государств, в которых они находятся. Специальная военная операция на Украине, а также война на Ближнем Востоке в дальнейшем приведут к очередному миграционному кризису в Европе. Однако также следует отметить, что миграционная политика европейских стран направлена на привлечение высококвалифицированных специалистов, упрощение процедуры получения разрешений на работу, «привлечение талантов» [6], привлечение основателей стартапов и т.д.

Австралия

Законодательную базу миграционной политики в Австралии составляют: Закон о гражданстве Австралии

1948 года с последующими поправками, Закон о миграции 1958 года, Закон об иностранцах 1984 года, Закон о визовом регулировании 1997 года. Цель миграционной политики Австралийского Союза состоит в создании благоприятных условий для привлечения высококлассных специалистов, ужесточение борьбы с нелегальной миграцией, развитие принципов мультикультурализма. Миграционные потоки управляются централизованно под началом Департамента миграции и международных отношений. Среди основных задач Департамента важно отметить: предоставление права на въезд, проживание и размещение в стране, разрешение на трудовую деятельность, контроль миграции, адаптация иностранных граждан, приобретение гражданства, развитие межнациональных отношений и правил мультикультурного общества. Австралийская миграционная политика направлена на создание благоприятных условий для привлечения лучших специалистов, банкиров и инвесторов.

Основные направления деятельности Департамента миграции состоят в привлечении для постоянного проживания высококвалифицированных профессионалов, воссоединение семей, прием беженцев. Основными положительными направлениями стоит признать: обеспечение приезда в Австралию профессионалов своего дела, защита интересов местных работников и национальных работодателей. В первую очередь рассматриваются «мигранты-специалисты с высоким уровнем образования, опыта и специальности, необходимых для развития экономики Австралии, которые могут набрать большее количество баллов» [7].

В Австралийском обществе также наблюдается наличие межконфессио-

нального конфликта, который выявил противоречия религиозного характера, выразившегося в организации террористических актов. В связи с потоками нелегальных мигрантов была проведена государственная программа «Тихоокеанское решение», в результате которой задержанные нелегальные мигранты были направлены в специальные лагеря, находящиеся в Папуа Новая Гвинея. Таким образом в миграционной политике Австралии можно наблюдать ряд тенденций предполагающих, с одной стороны жесткий контроль над нелегальной миграцией, а с другой – организованный набор высококвалифицированных трудовых ресурсов, необходимых для развития экономики.

Канада

Законодательной базой миграционной политики Канады принято считать издание в 1966 году «Белых страниц по иммиграции». Согласно данному акту - Экономический и демографический рост страны провозглашен главной целью миграционной политики Канады. Введение полного запрета на въезд неквалифицированных трудовых резервов, создание благоприятных условий для профессионалов в какой-либо отрасли экономики, введена балльная система. Любой иностранный гражданин, желающий попасть в Канаду, должен набрать определенное количество баллов. Оценивается наличие высокого уровня образования, высокой квалификации, знание английского или французского языка и др.

В 1976 году издан Закон об иммиграции, в котором были определены важнейшие направления миграционной политики Канады: либерализм, экономический, демографический и социо-культурный рост, ответственное решение проблем беженцев, недопущение

дискриминации по отношению к мигрантам, усовершенствования уровня сотрудничества государственных органов в работе по приему мигрантов и т. д. Принимаемые потоки мигрантов разделены на категории: воссоединение семей (приезд родственников); беженцы; мигранты желающие набрать определенное количество баллов. В миграционной политике Канады введен принцип плановости, который предполагает ежегодное формирование плана по приему иностранных граждан необходимого уровня образования, квалификации, специализации.

На современном этапе перед миграционной политикой Канады поставлены следующие цели: утверждение механизма привлечения иностранных граждан, обладателей специальностей высокой квалификации, быстрое воссоединение семей, полный запрет на въезд граждан, совершивших преступления, предоставление убежища. Австралийское общество заинтересовано в трудовых мигрантах, которые незамедлительно вступят в трудовой процесс, не будут терять время на изучение языка, получение образования и приобретение специальности. Для России очень интересен и важен опыт Канады. Цель миграционной политики Канады, к 2025 году, привлечь ежегодно более пятисот тысяч иностранцев, специалистов, научных работников, инженеров и технологов, притяжение талантливых людей, мастеров цифровых технологий, обладателей высокотехнологичных профессий.

США

США является на одном уровне с Канадой и Австралией, классической страной мигрантов. Нормативно-правовую базу составляют Иммиграционные Акты 1952, 1965, 1976, 1980 годов. Законы Уолтера-Маккарена, Харта-Селлера

определили категории иностранных граждан – привлекаемых в страну: воссоединение семей, беженцы, мигранты в поиске работы, введена система квот. После 1990 года было упорядочено количество выдаваемых виз, усовершенствованы требования к приглашаемым гражданам с высшим образованием, имеющим специальность, начала иммиграционная лотерея, введены ограничения на приток временных работников.

После террористического акта 2001 года был принят «Патриотический Акт», повлиявший также на изменение миграционной политики в США. На приток мигрантов из стран – рассадников терроризма были введены запреты и ограничения. Основная цель миграционной политики США в это период – ужесточение контроля над миграцией. Основные направления миграционной политики: контроль границы, контроль выдаваемых виз, информационный контроль, ужесточение контроля над трудовыми мигрантами, предупреждение и пресечение уголовных преступлений, выдворение нарушителей миграционного законодательства и др.

Министерство труда работу с трудовыми мигрантами: проводит трудовую аттестацию, предоставляет информацию по регионам о недостатке специалистов по отраслям, устанавливает уровень бедности, при котором мигранты не нужны обществу. Также Департамент труда определяет уровень безработицы, уровень потребности в инвестициях, наличие рабочих мест, востребованность в мигрантах.

Работодатель, желающий пригласить иностранного работника, подает заявку в Бюро гражданства и миграции по каждому претенденту. В заявке содержатся сведения о работодателе, числе наемных работников, общий доход, адрес фирмы, период трудовой де-

ятельности мигранта, заработная плата, количество рабочих часов. Для того, чтобы нанять неквалифицированных рабочих, работодатель должен также объяснить причины, почему он не может нанять местных работников, и характер работ.

Анализ научной литературы показывает, что в США на первый план выдвинуты: контроль миграционных потоков, борьба с нелегальной миграцией, преобладание в данной деятельности правоохранительной направленности. Также в России, ужесточение миграционных правил, экономические проблемы, понижение курса рубля, и др. являются мерами, которые отрицательно повлияют на приток населения в страну. Девизом миграционной политики России должен быть лозунг «регулировать, но не запрещать, пресекать, принимать и ассимилировать». Оценивать мигрантов на предмет: уровня знания русского языка, наличие высшего образования, наличие необходимых специальностей, в данной работе требуется более личностный подход. Если иностранный специалист востребован, необходимо создавать самые благоприятные условия для того, чтобы он остался в стране.

Вывод

Миграционное направление в зарубежных странах занимает центральное место в государственной политике, с целью устранения дефицита трудовых ресурсов, усиления борьбы за таланты, ограничение притока неквалифицированных мигрантов. Во всех западных странах прослеживается либерализация въезда легальных мигрантов, ужесточение борьбы с нелегальной миграцией (депортации) и одновременно имеются программы по привлечению квалифицированных специалистов,

студентов и молодежи. В странах Запа- да в миграционной политике применя- ется избирательный подход в отноше- нии иностранцев, практически во всех странах созданы регистры иностран- ных граждан, ведется отслеживание де- нежных переводов,

В новой Концепции государствен- ной миграционной политики России необходимо прописать основные цели:

- Демографический и экономиче- ский рост государства;

- Привлечение специалистов высо- кого уровня, которые сразу же вклю- чаются в экономический процесс;

- Создание самых благоприятных условий для того, чтобы данный специ- алист остался в России;

- Для того чтобы избежать социаль- ной напряженности, на государствен- ном уровне, в СМИ объявлять и разъ- яснять каждый необходимость притока иностранной рабочей силы;

- Выявить количественную и каче- ственную потребность регионов в ино- странных работниках;

- В миграционной политике Рос- сийской Федерации необходимо пере- йти от хаотичного ввоза к организо- ванному набору иностранных граждан для работы и постоянного проживания в России.

Список литературы

1. Дмириев А.В. Конфликтогенность миграции: теоре- тические и практические проблемы // Социологи- ческая наука и социальная практика. 2015. № 1 (9). С. 27.
2. Колев Г.В. Миграционная политика Европейских Стран. – К.: Генеза, 2006. С. 89.
3. Аватков В.А., Якимова Д.А. Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса // Современная Европа, 2020. № 3.
4. Биссон Л.С. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС, версия 2.0? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 3. С. 33.
5. Robinson K. Histories of Spousal Migration In marriage Migration Intercultural Families and Global Intimacies / Singapore: Polgave Macmillan. 2024. P. 27.
6. Хареева О.А. Обзор последних изменений миграцион- ного законодательства в ряде зарубежных стран //

Демоскоп Weekly 2024. № 1021-1022. С. 642-655.

7. Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокуль- турной интеграции иммигрантов // Демографиче- ское обозрение. 2018. Т.5. № 4. С. 125.

References

1. Dmiriev A.V. Conflictogenicity of Migration: Theoretical and Practical Problems // Sociological Science and Social Practice. 2015. № 1 (9). P. 27.
2. Kolev G.V. Migration Policy of European Countries. – K.: Genesa, 2006. P. 89.
3. Avakov V.A., Yakimova D.A. Relations between Germany and Turkey against the Background of the Migration Crisis // Modern Europe, 2020. № 3.
4. Bisson L.S. Potemkina O.Yu. Migration Crisis in the EU, Version 2.0? // Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 3. P. 33.
5. Robinson K. Histories of Spousal Migration In marriage Migration Intercultural Families and Global Intimacies / Singapore: Polgave Macmillan. 2024. P. 27.
6. Khareeva O.A. Review of the latest changes in migration legislation in a number of foreign countries // Demoscope Weekly 2024. № 1021-1022. P. 642-655.
7. Tsapenko I.P. Search for new approaches to the socio-cultural integration of immigrants // Demographic Review. 2018. Vol. 5. № 4. P. 125.

Казиков В.А.

Студент 4 курса. ФГАОУ ВО
«Дальневосточный федеральный университет», Владивосток. SPIN-код 1631-5630

Мыльникова Е.М.

Кандидат экономических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Пермский
национальный исследовательский политехнический университет», Пермь. SPIN-код 6624-3790

Кудина М.В.

Кандидат технических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Пермский
национальный исследовательский политехнический университет», Пермь. SPIN-код 2782-9949

Шардакова И.С.

Начальник управления. Территориальное управление
Министерства труда и социального развития Пермского края по г. Перми. SPIN-код 2784-6613

**Факторы трудовой мотивации
в ракурсе социологической диагностики***

Аннотация. Трудовая мотивация является значимой категорией мотивации в сравнении с другими типами, которая направлена на инициирование социальных контактов и проявление творческих подходов при реализации трудовой деятельности. Общую направленность в сфере трудовой мотивации моделируют в комплексе нужды и потребности сотрудников организаций, компаний и/или предприятий, удовлетворяемые ими при осуществлении трудовых процессов. Авторы настоящей статьи исследовали факторы трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики в таких аспектах как: экономический, социальный, личностный и организационный. Имея представление о доминирующих критериях трудовой мотивации, можно увидеть не только в целом сущность «мотивационного поля» сотрудников компании, но и выявить индивидуальные мотивы конкретного работника организации к трудовой деятельности. Определение факторов трудовой мотивации сегодня особо актуально для руководящего состава предприятий, который занимается разработкой мотивационных моделей персонала.

Ключевые слова: трудовая мотивация, факторы трудовой мотивации, критерии трудовой мотивации, индикаторы трудовой мотивации, классификация трудовой мотивации, трудовая деятельность, трудовые процессы, трудовое поведение.

Kazakov V.A.

4th year student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Far Eastern Federal University», Vladivostok. SPIN-code 1631-5630

Mylnikova E.M.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Perm National Research Polytechnic University», Perm. SPIN-code 6624-3790

* © Казаков В.А., Мыльникова Е.М., Кудина М.В., Шардакова И.С., 2025.
Факторы трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики

Kudina M.V.

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Perm National Research Polytechnic University», Perm. SPIN-code 2782-9949*

Shardakova I.S.

*Head of Department. Territorial Administration of the Ministry of Labor
and Social Development of the Perm Territory for the city of Perm, Perm. SPIN-code 2784-6613*

Factors of labor motivation in the terms of sociological diagnostics

Abstract. Labor motivation is a significant category of motivation in comparison with other types, which is aimed at initiating social contacts and demonstrating creative approaches in the implementation of labor activities. The general direction in the field of labor motivation is modeled in a complex of needs and requirements of employees of organizations, companies and/or enterprises, satisfied by them in the implementation of labor processes. The authors of this article studied the factors of labor motivation from the perspective of sociological diagnostics in such aspects as: economic, social, personal and organizational. Having an idea of the dominant criteria of labor motivation, you can see not only the essence of the “motivational field” of the company’s employees in general, but also identify the individual motives of a specific employee of the organization for labor activity. Determining the factors of labor motivation today is especially relevant for the management of enterprises, which is engaged in the development of motivational models of the personnel.

Key words: work motivation, work motivation factors, work motivation criteria, work motivation indicators, work motivation classification, work activity, work processes, work behavior.

Введение

Мотивация трудовой деятельности является важнейшим направлением изучения во многих науках, таких как: менеджмент, управление человеческими ресурсами, психология, педагогика и т.д. В социологии трудовая мотивация рассматривает мотивы поведения классических представителей социальных групп в типичных ситуациях. При этом в основе социологического анализа, как правило, лежат статистически важные признаки, которые получены путем исследования условий и механизмов координирования поведения представителей различных групп, систематизированных по профессиональному, демографическому и социальному критериям [1].

Однако, несмотря на большое количество проведенных работ, освещающих вопросы трудовой мотивации, данная тематика остается весьма актуальной, поскольку во внешнем окружении постоянно происходят изменения, что подталкивает ученых и экспертов «вновь и вновь» проводить мониторинг трудовой мотивации с учетом появления принципиально новых обстоятельств [2].

Всестороннее изучение сущности трудовой мотивации и параметров, которые ее характеризуют, продемонстрировано в публикациях как отечественных авторов (Герчиков В.И., Струмилин С.Г., Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Выготский Л.С. и т.д.), так и в работах зарубежных представителей

(Мертон Р., Вебер М., Мейо Э., Парсонс Т., Файоль А. и т.д.) [3].

Фокусировка на процесс анализа факторов трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики является целью настоящей статьи.

Достижение установленной цели связано с решением следующих задач:

– Уточнение понятия «фактор» с позиции социологии;

– Представление классификации факторов трудовой мотивации;

– Раскрытие сущности каждой категории факторов мотивации, имеющей отношение к реализации трудовых процессов;

– Выявление «уязвимых моментов», возникающих в процессе систематизации факторов мотивирования к трудовой деятельности.

Осуществление дифференциации индикаторов трудовой мотивации с позиции социологии труда представляет собой научную новизну статьи.

Настоящее авторское исследование выявленных факторов трудовой мотивации адаптировано к использованию, как с теоретической стороны, так и с позиции практического применения. *Теоретическая значимость статьи* определена конкретизацией критериев мотивации, формирующих трудовое поведение сотрудников организаций, компаний и/или предприятий. *Практическая значимость статьи* ориентирована на использование выявленных индикаторов мотивации руководителями организаций, компаний и/или предприятий различных уровней управления, при разработке ими концепции «трудового мотивирования» персонала.

Теоретические (типологизация, классификация, обобщение, аналогия) и *эмпирические* (изучение опыта, анализ, анкетирование, интервьюирова-

ние) *методы исследования* позволили подготовить к публикации настоящую статью.

Факторы трудовой мотивации

Трудовая мотивация обусловлена воздействием на сотрудников организации в процессе осуществления ими трудовой деятельности, различных групп факторов. Степень влияния факторов может иметь как субъективный, так и объективный характер. А сила воздействия факторов отражается на уровне удовлетворенности со стороны работников компании трудом и связана с качеством выполнения ими трудовых обязанностей.

Под фактором, в социологии принято понимать движущую силу, направленную на социальные изменения явлений, процессов и/или общества, которые в дальнейшем формируют характер и отличительные особенности фактора [4].

Укрупнено факторы трудовой мотивации можно классифицировать следующим образом:

– Экономические факторы – это группа факторов, ориентированная на удовлетворение материальных потребностей работников организации.

– Социальные факторы – это группа факторов, направленная на удовлетворение духовных и/или социальных потребностей сотрудников компании.

– Личностные факторы – это группа факторов, направленная на удовлетворение индивидуальных (личностных) и/или эстетических потребностей сотрудников компании.

– Организационные факторы – это группа факторов, ориентированная на удовлетворение потребностей работников организации, связанных с характером и сущностью трудовой деятельности [5].

Рассмотрим более подробно каждую группу факторов, имеющих непосредственное отношение к мотивации трудовой деятельности.

Экономическая группа факторов, раскрывающих суть трудовой мотивации, представлена следующими детерминантами:

- Величина оплаты труда и размер премиального вознаграждения (бонусов), основанный на результатах труда и трудовом стаже;

- Выплаты через участие в прибыли

организации, в зависимости от таких критериев, как: занимаемая должность; стаж трудовой деятельности и трудовые показатели;

- Получение дивидендов (приобретение акций по льготной стоимости и/или безвозмездное получение акций компании) и участие в акционерном капитале;

- Дополнительные выплаты, направленные на покрытие личных затрат, которые косвенно связаны с трудовой деятельностью (оплата транспортных

Рис. 1. Перечень социальных факторов трудовой мотивации.

Источник: Составлено авторами на основании [7].

расходов; сотовой связи и т.п.);

– Предоставление полиса дополнительного медицинского страхования (как для сотрудника, так и для ближайших членов его семьи);

– Выплата компенсации понесенных работниками затрат на питание;

– Оплата расходов на обучение (повышение квалификации) работников;

– Льготное кредитование (ипотека; неотложные нужды, связанные с приобретением товаров и услуг);

– Прочие выплаты, льготы и компенсации, имеющие непосредственное отношение к результатам трудовой деятельности [6].

Социальная группа факторов, раскрывающих суть трудовой мотивации, представлена детерминантами, наглядно продемонстрированными на рисунке 1.

Личностная группа факторов, раскрывающих суть трудовой мотивации, представлена следующими детерминантами:

– Физические свойства индивида к труду в различных сферах обусловлены не только ростом, весом и типом телосложения человека, но и характеризуются такими критериями как: манера его поведения; особенность «походки»; черты лица; специфичность речи, составляющая основу вербальной коммуникации и т.д.

– Физиологические особенности личности при осуществлении трудовой деятельности определяются, прежде всего, типом темперамента, как параметром, раскрывающим истинное отношение человека к себе, к коллегам и выполняемой работе.

– Целевая ориентированность индивида при выполнении трудовых процессов в организации трактуется как «движущая сила», связанная с достижением заранее установленных резуль-

татов, которые могут быть получены в ходе «претворения в жизнь» обозначенных задач.

– Ценностная направленность личности при осуществлении трудовой деятельности определяется как элемент внутренней структуры человека, сформированный на основе полученного им жизненного опыта и закрепленный в условиях его социальной адаптации и социализации.

– Индивидуальные свойства человека к труду в различных сферах обусловлены такими характеристиками, как: порядочность; ответственность; пунктуальность; аккуратность и т.п., которые оказывают влияние на его трудовое поведение.

– Трудолюбие личности при выполнении трудовых процессов в организации трактуется как черта характера человека, продиктованная исключительно положительным отношением к трудовой деятельности.

– Комфортные и/или эстетические условия труда в различных сферах обусловлены наличием рационально организационного рабочего места (обеспечение и оснащение нужными средствами и предметами труда) [8].

Организационная группа факторов, раскрывающих суть трудовой мотивации, представлена детерминантами, наглядно продемонстрированными на рисунке 2.

Имея представление о факторах трудовой мотивации, можно увидеть не только в целом сущность «мотивационного поля» компании, но и определить индивидуальные мотивы конкретного сотрудника организации к трудовой деятельности. При реализации мотивационной программы, построенной на выявленных факторах, следует ожидать эффективные результаты, если учесть особенности функционирования пред-

приятая и экономическую составляющую, обеспечивающую «претворение в жизнь» данных факторов.

В качестве рекомендательных предложений, способствующих активизации факторов трудовой мотивации

Рис. 2. Перечень организационных факторов трудовой мотивации.
 Источник: Составлено авторами на основании [9].

можно сформулировать следующие напутствия:

– Обеспечить эффективную обратную связь работника с непосредственным руководителем. Сотрудники компании в обязательном порядке должны четко знать результаты своей работы, как с позитивной стороны, так и с негативной. Данная рекомендация необходима для определения «правильности» и недостатков выполняемых работниками организации трудовых обязанностей.

– Создать благоприятные условия для сотрудников компании, которые направлены на повышение их самооценки и самоуважения. Суть данной рекомендации заключается в том, чтобы реализовать профессиональный потенциал персонала, заинтересовать работников в процедуре принятия управленческих решений, поддержать их инициативные предложения и привлечь к наставничеству.

– Поощрять персонал компании по итогам трудовой деятельности. Данная рекомендация подразумевает справедливое материальное вознаграждение сотрудников организации за достигнутые результаты, предоставление им комфортных режимов труда и отдыха, а также содействие в осуществлении их новаторских идей и инновационных взглядов относительно перспективного развития компании.

– Способствовать продвижению работников предприятия по карьерной лестнице. Фабула данной рекомендации заключается в том, что: управленческий состав компании благоприятствует процессу обучения и повышения квалификации персонала; специалисты HR-службы разрабатывают карьерограммы для каждого сотрудника; непосредственные руководители делегируют полномочия работникам организации,

учитывая их уровень компетентности, а сотрудники без возражений обязуются выполнить все перед ними поставленные задачи [10].

Заключение

На основании выше изложенного позволительно сделать краткое обобщение, характеризуемое тем, что социологи при анализе факторов трудовой мотивации до сих пор заинтересованы в поиске ответов на следующие вопросы:

1. Что лежит в основе структуры трудовой мотивации индивида (признаки, характеризующие трудовое поведение; формирующие элементы трудовой мотивации; взаимосвязь между данными элементами; критерии, определяющие «месторасположение» элементов в структуре и т.п.)?

2. Каким образом корректно классифицировать трудовую мотивацию личности (мотивы человека, проявляющиеся на отдельных этапах его жизненного цикла; мотивы индивида, обусловленные его принадлежностью к различным социальным группам; мотивы личности, возникающие в процессе трудовых отношений и т.п.)?

3. Какие факторы трудовой мотивации наиболее эффективны и результативны при воздействии на индивида (способы удовлетворения выявленных потребностей личности; механизмы создания условий для удовлетворения обнаруженных потребностей индивида и т.п.)?

4. Как можно соотнести трудовую мотивацию и трудовое поведение личности (сопряженность действий и поступков индивида, выполняющего трудовые процессы с критериями, определяющими его побуждающие силы к реализации этой деятельности и т.п.)?

Список литературы

1. Мыльникова Е.М. Повышение профессионализма персонала через развитие механизма внутрифирменного делегирования полномочий / Е.М. Мыльникова, О.В. Якупова // *Лидерство и менеджмент*. 2015. Т. 2. № 2. С. 111-120. – DOI: 10.18334/lim.2.2.599.
2. Попов В.Л. Особенности формирования и развития команд для производственных систем различных типов / В.Л. Попов, Е.М. Мыльникова, М.В. Кудина // *Лидерство и менеджмент*. 2024. Т. 11. № 2. С. 605-618. – DOI: 10.18334/lim.11.2.120849.
3. Мыльникова Е.М. Особенности трудовой мотивации с позиции социологического анализа / Е.М. Мыльникова, М.В. Кудина, О.В. Якупова, И.С. Шардакова // *Миссия конфессий*. 2024. Т. 13. № 2 (75). С. 215-222.
4. Белов М.Т. Факторы стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации / М.Т. Белов, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 9. С. 15-18.
5. Мыльникова Е. М. Оперативное управление производством как фактор повышения конкурентоспособности промышленного предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена 23.11.2010: утв. 18.03.2011 / Мыльникова Елена Михайловна. – Пермь: ПГТУ, 2010. 166 с.
6. Мурыгина Л.С. Экономика и социология труда: учеб.-метод. пособие / Л.С. Мурыгина, А.В. Федосеев. – Челябинск: Библиотека А. Миллера. 2022. 162 с.
7. Егорова Л.Г. Социология труда и экономическая социология: учеб.-метод. пособие / Л.Г. Егорова. – Казань: Казан. ун-т. 2021. 97 с.
8. Колесникова А. Н. Роль управления мотивацией трудовой деятельности в системе управления персоналом // *Экономика и социум*. 2019. № 10 (65). С. 212-216.
9. Степанова С.М. О некоторых аспектах создания мотивационного механизма в трудовой деятельности / С.М. Степанова, Е.С. Мальцева, Т.А. Родермель // *Экономические науки*. Сургут. 2019. № 2. С. 87-97.
10. Пронин В.Ю. Теоретико-методологические основы понятия трудовой мотивации в социологии // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2021. № 4. С. 75-82.

References

1. Mylnikova E.M. Improving the professionalism of personnel through the development of a mechanism for internal delegation of authority / E.M. Mylnikova, O.V. Yakubova // *Leadership and Management*. 2015. Vol. 2. № 2. P. 111-120. – DOI: 10.18334/lim.2.2.599.
2. Popov V.L. Features of the formation and development of teams for production systems of various types / V.L. Popov, E.M. Mylnikova, M.V. Kudina // *Leadership and Management*. 2024. Vol. 11. № 2. P. 605-618. – DOI: 10.18334/lim.11.2.120849.
3. Mylnikova E.M. Features of labor motivation from the standpoint of sociological analysis / E.M. Mylnikova, M.V. Kudina, O.V. Yakubova, I.S. Shardakova // *Mission of Confessions*. 2024. Vol. 13. № 2 (75). P. 215-222.
4. Belov M.T. Factors of stimulating labor motivation in personnel management of an organization / M.T. Belov, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2019. № 9. P. 15-18.
5. Mylnikova E. M. Operational production management as a factor in increasing the competitiveness of an industrial

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Кравченко В.И.

*Доктор философских наук, профессор, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

Козлова О.Ю.

*Студент.
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

Использование маркетинговых возможностей искусственного интеллекта в гармонии с эффективностью и аутентичностью*

Аннотация. В статье рассматриваются технологии искусственного интеллекта как инструменты регулирования маркетинговой репрезентации, представленный в медиа образ искусственного интеллекта, специфика и его эволюционное развитие. Показано, как происходит внедрение нейронных систем в баланс с аутентичностью производимого контента. Проанализированы достоинства и недостатки контента, созданного искусственным интеллектом и влияние маркетинговых стратегий на репутацию бренда. Данная работа призвана исследовать вопрос доверия к искусственному интеллекту, рассмотреть выделенные на сегодня факторы, на которые можно опираться в процессе внедрения ИИ-контента в коллективное сознание. Сделан вывод, что аутентичность бренда во многом зависит от качества и количества ИИ-материалов в рекламном образе.

Ключевые слова: аутентичность, бренд, позиционирование, контент, маркетинговая стратегия, доверие, репутация.

Kravchenko V.I.

*Doctor of Philosophy, Professor, Associate Professor.
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.*

Kozlova O.Yu.

Student. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Harnessing the marketing power of artificial intelligence in harmony with efficiency and authenticity

Abstract. The article examines artificial intelligence technologies as tools for regulating marketing representation, the image of artificial intelligence presented in the media, its specificity and evolutionary development. It shows how neural systems are implemented in balance with the authenticity of the content produced. The advantages and disadvantages of content created by artificial intelligence and the impact of marketing strategies on brand reputation are analyzed. This work aims to explore the issue of trust in artificial intelligence, to consider the factors identified to date that can be relied on in the process of introducing AI content into the collective consciousness.

* © Кравченко В.И., Козлова О.Ю., 2025.

Использование маркетинговых возможностей искусственного интеллекта в гармонии с эффективностью и аутентичностью

ness. It is concluded that brand authenticity largely depends on the quality and quantity of AI materials in the advertising image.

Key words: authenticity, brand, positioning, content, marketing strategy, trust, reputation.

Введение

С настоящее время обществу сложно смириться с использованием искусственного интеллекта (ИИ) в человеческом общении. Обмен чувств и мыслей – это психологический процесс в социальном пространстве, где люди вынуждены жить на одной территории с искусственным интеллектом. Современные технологии позволяют программам выполнять профессиональные задачи в области коммерческих коммуникаций, что раскрывает проблематику формирования доверия к информационным материалам, которые создаются посредством искусственного интеллекта. При этом, аутентичность, как характеристика бренда, есть ключевой фактор влияния на формирование эмоциональной связи с клиентами [5]. Многие покупатели определяют для себя подлинность в качестве главной опоры в процессе выбора бренда при покупке. Здесь необходимо заметить, что, конечно же, на процессы освоения цифровых коммуникаций во многом влияют и принадлежность пользователя к тому или иному поколению. Не является секретом, что зумеры (в ряде источников их еще называют центениалами, иногда используют термин «цифровой человек») обладают большей психологической и технической приспособленностью к активному потреблению контента сети Интернет [2].

Содержание

Современный мир цифровых технологий «породил» новую покупа-

тельную аудиторию, новое поколение Миллениума, поколение «Z», которое предпочитает реальность и органичность репрезентации бренда. У этих людей – покупателей идеальная упаковка, «классицизм» в оформлении уникального торгового предложения вызывают подозрения у покупателей и влияют отрицательно на итоговое принятие решения о совершении покупки. В этой связи понятие аутентичности в маркетинге теперь ассоциируется с честностью, прозрачностью и комплементарностью в отношении заявленных ценностей бренда. Аутентичная концепция есть стратегия, совмещающая в себе не только продажу продукта, но и трансляцию эмоционального фокусирования компании: видение, корпоративная культура, история, мировоззренческая позиция самого продукта и компании, которая его продвигает [5]. Имидж и репутация теперь напрямую зависят от аутентичности в ценностном ориентировании компании на рыночной арене. Человечность бренда в репрезентации его аудитории – есть ключ к успеху в маркетинговых начинаниях. Современная маркетинговая служба выделяет некоторые способы формирования искреннего отклика у потребителя:

1. Репрезентация покупателя супергероем: возвышение человека над продуктом компании необходимо, чтобы торговое предложение определялось инструментом для успеха, а не самим успехом.

2. Установка позиционирования самого бренда: пропись «ДНК» мировоз-

зрения компании, философии, ориентирования на будущее.

3. Проекция бренда и его смыслов в большинстве маркетинговых стратегий.

4. Разработка руководства по стилю бренда даже на раннем этапе становления.

5. Полнота социального доказательства: значительное количество отзывов даёт возможность людям увидеть, как продукт живёт не только на экранах, но и в быту.

6. Предоставление пользы, образовательная функция торгового предложения.

7. Эксперты: демонстрации тех, кому люди доверяют в первую очередь.

8. История бренда с человеческим лицом: установление связи с потребителем на глубоком уровне.

9. Демонстрации преимуществ продукта, а не функций: резонанс в маркетинговом контенте связано с рассказом о выделяющихся характеристиках, которые делают жизнь покупателя лучше и приятнее.

10. Единство тона и последовательности сообщений в маркетинговом плане.

1. Внимание к состоянию уязвимости: быть несовершенным есть ключ к доверию потребителя.

При этом аутентичность должна проследиваться не только в маркетинге. Успешный маркетинг строится на единообразии каждого деятельного шага компании. Потребители легко распознают фальшивость и неискренность, что делает процесс создания аутентичной рекламной кампании трудоёмким процессом. В цифровой трансформации экономики важнейшим направлением является персонализация. Субъекты финансового рынка стремятся персонализировать свои продукты для

каждого клиента на основе анализа Big Data и активного использования технологий искусственного интеллекта [2].

Появление генеративного искусственного интеллекта провоцирует проблему уникальности человеческого творчества. В цифровом маркетинге используются алгоритмы машинного обучения и анализ данных для повышения эффективности. Эти технологии дают возможность обрабатывать массивы данных в короткий срок, что увеличивает производительность. В то время, когда маркетологи получают информацию о трендах и поведении потребителей в реальном времени, искусственный интеллект оказывает сильнейшее влияние на цифровой маркетинг, особенно в области создания контента. Инструменты, которые предлагает искусственный интеллект, позволяют маркетологам работать эффективнее в области написания текстов, а также создания изображений. Такой подход в работе даёт возможность точнее таргетировать аудиторию, и повышать вовлеченность.

Спектр новых форматов, открытых при использовании ИИ – контента не обозрим, так как автоматизация рутинных задач даёт больше времени специалистам для работы над стратегией и сюжетом. Количество и качество маркетинговых кампаний теперь напрямую зависит от корректности и точности использования искусственного интеллекта [6]. Однако важно уметь отличать контент, созданный искусственным интеллектом, от контента, созданного людьми. Чрезмерное использование искусственного интеллекта снижает креативность воспроизводимого материала и влияет на текстовую подачу – её принадлежность к человеческому искусству излагать мысли. Механический стиль письма или чрезмерно общие сведения выдают материал, созданный машиной.

Баланс аутентичности выстраивается на механики вовлечения ИИ-контента в пропись истории бренда.

Рассмотрим роль искусственного интеллекта в контент-маркетинге, методы выявления ИИ-контента и его влияние на отрасль.

Во-первых, искусственный интеллект помогает предсказывать потребности потребителей, предлагать персонализированные решения и принимать обоснованные решения. Внимание к этим показателям улучшает конверсию и удовлетворённость клиентов.

Во-вторых, искусственный интеллект лежит в основе чат-ботов, программного обеспечения, что помогает автоматизировать контент улучшать работу платформ предиктивной аналитики.

В - третьих, владение информацией об алгоритме поведения потребителей открывает новые направления персонализированного взаимодействия с аудиторией и оптимизации кампаний в маркетинге.

Следует также заметить, что рутинные задачи в формате планирования публикаций в медиа пространстве, создание рассылок не есть предел вовлечения искусственного интеллекта, зона его распространения также захватывает основу цифрового маркетинга – создание контента. В рамках данной парадигмы, можно назвать потенциальные риски зависимости от искусственного интеллекта в создании контента:

А) потеря человеческой креативности, поскольку искусственный интеллект не обладает эмоциональным вовлечением, эмпатией и креативным мышлением, а чрезмерная зависимость от искусственного интеллекта приводит к утрате оригинальности, контент становится общим и не вдохновляющим;

В) неточность: ИИ-контент может содержать некорректно интегрированные данные, что без человеческого контроля может подорвать доверие к бренду;

С) несоблюдение этических и правовые нормы: чувство контекста присуще только человеческому воображению, понятие логически выстроенного текста не гарантирует уместность высказываний и их актуальность во времени;

Наконец, использование искусственного интеллекта вызывает этические и правовые проблемы, особенно в отношении нарушения авторских прав и распространения дезинформации. Проблема доверия к искусственному интеллекту важна бизнесу, который уже использует или планирует использовать подобные системы [3]. В этой случае, устранение слабых мест, связанных с доверием, поможет улучшить бизнес-процессы, поскольку высокий уровень доверия — это конкурентное преимущество [3].

Заслуживающий доверия ИИ должен обладать следующими характеристиками:

1. Законный (с соблюдением всех применимых законов и постановлений);
2. Этичный (с соблюдением этических принципов и ценностей);
3. Надежный (как с технической точки зрения, так и с учетом социальной среды).

В рамках существующей интегративной системы ИИ уровень доверия людей к ИИ исследуется во многих странах по всему миру. Например, Trust in Artificial Intelligence [Gillespie et al, 2021] - научное исследование, которое является первым глубоким погружением в понимание доверия граждан и ожиданий от использования ИИ во многих странах [1], [3]. В дальнейшем

баланс между преимуществами искусственным интеллектом и человеческой креативностью поможет достичь успеха в цифровом маркетинге. Что касается креативности, то этот показатель обычно оценивается по двум измерениям:

А) новизна – степень отклонения идеи от социальных ожиданий, оригинальность и редкость истории;

В) полезность – отражает практичность и актуальность идеи.

При этом существует два варианта когда генеративный искусственный интеллект может повлиять на творческий процесс в контексте. С одной стороны, качество результата может быть улучшено посредством использования генеративного искусственного интеллекта, так как маркетолог может создать новую ветвь мышления, ознакомившись с идеями, предложенными машинным сознанием. И наоборот, анализ ИИ-контента может ограничить угол обзора для маркетолога и направить его в единственное русло мысли, где разнообразие собственных идей творца теряет ценность. Более того, результаты генеративного искусственного интеллекта могут не обеспечивать достаточно пространства для человеческого воображения. В таком случае искусственный интеллект приведет к созданию большего количества однотипных историй и потенциально менее творческого маркетингового контента.

Несмотря на осознанное приобщение искусственного интеллекта и одновременное существование страха и неизвестности в отношении воспроизводимых результатов, множество социальных сфер изменяются, используя искусственный интеллект. Учитывая быстрое инвестирование и внедрение искусственного интеллекта, будет важно регулярно пересматривать общественное доверие и ожидания в от-

ношении систем искусственного интеллекта по мере их эволюции с течением времени, чтобы обеспечить соответствие искусственного интеллекта ожиданиям общества [3].

В рамках существующей реальности, можно назвать ряд платформ социальной жизни, где проявление искусственного интеллекта наиболее ощутимо:

А) изобразительное искусство;

В) музыка;

С) компьютерные игры и виртуальный мир;

Д) кинопроизводство;

Е) дизайн одежды и мода;

Г) научные исследования;

Г) разработка лекарств;

Н) архитектура и строительство.

Каждая из представленных сфер (платформ), где применяется ИИ, на самом деле уникальны в рамках практической значимости, однако сложно ответить на вопрос: «Развиваются ли эти сферы или деформируются?». В действительности все данные, на которых происходит апробация системы искусственного интеллекта – это прожитый опыт, уже существующие логические и причинно-следственные связи, а это значит, что ничего действительно нового создать посредством ИИ (материалы) - невозможно. В настоящее время ИИ – это перспективный инструмент для опредмечивания творческих замыслов человека, в то время как реклама – это сфера, в которой транслируемый контент воздействует на человеческое сознание, сформированное годами. Поскольку социальные боли потребителя есть историческое воспитание человечества, именно поэтому, использование обобщённых массивов данных, на которых обучаются генеративные сети, позволяет более точно проанализировать стратегию покупательского решения.

В рамках практической значимости

ИИ можно назвать ряд преимуществ искусственного интеллекта охватывающих широкий спектр применения:

– умные помощники: персональные ассистенты, такие как Siri, Google Assistant и Alexa, помогают людям в повседневных задачах, выполняя незначительные задачи, связанные с созданием списков, в том числе и значительные – управлением умным домом;

– рекомендательные системы: алгоритмы, которые анализируют предпочтения потребителей и предлагают персонализированные рекомендации в области музыки (Spotify), фильмов (Netflix), покупок (Amazon) и новостей;

– аналитические системы: программное обеспечение, использующее искусственный интеллект для анализа больших данных, прогнозирования тенденций и консалтинге;

– медицина: системы, которые помогают врачам диагностировать заболевания, анализировать медицинские изображения и предлагать индивидуализированные планы лечения;

– автоматизация и робототехника: роботы и автоматизированные системы, применяемые в промышленности и сельском хозяйстве для повышения эффективности и снижения затрат;

– кибербезопасность: искусственный интеллект, использующийся для выявления и предотвращения кибератак, анализа сетевого трафика и обеспечения безопасности данных;

– игры и развлечения: искусственный интеллект влияет на улучшение пользовательского опыта в видеоиграх, создавая реалистичных неигровых персонажей и участвуя в разработке сценариев и контента.

Одним из самых захватывающих достижений в области применения искусственного интеллекта в цифровых маркетинговых коммуникациях является

использование алгоритмов машинного обучения для создания персонализированного опыта для потребителей [4].

Эмпирический маркетинг — это маркетинговая стратегия, основанная на опыте клиентов в реальном времени, а ИИ играет решающую роль в эмпирическом маркетинге, особенно в области виртуальной реальности/трансформации, распознавания голоса и изображений [4].

Целевая аудитория искусственного интеллекта имеет различные сегменты классификации, где каждая каста раскрывает свою грань использования искусственного интеллекта. Вовлечённые в процесс употребления решают свои уникальные задачи, тем самым раскрывая потенциал искусственного интеллекта к удовлетворению потребностей самого изощрённого характера.

Рассмотрим, кто составляет основную аудиторию ИИ и почему они выбирают эти технологии.

Основные сегменты целевой аудитории искусственного интеллекта:

1. Потребители (конечные пользователи).

Возраст: 18-65 лет;

Пол: Мужчины и женщины;

Доход: Средний и выше среднего;

Семейное положение: Различное

Причины выбора искусственного интеллекта: удобство и комфорт, персонализация, развлечения и досуг.

2. Малый и средний бизнес.

Возраст владельцев и сотрудников: 25-50 лет;

Пол: Мужчины и женщины;

Доход: Средний и выше среднего;

Семейное положение: Различное;

Причины выбора искусственного интеллекта: повышение эффективности, автоматизация бизнес-процессов, аналитика и прогнозирование, маркетинг.

3. Крупные корпорации.

Возраст сотрудников и руководителей: 30-60 лет;

Пол: Мужчины и женщины;

Доход: Высокий;

Семейное положение: Различное;

Причины выбора искусственного интеллекта: оптимизация бизнес-процессов, анализ массива данных, кибербезопасность.

4. Медицинские учреждения и специалисты.

Возраст врачей и администраторов: 30-60 лет;

Пол: Мужчины и женщины;

Доход: Средний и выше среднего;

Семейное положение: Различное;

Причины выбора искусственного интеллекта: диагностика и лечение, анализ медицинских изображений, управление данными.

5. Образовательные учреждения и студенты.

Возраст студентов и преподавателей: 18-65 лет

Пол: Мужчины и женщины

Доход: Средний и выше среднего

Семейное положение: Различное

Причины выбора искусственного интеллекта: персонализированное обучение, анализ успеваемости, образовательные платформы.

6. Государственные учреждения.

Возраст сотрудников и руководителей: 30-60 лет;

Пол: Мужчины и женщины;

Доход: Средний и выше среднего;

Семейное положение: Различное;

Причины выбора искусственного интеллекта: оптимизация работы, аналитика и безопасность, общественные услуги.

Таким образом, целевая аудитория искусственного интеллекта включает в себя широкий спектр пользователей, от потребителей и малого бизнеса до круп-

ных корпораций, медицинских и образовательных учреждений, а также государственных организаций. Понимание этих сегментов и их потребностей помогает разработчикам искусственного интеллекта создавать продукты и услуги, которые действительно удовлетворяют потребностям пользователей и способствуют их успеху. Обращая внимание на многообразие сегментов целевой аудитории искусственного интеллекта, можно сделать вывод, что подавляющее большинство тех, кто вовлечён в процесс использования «машинного искусства», это не конкретные люди, а представители определённых сфер или даже экономически заинтересованные области.

В настоящее время существует несколько брендов, которые успешно применили технологии искусственного интеллекта в своей рекламной кампании. Например, в 2020 году «Сбербанк» запустил предновогоднюю рекламу с Жоржем Милославским. Героя любимой советской комедии «Иван Васильевич меняет профессию» «оживили» используя механику нейронных сетей. По сюжету рекламы Милославский переносится в будущее и узнает, что «Сбербанк» преуспел в ведении бизнеса и создал финансовую экосистема. Таким образом, искусственный интеллект в рекламе подчеркивает статус своей технологической конкурентоспособности, обращая внимание потребители на надёжность предоставляемых банком услуг. В 2022 году MasterCard и Лига чемпионов УЕФА выпустили рекламный ролик, в котором 13-летний Лионель Месси начинает свою футбольную карьеру и едет из Аргентины в Испанию. Месси-подростка маркетологи воссоздали с помощью технологии дипфейк - методики синтеза изображения или голоса, основанной на искусственном

интеллекте. Взрослый спортсмен мотивирует себя из прошлого превозмочь все трудности большого спорта. В сюжете данной рекламы, искусственный интеллект олицетворяет мысли общест-венности, транслируя их в изображе-ния медиа, что показывает для социума реализацию психологически-образова-тельной функции через образы, кото-рые помогает создавать искусственный интеллект без предвзятости и субъек-тивности.

Современная реклама с подклю-чением ИИ-контента – это адресная реклама, которая направлена на обыч-ных людей, принимающих решения о покупке, основываясь на личных ин-тересах и желаниях, не задумываясь о преимуществах автоматизации своих жизненных процессов. Обычные потре-бители обращают внимание на мораль-ные принципы своего воспитания, цен-ность предлагаемого продукта, пользу для бытовой жизни. Именно в этой сце-не жизненного сценария в удовлетво-рении потребностей возникает вопрос о доверии – доверии к бренду, к составу, к потребительскому обращению. В этой связи нельзя не заметить, что основны-ми страхами потребителя могут являть-ся: сложность интеграции, приватность информации, безопасность, замещение человека, неопределённость информа-ции, боязнь быть покорённым контен-том, который создан нечеловеческим сознанием, дороговизна использова-ния, трудность контролирования авто-матических процессов, ощущение под-воха и неточность материала.

Выводы – заключение

1. Поскольку все актуальные запросы на использование искусственного ин-теллекта скрываются в обычных чело-веческих страхах, необходимо понять, что людям нужны ИИ-приложения и

системы, которые легко использовать без необходимости обладать глубокими техническими знаниями. Потребитель ожидает, что искусственный интеллект будет учитывать их индивидуальные предпочтения и потребности, адапти-руя рекомендации и услуги под каждого пользователя. Обществу действительно интересно использовать нейронные си-стемы для создания новых продуктов и услуг, что открывает новые возможно-сти перед каждым человеком и даёт ему пространство для творчества с исполь-зованием минимальных ресурсов.

2. Социальное взаимодействие с областью развития искусственного ин-теллекта очень важно. Уменьшение об-щественного давления на нейронные системы, позволит каждому выстра-ивать свою индивидуальную связь с новым предметом науки современного мира. Людям нужно от искусственного интеллекта удобство, персонализация, повышение эффективности, надеж-ность, поддержка принятия решений, инновации, которые имеют платфор-му дружественного внедрения в жизнь обычного человека.

3. Баланс аутентичности выстра-ивается на главном правиле: искус-ственный интеллект – это инструмент или уникальный алгоритм, который делает потребителя супергероем, а не возвышается над своей аудиторией, угнетая общество массивом инфор-мации. Преимущества искусственно-го интеллекта обязаны подчёркивать преимущества человеческого сознания и коллективной души [6]. Только та-кой сюжет внедрения искусственного интеллекта позволит новой технологии существовать в пределах дружествен-ного пространства.

4. Аутентичность в рекламе – это часть человеческого сознания марке-тинга. Нахождение баланса представля-

ет собой действительно трудный процесс, который предполагает одинаковое внимание брендов к оптимизации своего производства и эмоционально-здоровому контенту. Конкурентная борьба подразумевает наращивание оборотов производства информационного и физического, однако в той сфере, которая оказывает влияние на коллективное сознание потребителей, важно помнить не только о цифрах, но и о эмоциях.

5. Маркетинговые возможности искусственного интеллекта могут быть эффективно применены для создания доверительного пространства между потребителем и брендом.

Список литературы

- Gillespie N., Lockey S., Curtis C. Trust in artificial intelligence. A five country study. The University of Queensland and KPMG Australia. 2021. 64 p.
- Бровчак С.В. Особенности рынка финансовых услуг и поведения зуммеров на нем в условиях цифровой трансформации / С.В. Бровчак [и др.] // Путеводитель предпринимателя. 2021. Т. 14. № 4. С. 21-29.
- Дашков А.А., Нестерова Ю.О. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта // E-Management. 2021. Т. 4. № 2. С. 28-36.
- Милихат Р. Как искусственный интеллект меняет маркетинг / Р. Милихат, М.Н. Калимолдаев, А.А. Абдилдаева, М. Отман. – DOI 10.24412/2073-0667-2022-4-84-106 // Проблемы информатики. 2022 № 4 (57). С. 84-106. // URL: <http://problem-info.sccc.ru/ru/node/98#7> (Дата обращения: 20.11.2024).
- Почему подлинность бренда важна как никогда в 2024 году: укрепление доверия и лояльности // URL: <https://sagegfx.com/why-brand-authenticity-matters-more-than-ever-in-2024-building-trust-and-loyalty/> (Дата обращения: 19.11.2024).
- Шендрик В.В. Применение искусственного интеллекта для персонализации пользовательского контента в маркетинговых предложениях компании. Путеводитель предпринимателя. 2024. № 17(1). С. 63-71.

References

- Gillespie N., Lockey S., Curtis C. Trust in artificial intelligence. A five country study. The University of Queensland and KPMG Australia. 2021. 64 p.
- Brovchak S.V. Features of the financial services market and the behavior of zoomers on it in the context of digital transformation / S.V. Brovchak [et al.] // Entrepreneur's Guide. 2021. Vol. 14. № 4. P. 21-29.
- Dashkov A.A., Nesterova Yu.O. Building trust using artificial intelligence // E-Management. 2021. Vol. 4. № 2. P. 28-36.
- Milikhata R. How artificial intelligence is changing marketing / R. Milikhata, M.N. Kalimoldaev, A.A. Abdildaeva, M. Othman. – DOI 10.24412/2073-0667-2022-

Лукинова И.А.

Кандидат философских наук, преподаватель.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Человек и общество как части современного Целого*

Аннотация. В статье рассмотрены процессы, происходящие в обществе и информационном пространстве. Глобализация повседневной жизни человека, информационно-цифровое отчуждение его социальной сущности и нарастание угроз его информационной безопасности определено как важная проблема развития человека и общества. Показана необходимость традиционных морально-нравственных и юридических законов, как основных регуляторов любой человеческой деятельности.

Ключевые слова: информационное пространство, Homo informaticus, глобальная информационная среда.

Lukinova I.A.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, North-Caucasus
Federal University, Department of Ethnology and Philosophy, Stavropol.

Man and society as parts of the modern Whole

Abstract. The article considers the processes occurring in society and information space. Globalization of everyday human life, information and digital alienation of his social essence and increasing threats to his information security are defined as an important problem of human and social development. The necessity of traditional moral and legal laws as the main regulators of any human activity is shown.

Key words: information space, Homo informaticus, global information environment.

Мировое Целое как информационное пространство представляет собой продукт (конструкт), созданный... самими людьми, причем во многом преступными и аморальными, а значит тогда оно не более, чем изобретенная человеком реальность (действительность), в которой господствуют все преступные и разрушительные начала, которые в нее преднамеренно и имплантированы. Тогда в полном соответствии с двумя используемыми в данной

работе теоретико-методологическими инструментариями – холизмом и конструктивизмом, познавательно двигаясь именно от целого к его частям (в данном случае от информационного пространства как целого к информационному социуму и «Homo informaticus» как его частям) мы приходим к общему выводу об их тоже принципиально искусственной, принципиально «наведенной», сконструированной людьми (если можно наших «пилотов» после

* © Лукинова И.А., 2025.

Человек и общество как части современного Целого

всего ими совершенного так называть) природе. Современное информационное общество и феномен «Homo informaticus» - самое настоящее преступное «творение» тех же самых злых и преступных «пилотов», сумевших за относительно малый исторический период так радикально, так безжалостно изменить и человека, и общество, что нынешней, совсем не выдуманной угрозой для человека становится опасность полной потери им своей подлинной идентичности. Чего будет стоить миру, например, новое явление квадробинга (квадробики), в котором дети, уподобляясь во всем разным животным, «так вживаются в свою роль, что бросаются на детей помладше, кусают сверстников, царапаются и рычат на испуганных старушек» [6]. А последствия всякого рода гендерных и прочих «революций», явлений разрушения семьи и других социальных институтов, самих государств, правовых систем, нравственности, духовности и др.?

Вполне очевидно, что в целях придания мировому целому и его фрагментам принципиально иных свойств, других цивилизационно-культурных проявлений и влияний, необходимы в качестве всесильных управляющих мировыми процессами не кучка злых и алчных негодяев, а люди, служащие верой и правдой абсолютно большинству современного человечества. Иначе говоря, нужна мощная и исключительно позитивная активность совершенно иных пилотов, других генеральных конструкторов как социума, так и «Homo informaticus». При полном же господстве нынешних «технологических гигантов с конкретными идеологическими подходами» это просто невозможно до тех пор, пока новая «команда» не приобретет в мире примерно такой же совокупный потен-

циал для своей активности – интеллектуальный, технологический, финансово-ресурсный, политический и др. Пока такой активности не наблюдается, по-прежнему мировое большинство убаюкивает себя упованиями на закономерный «ход истории», на непреложные законы развития общества, на «объективный характер перемен» и прочее. Очень жаль... Что же касается нынешних злых и преступных «пилотов», то они и не собираются отступить, они даже не скрывают своих далеко идущих планов, не боятся их огласки и обсуждения. Для всего мира стали подлинно сенсационными обнародованные на конференции в Институте сложности Санта-Фе (США) [2] представителями этих глобальных «пилотов» (ультраглобалистами) следующие далеко идущие цели, которых они хотят достигнуть через 10-15 лет: отмена частной и личной собственности; всеобщий базовый доход тем, кто принял «новую нормальность»; отмена наличных денег, замена их цифровой валютой (наше авторское замечание: новая функция цифровой валюты — вовсе не финансовая, а функция тотального социального контроля, направленная на обеспечение должной лояльности и управляемости «людского стада»); система углеводородных рейтингов для государств и корпораций; жёсткий социальный контроль (с обилием камер слежения на улицах, тотальная цифровизация всех возможных процессов); рacionamento потребляемого продовольствия, энергии и природных ресурсов; патенты на семенной фонд и ограничение возможности питаться пищевой продукцией собственного производства; наступление на скотоводство с целью еще масштабного сокращения с последующим переводом основной массы населения мира либо

на искусственную белковую пищу, либо на вегетарианскую; контроль над рождаемостью; обязательная вакцинация; жёсткое ограничение альтернативных форм медицинского лечения; размывание (а в дальнейшем и отмена) половых различий.

Чудовищные цели и планы! Других оценок, очевидно, им не может и быть! И вопрос здесь только в том, как не допустить их реализации, как, наконец, остановить такого рода «модернизаторов» мира, не дать им реализовать свои преступные, античеловеческие замыслы.

Очень разумный и конкретный выход из такого «пилотирования» информационного пространства (и не только его) содержится в ответе господину А. Гупта, который дал наш Президент на заседании Валдайского клуба 2024 г.: «...нужно, чтобы деятельность в интернете, так же как любая человеческая деятельность, подчинялась морально-нравственным законам и юридическим законам тех государств, где эта система функционирует... Общество должно оградить себя от деструктивного влияния, но сделать всё для того, чтобы всё-таки обмен информацией был свободным и чтобы это шло на благо развития того или иного государства да и всего международного сообщества в целом» [11].

Мы еще вернемся к этому важнейшему тезису В.В. Путина, но предварительно обратимся к более детальному исследованию выделенного нами в рамках этой статьи третьего предмета нашего особого внимания - к человеку, пребывающему ныне в новой для себя ипостаси в форме «Homo informaticus».

Сразу зададимся вопросом: в чем исследователи усматривают принципиальную новизну теперь уже у этого информационно-антропологического

фрагмента мирового Целого - у феномена под названием «Homo informaticus»?

Большинством ученых отмечается, что в современную информационную эпоху очень сильно изменяется социально ролевой статус человека, во всю трансформируются базисные ценности, меняются модусы социального бытия человека, изменяется социально-психологическое наполнение коммуникативного взаимодействия, изменяется язык, мышление, повседневный и профессиональный дискурс [7, 8]. Это влечет за собой трансформацию социокультурных ценностей, форм социализации, мотивации социальной деятельности, содержания социальных ролей и социальных статусов и т.п. [1, 4, 9]

И как все это стремительное и масштабное движение самой сущности, самой идентичности человека можно тогда объяснить?

Ничего удивительного, говорят нам уже известные мировые «пилоты» и их «ученые» адепты, - все «ОК», все вполне естественно и закономерно: раз изменилась среда обитания человека, превратившись в современное информационное пространство, то и человек просто обязан меняться как элемент, как часть информационной среды, все более и более приобретающая свои новые черты, постепенно превращаясь в «Homo informaticus». Ничего не поделаешь, говорят нам эти же «пилоты», - все это неизбежные и неотвратимые проявления общественного и технологического прогресса, сам «ход истории» с которым никак и никто не в силах совладать...

Мы к этому вопросу о принципиальном рукотворном и потому искусственном «прогрессе» в развитии «Homo informaticus» еще ниже вернемся, а пока для полноты картины продолжим перечень и анализ тех существенных

изменений, которые выявлены различными исследователями. Многими из них подчеркивается, что сегодня одной из главных угроз безопасности человека является именно глобальная информационная среда, которая [3]: переполнена агрессивной, недостоверной и даже вредоносной для человека информацией; порождает глобальные и локальные информационные войны и использует информацию как оружие против человека; осуществляет информационное манипулирование индивидуальным и общественным сознанием людей на всех уровнях; создает условия глобальной борьбы за информацию, вводя в тренды информационного взаимодействия вместо идей солидарности и партнерства – агрессию и противоборство; борется за информацию, что выражается в несанкционированных вторжениях в личное информационное пространство человека, в его внутренний мир с использованием его приватной информации в неправомερных целях и т.д. Все эти факторы порождают феномен полной глобализации самого человека, замену его личностно-персонального «Я» универсальным, безликим и анонимным симулякром глобального информационного пространства, причем с потерей ощущения социальной реальности и своего места в ней. В силу отмеченного возникает совершенно новый социальный феномен – глобализация повседневной жизни человека, перестающей быть личностно-интимной, внутренне закрытой, замкнутой на самого индивида, что вызывает информационные стрессы и информационные фобии, ведет к ситуации, когда человек не в состоянии соответствовать информационному социуму, самоопределяться в нем и управлять им.

Фактически описанное выше информационно-цифровое отчуждение

человека, его социальной сущности и нарастание угроз его информационной безопасности тоже можно (вслед за Ж. Бодрийяром, открывшим феномен смерти социального – см. выше) прямо говорить об этом феномене как о самой настоящей смерти другого, теперь уже антропологического начала, как о смерти человека.

Что же тогда имеем?

Вслед за смертью социального, отмеченного в начале данной статьи, еще и фактически уже наступающую... смерть человеческого (антропологического)! Мы вовсе не рады открытию этого феномена, но факты – упрямая вещь! Сразу же возникает вполне законные вопросы: а не слишком ли высока мировая цена за такие информационно-технологические приобретения? Да и приобретения ли тогда все это вообще? И насколько эти чудовищные по своей разрушительной силе «издержки» человека и общества (в форме «смертей» и того, и другого!) обусловлены именно технической и технологической составляющими прогресса как якобы объективного и фатально-необходимого явления?

Феномен глобализации часто восторженно трактуется разными исследователями и как «новое качество мира», и как «всемирно-исторический процесс», и как «новая эпоха и новая эра человечества», и даже как «новая идеология» [5, с. 37, 10]. Все ранее сказанное в этой статье свидетельствует, на наш взгляд, совершенно о противоположном: перефразируя известную формулу В.В. Пугина «Зачем нам мир, где нет России?» можно предложить формулу, не менее емкую и значимую, о сущности нынешнего состояния информационного Целого и его важнейшей части - человека: «Зачем нам мир, в котором нет ни человека, ни обще-

ства? Зачем нам мир, в котором умер и социум и антропос?».

Что же надо делать в этих очень непростых, фактически губительных для мировой цивилизации условиях? Ответ один – решительно, последовательно, сообща, системно действовать! Пока, например, в рамках БРИКС, а затем и в более широком формате, но обязательно действовать, не ждать более благоприятных условий и обстоятельств! Надо сразу же ясно и однозначно осознать, что в силу уже не раз упомянутого и примененного нами холистско-конструктивистского подхода мировые общественные процессы совершенно не обусловлены ни технической, ни технологической составляющими прогресса, поскольку сам этот процесс – вовсе не объективный и совсем не фатально-необходимый! За ширмой якобы не зависящего от людей общественного движения прячется группа злых и алчных негодяев и все так называемые издержки общественного развития человечества – это дело их грязных рук, воплощение их античеловеческих планов и замыслов исключительно ради своего господства и процветания!

Пора четко и ясно осознать: против человека разворачивается тотальная война, причем совершенно нового типа – ни территориально-захватническая, ни гражданская (коих в истории человечества было премного), ни против русского или американца, ни против коммуниста или монархиста (все эти войны тоже уже во многом стали историей), а против... человека как такового, против человека и общества вообще! Против всех идентичностей человека, против его существования на Земле! Зачем он нужен им, таким великим и могучим, если на подходе уже маячит ИИ – искусственный интеллект, во всем и

езде готовый заменить жалких и неуправляемых людишек...

Осознали ли мы все до конца эту чудовищную угрозу, эту катастрофичность ситуации? Судя по нашим ответным действиям и реакциям вряд ли, скорее нет, чем да. В самом деле, угрозы самому человеку, угрозы, нависшие над его уникальными и неповторимыми идентичностями мы часто трактуем как угрозы его информационной безопасности, а эти угрозы, в свою очередь, пытаемся купировать какой-то активностью по обеспечению... его информационного здоровья [3]. Да, такого рода деятельность действительно нужна, но разве достаточна ли она для полного решения тяжелейших проблем «Homo informaticus»? Очевидно, нет, причем совсем нет.

Не вдаваясь больше в детали, выделим еще раз самое главное: нынешние мировые порядки и реалии – именно рукотворные, они имеют своих авторов – как проектировщиков, так и исполнителей. Мы в данной работе уже достаточно показали их проекты, их ближайшие и отдаленные планы. Согласимся с ними? Позволим их реализацию? Опять сдадимся? Вряд ли, и поэтому самая острейшая, самая злободневная проблема на пути все возможных преобразований нашего мира пока только одна – незамедлительная смена или немедленное обуздание преступной (именно преступной!) активности нынешних цивилизационных «пилотов», которые как раз и не позволяют ничего в их «корлевстве» менять, которые для сохранения своего господства во всю готовят всем нам как смерть социального, так и смерть человеческого.

А вот теперь можно вернуться и к тезису В.В. Путина, еще глубже осознать его смысл и глубину: любая (именно любая!) человеческая деятельность

должна подчиняться морально-нравственным законам и юридическим законам тех государств, где эта система функционирует. Стары как мир, но по-прежнему необходимы именно они – традиционные, тысячелетние морально-нравственные и юридические законы – как регуляторы, как важнейшие нормы любой человеческой деятельности, причем без какой-либо оглядки на всякие прогрессы, в том числе и на современные информационно-технологические.

Ничто не ново под Луной... Шанс избежать смерти социальной и антропологической у нас у всех еще есть, но для этого надо очень много сделать своими собственными руками – ведь любое общественное движение всегда рукотворно, всегда проект самих людей, результат именно их усилий.

И спасибо великой философии, – ведь она, если настоящая и подлинная, всегда стоит на стороне человека, всегда готова подарить ему все новые и новые победные возможности. Важно только их не упустить, не проспать, не потерять....

Список литературы

1. Адамьянц Т.З. Человек в информационной среде / Институт социологии ФНИСЦ РАН. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=895&ysclid=m6e4un75x496839127
2. Андрей Фурсов: 12 целей мировой элиты / Бизнес Online. // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/597705?ysclid=m3kgptkooi945855917>
3. Дементьев С.А. Информационная безопасность человека в контексте рисков и угроз информационной эпохи. Специальность 09.00.11 – социальная философия. Дисс. на соиск. уч.ст. докт. филос. наук. Краснодар, 2018.
4. Еляков А.Д. Homo Informaticus и современная информационная среда // Философия и общество. 2012. № 3 (67). С. 38-59.
5. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 37-43.
6. Квадроберы: кто такие, запрет квадроберов, мнение психолога / Деловой Петербург. // URL: <https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li?ysclid=m3q23wat4z443748763>
7. Коробейникова Л.А. Глобализация: Концептуальные

изменения дискурса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 144-152.

8. Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2010. № 316 (6). С. 105-109.
9. Петрова Е.В. Человек и информационная среда: проблемы взаимодействия. – М.: ИФРАН, 2014.
10. Покровский Н.Е. В зеркале глобализации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста / Под ред. А. Ашкерова. – М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 54-74.
11. Полный текст речи Путина на Валдае / Официальный сайт Президента Российской Федерации. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

References

1. Adamyants T.Z. Man in the information environment / Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=895&ysclid=m6e4un75x496839127
2. Andrey Fursov: 12 goals of the world elite / Business Online. // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/597705?ysclid=m3kgptkooi945855917>
3. Dementyev S.A. Human information security in the context of risks and threats of the information age. Specialty 09.00.11 – social philosophy. Diss. for PhD in Philosophy. Krasnodar, 2018.
4. Elyakov A.D. Homo Informaticus and the modern information environment // Philosophy and Society. 2012. № 3 (67). P. 38-59.
5. Inozemtsev V.L. Modern globalization and its perception in the world // The Age of globalization. 2008. № 1. P. 37-43.
6. Quad bikes: who are they, the ban on quad bikes, the opinion of a psychologist / Delovoy Peterburg. // URL: <https://www.dp.ru/a/2024/10/06/detki-v-kletkah-stoit-li?ysclid=m3q23wat4z443748763>
7. Korobaynikova L.A. Globalization: Conceptual changes in discourse // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2008. № 2 (3). P. 144-152.
8. Korobaynikova L.A., Gil A.Yu. Network structures in the context of globalization // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Engineering of georesources. 2010. № 316 (6). P. 105-109.
9. Petrova E.V. Man and the information environment: problems of interaction. – М.: IFRAS, 2014.
10. Pokrovsky N.E. In the mirror of globalization // Twilight of globalization. Handbook of an anti-globalist / Ed. A. Ashkerov. – М.: AST: Ermak, 2005. P. 54-74.
11. Full text of Putin's speech at Valdai / Official website of the President of the Russian Federation. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

Печерских С.П.

Кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия».

О современных подходах к пониманию философской категории «отчуждение»*

Аннотация. Проблема отчуждения в истории философии всегда занимала одно из ключевых мест. Современная дискуссия о формах отчуждения приобретает особый характер в связи с трансформацией капитализма в новое социально-экономическое состояние глобального общества, которое мы называем началом новой эпохи — эпохи техногенной цивилизации. Новая социальная реальность показывает нам феномен возникновения новых форм отчуждения не только в экономической сфере жизнедеятельности общества, но и форм отчуждения, возникших в результате цивилизационных трансформаций в других сферах общественной жизни. Представители современной социальной философии предпринимая теоретические попытки осмысления сущности вновь возникающих форм отчуждения. Материалы современных научных публикаций обращают наше внимание на необходимость внимательного изучения бытия человека в условиях новых форм взаимоотношений индивида и общества. Исследование влияния интенсивного развития информатизации, цифровизации, высоких технологий, био-технологий, искусственного интеллекта на психическое и психологическое состояние людей, формирование новой системы общественных ценностей и установок, возможностей самореализации и интеллектуального развития человека труда, его удовлетворенности от профессиональной трудовой деятельности, порой уводит нас от базового значения самого термина «отчуждение», которое начинает пониматься слишком широко. В статье представлен анализ современных подходов к пониманию содержания понятия «отчуждение», а также их комментариев с позиции философии марксизма - базовой философской теории отчуждения как результата сущности экономических отношений в обществе и их рефлексии на все формы социальных взаимоотношений индивидов.

Ключевые слова: отчуждение, марксизм, трудовая деятельность индивида, общественное бытие, общественное сознание, техногенная цивилизация, наёмный труд, фетишизм, обезличивание, деформации.

Pecherskikh S.P.

Candidate of Philosophical Sciences, Docent, FGBOU VO Izhevsk State Medical Academy.

About modern approaches to understanding the philosophical category of “alienation”

Abstract. The problem of alienation in the history of philosophy has always occupied one of the key places. The modern discussion about the forms of alienation acquires a special character in connection with the transformation of capitalism into a new socio-economic state of global society, which we call the beginning of a new era — the era of man-made civilization. The new social reality shows us the phenomenon of the emergence of new forms of alienation not only in

* © Печерских С.П., 2025.

О современных подходах к пониманию философской категории «отчуждение»

the economic sphere of society, but also forms of alienation that have arisen as a result of civilizational transformations in other spheres of public life. Representatives of modern social philosophy undertake theoretical attempts to comprehend the essence of newly emerging forms of alienation. The materials of modern scientific publications draw our attention to the need for a careful study of human existence in the context of new forms of relationship between the individual and society. The study of the impact of the intensive development of informatization, digitalization, high technologies, bio-technologies, artificial intelligence on the mental and psychological state of people, the formation of a new system of social values and attitudes, the possibilities of self-realization and intellectual development of a person at work, his satisfaction with professional work, sometimes leads us away from the basic meaning of the term "alienation", which it's starting to be understood too broadly. The article presents an analysis of modern approaches to understanding the content of the concept of "alienation", as well as their commentary from the perspective of the philosophy of Marxism, the basic philosophical theory of alienation as a result of the essence of economic relations in society and their reflection on all forms of social relationships of individuals.

Key words: alienation, Marxism, individual's labor activity, social existence, social consciousness, technogenic civilization, wage labor, fetishism, depersonalization, deformations.

Под отчуждением в современной философии понимается «социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему.» [11, с. 471-472]. Такое понимание сущности отчуждения возникло как результат дискуссии К. Маркса с представителями немецкой классической философии и, в первую очередь, с Г. Гегелем. В философии Г. Гегеля отчуждение понимается как объективация истории общества и природы, отчужденных от Абсолютного духа. Одновременно, этой категорией Гегель определяет отношение человека и современной для него реальности буржуазного правового общества. Фактически отчуждение в философии Гегеля понимается как отчуждение духа, а преодоление этого отчуждения, как осознание реальности существования самого «отчуждённого духа» [1].

В марксистской теории понимание феномена отчуждения раскрывается на основании исторического и материалистического понимания процесса развития как общества в целом, так

и отдельного индивида. Отчуждение здесь трактуется как результат процессов, происходящих в социальной и экономической сферах жизнедеятельности общества. И, прежде всего, как результат капиталистического разделения труда, предопределяющего характер и содержание труда в условиях господства буржуазной частной собственности и капиталистических товарно-денежных отношений, превративших труд в единственное средство существования пролетариев и их семей.

В рамках экономической теории капитализма, как «ставшей» общественно-экономической формации, К. Маркс создает учение о товарном фетишизме, утверждая: «Отношения людей в общественном процессе производства принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности» [3, с. 103].

В марксизме феномен отчуждения изначально понимался как отчуждение самого пролетария от его трудовой деятельности, которую он воспринимает как чуждую и ненавистную для него. Условия трудовой деятельности, система производственных отноше-

ний, в которой пролетарий вынужден существовать, отчуждают его от труда во благо для себя, а капиталистическая собственности на средства производства лишает его как материального, так и интеллектуального удовлетворения от процесса самой трудовой деятельности. При капиталистическом характере общественного производства результаты трудовой деятельности работника отчуждаются от самого наёмного работника, не восполняя его физических и интеллектуальных затрат.

Организация всех общественных отношений, работа всех общественных институтов функционирует таким образом, который позволяет усилить эксплуатацию в целях получения дополнительной прибыли, что приводит к возрастанию степени принуждения, следовательно, и отчуждения в процессе трудовой деятельности, к всё большей утрате какого-либо удовлетворения от её результатов. При этом нарастает процесс бюрократизации и отчужденности социальных институтов от реальных интересов и запросов работников.

Такая ситуация не может сохраняться бесконечно долго и, прежде всего, в экономике наглядно проявляется конфликт между интересами людей, владеющих средствами производства, и тех, кто от них отстранен. Собственник чаще всего не заинтересован в интеллектуальном развитии и образовании работника. Его интересует только практическая сторона вопроса — как хорошо работник может выполнять производственные задания, за которые получает своё денежное вознаграждение! Возможность получения качественного общего и профессионального образования, повышение квалификации, уровня культурного развития — всего, что связано с личностным

потенциалом работника, остаётся за полем интересов работодателя.

В работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркс пишет: «В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя.» [4, с. 101]. Согласно Марксу, такой труд обезличивает человека, он превращает работника в «приложение» к машине, в одну из деталей механизма, в робота, лишённого всякого творческого начала.

Маркс утверждает, что межклассовые отношения в сфере экономики и трудовой деятельности индивидов, являются ключом к пониманию сущности всех социальных взаимоотношений классов в историческом развитии общества. Следовательно, все возможные формы отчуждения в той или иной степени непосредственно или опосредованно будут связаны с организацией и процессом трудовой деятельности индивида, с возможностью реализации его не только потенциальных, но и реальных личностных качеств.

Капиталистическая система межклассовых отношений наделила деньги мистической силой, которая позволяет им господствовать над всем миром товаров, и все превратила в товар, в том числе рабочую силу человека, создающего эти товары. Маркс считает: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые

до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговенным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [5, с. 427]. Именно таким образом производственные отношения принимают вещный характер, который уже не зависит ни от контроля людей, ни от их сознательной индивидуальной деятельности. Продукты любого человеческого труда теперь выражаются в той или иной форме товара. В этом и заключается сущность товарного фетишизма как выражения отчуждения труда при капитализме.

Понимание сущности проблемы отчуждения К. Марксом нашло своё дополнение и развитие в трудах мыслителей XX века — Э. Фромма, Г. Маркузе, М. Хайдеггера, Т. Адорно, М. Фуко и других. Рассуждая об итогах развития капиталистической общественно-экономической формации, создания новой капиталистической культуры социальных отношений, системы ценностей буржуазного производства и потребления, Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» [7] и Э. Фромм в работе «Здоровое общество» [12] объясняют объективность процесса возникновения человека нового развитого капитализма, как человека безликого, «человека толпы», не способного к осмыслению сущности своего общественного бытия и к осознанной творческой самореализации в процессе профессиональной трудовой деятельности.

Неомарксистская трактовка показывает человека новой цивилизации как продукта конфликта сущности капиталистической культуры и его естественного желания личностной, духовной реализации. Г. Маркузе и Э. Фромм показывают такого человека «плоским, одномерным, утратившим все ценно-

сти, кроме навязанных ему ценностей производства и потребления». Неомарксистское понимание отчуждения находит дополнение в работах неорефрейдистов - Г. Салливан, К. Хорни и Э. Фромм, А. Кардинера, Ф. Александера. Идея человека нового мира, наделённого сверх-качествами, сильной волей, «супер-человека» противоречит изначальной сущности и природе человеческого, разумного и осознанного. Эгоцентризм такого человека ориентирует его на созданную развитым капитализмом систему ценностей этого человека — использования производства и потребления исключительно в своих интересах, пренебрегая общечеловеческими и общественными ценностями бытия. Такой человек перестает жить, ориентируясь на саморазвитие и поиск сущности своего истинного бытия, кругом его интересов становится обогащение и потребление, а область его осознанного бытия уходит на второй план.

С этого времени марксистская идея отчуждения начинает приобретать новое значение, порой довольно свободно трактуется сам марксистский подход, и постепенно превращается в какое-то универсальное понятие отчуждения, отражающее процессы, происходящие не только, как правило, в практически-производственной жизни и деятельности человека, но и в сфере его культурно-эмоциональных, межличностных, коммуникативных и других социально значимых отношений, не связанных непосредственно с его трудовой деятельностью.

В теории современного экзистенциализма (например, М. Хайдеггера) человек развитого капиталистического общества находится в состоянии неподлинного бытия. Массовая культура глобального общества уводит его в сторону

от поиска смыслов своего подлинного, фактического бытия и взамен предлагает одиночество в толпе, страх смерти, чувство неуместности и полной абсурдности жизни, отчуждающей его от самой жизни [14].

Возникновение и развитие высоких технологий, цифровизация, возникновение искусственного интеллекта, другие научные и технические достижения новой техногенной цивилизации расширяют возможности прямого воздействия на индивида. Еще не ушел в прошлое «марксистский» фетиш денег, как человечество создало новые фетиши — информацию, интернет, технику. Бесспорно, влияние новых фетишей на формирование смыслов жизни очень велико. Однако, нельзя забывать и о том, что первично и что вторично, не общественное сознание определяет общественное бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание! Функционирование общественных институтов - семьи, церкви, науки, образования, государства, армии и других - рефлексировать на изменение базовых экономических отношений в обществе.

По мнению М. Фуко, все меняется в современной жизни людей — любовь превращается в обязательство и принуждение к выполнению долга, в контракт двух людей по выполнению брачных обязательств [13]. Возникшая доступность информации используется для откровенной пропаганды чьих-то установок, смыслов и ценностей жизни. Особое место в жизни людей занимает реклама, манипулирующая сознанием покупателя, откровенно навязывающая тот или иной товар с единственной целью обогащения его производителя, фактическая потребность и значимость товара для конкретного потребителя здесь уже никого не интересует, не име-

ет никакого значения, кроме самого факта приобретения товара. В этом случае не следует забывать, что «капитал есть общественное отношение, отчуждённое в том смысле, что будучи результатом эгоистической деятельности капиталистов, капитал с другой стороны сам направляет этот эгоизм индивидов к тем целям и по тем законам, которые индивидам-капиталистам могут быть и не известны или не ясны» [8, с. 6].

Капиталистическая общественно-экономическая формация породила феномен массовой культуры, в которой единственный человек теряет свою самобытность, личностное самоопределение, а вместе с ней и возможность творческого развития, самосовершенствования, возможность реализации себя и своих способностей не только в процессе трудовых отношений, но и в отношении самого себя. Капиталистический способ производства исторически меняясь, меняет не только облик капиталиста, но и предъявляет новые требования к работнику, без которого сам процесс производства практически становится не возможен. Воспроизводство рабочего класса является необходимым условием производственных отношений этой формации. С общественной точки зрения, класс рабочих становится такой же собственностью капиталистов, как и мертвые орудия производства. «Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга. Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом, чтобы создавать посредством последнего новые стоимости» [6, с. 444)].

В XXI веке западная идеология соз-

дает новое понимание гуманизма — трансгуманизм. Идеологи нового гуманизма убеждают нас в несовершенстве самой природной организации человека, которую и предлагают «усовершенствовать» с помощью современных достижений научного технического и медицинского знания. Синтез научных разработок в этих направлениях — например, геновая инженерия, работы над использованием стволовых клеток, современные возможности имплантологии, репродуктивной медицины и других, по их мнению, позволят лишить человека проблем с болезнями, сделать его физические и умственные способности более совершенными. Но где же здесь гуманизм, если речь идет о прямом воздействии на то, что нам дано самой природой, миллионами лет эволюционного, естественного процесса развития индивидуального своеобразия каждого отдельного человека?

Складывается впечатление, что сторонники этой теории хотели бы видеть нас одинаково здоровыми, одинаково жизнестойкими, абсолютно лишеными чувствительности и эмоциональности восприятия, не совершающими ничего недозволенного, лишеными пороков как физических, так и интеллектуальных.

В современной отечественной научной литературе термин «отчуждение» трактуется по-разному. В одном случае отчуждение рассматривается тройко: «в отношении природа и человек; в отношении Я и Другой; в отношении самоотчуждения, когда человек отчуждается от самого себя. Последнее можно рассмотреть как отчуждение бессознательного от сверхсознательного, отчуждение конструктивного и деструктивного, тезиса и антитезиса внутри человека» [2, с. 93].

В другом случае отчуждение тракту-

ется как технологическое отчуждение, которое порождает моральные дилеммы. В этом случае происходит стирание граней между реальностью и виртуальным пространством индивида, что способствует его отчуждению от своей собственной сущности, от других людей, принуждает следовать установкам и стандартам Интернета. Технологическое отчуждение создает новые способы манипулирования сознанием на политическом и бытовом уровне, которые «так или иначе затрагивающие каждого из нас при отсутствии определенной степени рефлексии, критического мышления и осознания реальности». Технологии экономического отчуждения формируют «выбор между следованием гуманистическим тенденциям и использованием другого человека для собственного обогащения» [9, с. 334-345].

В случае изучения отчуждения как социального феномена, категория «отчуждение» трактуется как юридическое отчуждение — передача имущественных прав или прав собственности другому. Затем, как психологическое отчуждение «проявляющееся в эмоционально-психологической отстраненности по отношению к окружающей действительности, в том числе к самому себе». Утверждается, что в философии под отчуждением понимается социальный процесс «объективации результатов деятельности, отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия» [10].

Новая система посткапиталистических экономических отношений показывает причудливые формы деформации, где порой феодальные представления о жизни людей соединяются с необходимостью использования искусственного интеллекта, цифровой

экономики, высоких технологий и других достижений современного научного знания. В этом обществе развитие техники и науки, которые еще в экономической теории Маркса рассматривались как одни из основных производительных сил будущего общества наряду с человеком, превратилось в фактор негативного воздействия на самого человека. Сущностью этого воздействия остаётся все тоже - отчуждение. Формы отчуждения также обновляются, как и формы развития экономических отношений в обществе. Реформация содержания труда рефлексирована на характер отношений в сфере трудовой деятельности, а они предъявляют новые требования к основному участнику этих отношений - человеку труда.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. Философия истории [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Эксмо, 2007. 880 с.
2. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Отчуждение как социально-философская проблема // Философия права, 2017. № 2 (81). 93 с.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. с. 103.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42: Экономические-философские рукописи 1844 года. – М.: 1974. 101 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 427.
6. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 6. 444 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. пер. с англ. – М.: 1994. 368 с.
8. Печерских Н.А., Печерских С.П. Экономическая природа человека и корпоративная культура // Экономика и управление: проблемы, решения. ВАК, Том IX. Июнь 2024. – Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2024. 193 с., с. 6.
9. Прокофьева Д.В. Технологическое отчуждение человека и моральные дилеммы как его последствия // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 334-345.
10. Смолева Е.О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов // Вопросы территориального развития. 2016. Вып. 4 (34).
11. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Ф56 Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 С. с. 471-472.
12. Фромм Э. Здоровое общество. – М.: 2006. 539 с.
13. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и дру-

гими. – Спб.: Наука, 2014. 358 с.

14. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.

References

1. Hegel G.V.F. Phenomenology of Spirit. Philosophy of History [Text] / G.V.F. Hegel. – M.: Eksmo, 2007. 880 p.
2. Gulevsky A.N., Gulevskaya N.A. Alienation as a socio-philosophical problem // Philosophy of Law, 2017. № 2 (81). 93 p.
3. Marx K. Economic manuscripts of 1857-1859 (the original version of "Capital") // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 46. Part II. p. 103.
4. Marx K., Engels F. Works. Vol. 42: Economic and philosophical manuscripts of 1844. – M.: 1974. 101 p.
5. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party // Works. 2nd ed. Vol. 4. P. 427.
6. Marx K. Wage Labor and Capital // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. – M.: Politizdat, 1955. Vol. 6. 444 p.
7. Marcuse G. One-Dimensional Man. A Study of the Ideology of the Developed Industrial Society. trans. from English. – M.: 1994. 368 p.
8. Pecherskikh N.A., Pecherskikh S.P. Economic Nature of Man and Corporate Culture // Economics and Management: Problems, Solutions. Higher Attestation Commission, Vol. IX. June 2024. – Moscow: Publishing house "Scientific library", 2024. 193 p., p. 6.
9. Prokofieva D.V. Technological alienation of man and moral dilemmas as its consequences // Bulletin of RUDN. Series: Philosophy. 2019. Vol. 23. № 3. P. 334-345.
10. Smoleva E.O. Social alienation: analysis of theoretical approaches // Issues of territorial development. 2016. Issue 4 (34).
11. Philosophical encyclopedic dictionary / Edited by: F56 L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov – M.: Sov. Encyclopedia, 1983. 840 p. 471-472.
12. Fromm E. Healthy Society. – M.: 2006. 539 p.
13. Foucault M. The Courage of Truth. Managing Oneself and Others. – St. Petersburg: Nauka, 2014. 358 p.
14. Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger; Trans. from German by V.V. Bibikhina. – Kharkov: "Folio", 2003. 503 p.

Попов С.И.*Кандидат философских наук, доцент. Кемеровский государственный медицинский университет.*

Удвоение мира как «архитектурный» принцип метафизики*

Аннотация. Принцип удвоения мира заключен в самом термине «метафизика», обозначающем, прежде всего, свойство духовной жизни человека. Символическое удвоение мира видится довольно естественным для духовной жизни людей, начиная со времен полного господства в ней мифа и религиозных представлений. След такого удвоения сохраняется и в душевной жизни современного человека. Удвоение мира придает его бытию глубину и «пространственную» размерность, снабжая «плоскость» повседневных обстоятельств и смыслов как бы дополнительным реальным «этажом». Философия не оказывается в стороне от естественного процесса душевного и духовного удвоения мира, но пытается продумать его в понятиях. Квинтэссенцией метафизического удвоения мира оказывается философский идеализм, который онтологизирует логическое отношение «общее – частное» и полагает общее самостоятельно существующим в «высшем» измерении бытия. Повседневный порядок вещей тем самым обретает конечное обоснование: оказывается не самостоятельной реальностью, а исполнением высшей реальности в низшем материале.

Ключевые слова: метафизика, онтология, удвоение мира, идеализм, бытие, высшее, низшее, повседневное, профанное.

Popov S.I.*PhD. in Philosophy, Kemerovo State medical University.*

Doubling the World as an «architectural» Principle of metaphysics

Abstract. The principle of the doubling of the world is contained in the very term “metaphysics”, which denotes, first of all, the property of a person’s spiritual life. The symbolic doubling of the world seems quite natural for the spiritual life of people, since the time when myth and religious beliefs completely dominated it. The trace of such a doubling remains in the mental life of modern man. The doubling of the world gives its being depth and “spatial” dimension, providing the “plane” of everyday circumstances and meanings with an additional “floor” of reality. Philosophy does not stand aside from the natural process of mental and spiritual doubling of the world, but tries to think it through in concepts. The quintessence of the metaphysical doubling of the world turns out to be philosophical idealism, which ontologizes the logical relationship “general – particular” and considers the general to exist independently in the “higher” dimension of being. The everyday order of things thereby acquires a final justification: it turns out not to be an independent reality, but to be the fulfillment of a higher reality in a lower material.

Key words: metaphysics, ontology, doubling the world, idealism, being, higher, lower, everyday, profane.

* © Попов С.И., 2025.

Удвоение мира как «архитектурный» принцип метафизики

«Удвоение» мира с головой выдает себя в самом слове «метафизика» (греческое «мета...» означает «за...»), если отвлечься от банальной истории появления этого термина. Мы как бы слышим в нем обещание показать «обратную сторону Луны» – раскрыть нам ту сторону мира, которая скрыта за «физическим», данным нам непосредственно. Откуда берется подозрение, что за «видимым» (фиксируемым физическими, химическими и иными методами) есть что-то более существенное? Не лучший ли путь предлагает позитивизм: считать «физическое» единственным обликом – истиной – реальности? Иными словами, поставим себе задачу попытаться в рефлексии вскрыть основания претензий на метафизический дискурс и выявить основные известные способы содержательного наполнения метафизического «удвоения» мира.

С духовно-символическим удвоением мира человек сталкивался с самого начала своей культурной истории: у всех народов мира были или (и) есть мифы и религии, разделявшие реальность на сакральное и мирское измерения [9]. Э. Дюркгейм различал два периода в жизни австралийских аборигенов. В течение первого племени рассеяны и изолированы, пребывают в трудах и заботах. Во второй период (после сезона дождей) пища заготовлена, забот нет, кланы собираются вместе, и будни сменяются праздником «короббори». Рутина жизни нарушается, наступает лихорадочное оживление, убыстрение темпа жизни, сопровождающееся танцами, приемом наркотизирующих веществ, экстазом, освобождением, разрядкой, в том числе, исчезновением половых запретов. Происходит внутреннее и внешнее (маски, раскраска, татуировки) преобразование в иное – сакральное – существо [3, с. 177]. Отголоски опи-

санного перехода из мирского, профанного состояния в иное, возвышенное качество отмечаем и мы во время самых значимых из наших многочисленных праздников.

Безотносительно к морали, которую Дюркгейм извлекает из описанного им ритуала (обожествление, сакрализация совместного и коллективного существования по отношению к изолированному существованию как профанному и вульгарному), отметим для себя естественность, а также индивидуально-психологическую и социальную необходимость подобного удвоения мира. Институциональные религии, приходящие на смену мифам, теоретически и культово узаконивают описанную выше практическую дихотомию сакрального и мирского, вводя в свой дискурс понятие о высшем мире, трансцендирующем повседневную реальность и повседневное существование.

Произведение вполне светской литературы или кино, чей сюжет строится на указанном разделении, нередко бывает обречено на успех у читателя-зрителя. Так, в фантастическом романе Ф. Дика «Человек в высоком замке» реальность, в которой живут рядовые американцы и которая кажется им привычной, на самом деле оказывается ложной. При этом ее повседневная весомость в книге (а особенно в недавнем одноименном фильме киностудии «Амазон») передана потрясающе мрачно, гнетуще и депрессивно через каждодневные ощущения «маленького человека», живущего в беспрестанных напряжении, тревоге, страхе в полицейском государстве среди неприкрытого произвола, на грани выживания. Суть депрессии улавливается, так сказать, в «закрытости будущего»: у маленького человека в этой реальности нет и не может быть ни малейшего шанса на луч-

шую жизнь, на благоприятный перелом обстоятельств. Тем более странными выглядят «прорывы» иной реальности в этот падший мир.

О другой реальности сообщает книга некоего Абендсена (так и слышится намек одновременно на «абенд» и на «абвер», словом, на конспирологическое измерение), а в сериале – некие непонятно откуда появляющиеся фильмы, стилизованные под документальные. Еще о другой реальности уклончиво сообщает Книга Перемен – И-Цзин. В конце концов смутные подозрения главных персонажей о неподлинности их повседневной реальности меняют их жизни – они начинают действовать, ища ответы на рождающиеся вопросы. В последующих сезонах длинного сериала в подлинность господствующей реальности перестают верить уже ее главные функционеры, поначалу испытывающие только смутное беспокойство в связи с апокрифическими фильмами. Так скрытое, не явленное в каждодневном опыте постепенно обретает и духовную весомость, и эмпирические последствия.

Философия не оказывается в стороне от символического разделения мира на две части и, тем самым, от движения к преобразению сокрытого в несокрытое: хочется думать, что философия в ее сути и есть такой «поход за подлинной реальностью». Философия, наука, психоанализ (так же, как религия и многоликий литературный дискурс) – это попытки обратиться к «изнанке» наружного, повседневного, конкурирующие между собой за претензию преимущественного разъяснения увиденного. Атомизм здесь ничуть не приличнее анатомизма: то же копание в атомно-молекулярной «слизи», скрытой за гладким «кожным» покровом повседневной видимости. Но наи-

более явно философская интенция на выявление скрытого обнаруживается в метафизике и ее квинтэссенции – философском идеализме. Идеализм, объясняя мир, акцентирует нематериальную его причинность; противоположный ему подход оказывается чересчур плоским (Сократ оказался в темнице, поскольку у него есть ноги, которые и привели его туда).

Философский идеализм, как и религия, онтологически (и – с неизбежностью – ценностно) «удваивает» мир, ставя физическое («второе» и «низшее») в связь и зависимость от метафизического («первого» и «высшего»). При этом «высшее» исполняется в «низшем» материале, метафизическое исполняется в повседневном и – никогда – не действует «напрямую», что хорошо знают люди религиозные.

Вопрос, который возникает первым в связи с изложенным: тогда существует ли это «высшее», не вводим ли мы в его лице лишнюю сущность в свою духовную жизнь? Вопрос этот вполне в духе стандартных вопросов метафизики (И. Кант): бесконечен ли мир? (космологический вопрос), существует ли Бог? (теологический вопрос), бессмертна ли душа? (психологический вопрос). Ответ на него в рамках философского идеализма может быть таким: логика предшествует онтологии, логические сущности (общее) – родовые по отношению к эмпирическим (частному), а значит и онтологически первичны по отношению к ним (Платон).

Вспомним две главные платоновские «фишки»: общее («эйдос») существует реально и самостоятельно; оно первично по отношению к частному. Форма («идея») первична по отношению к содержанию («материя»), а реальность двойственна, в чем убеждает, кстати, логическая структура явного

определения сущности чего-либо: левая его часть (определяемое) – это форма («идея»), правая часть (определяющее) – это содержание («материя»). Форма исполняется в содержании, логическое – в онтологическом. Форма – абсолют и абстракция (потенциальность); содержание – исполнение, конкретность, актуальность и, тем самым, искажение идеи. Что мы и видим в любых своих попытках определить существо чего-либо. В таких определениях мы часто с недоумением замечаем неточность, недостаточность, а то и просто бредовость, как в определении свободы в качестве «познанной необходимости». Мифы со временем забываются, религии – критикуются и разоблачаются, литература выходит из моды, но как быть с самим устройством нашего мышления с его двойственностью логического и онтологического? Оно-то всегда с нами.

Идеалистические построения в философии, по сути, воспроизводят сам – «удваивающий» – механизм нашего мышления, который проявлял себя и в религиозном творчестве. Параллели идеализма и религии легко заметны. Отчетливо видно, что философский идеализм в его объективной версии (Г. Гегель) есть как бы сублимированная религия, в которой Бог «высушен» до «Абсолюта», «Мирового Духа», иначе говоря, – до абстракции. Объективный идеализм Платона – тоже в своей сути религия, но языческая, где идеи Справедливости, Блага и др. – самодостаточные обитательницы высшего мира («гиперурунии» – области над небесами), что соответствует политеистической религиозности.

Связь «первого» со «вторым», «высшего» с «низшим» предполагает движение «вниз» (ниспадение, «отчуждение») и движение «вверх»: возвышение, восстановление единства с «первым» и

«высшим», возвращение, преображение.

Вариант ниспадения высшей реальности в неоплатонизме носит имя «эманация» – как бы «изливание энергии» «высшего» без его саморастраты. На ум приходит оптическая метафора: имеется в виду «блеск» Единого, «отражения-образы» которого как бы формируют уровни «второго», «низшего» бытия – мировой ум, мировая душа, неорганический мир. Вторичный и платонически «иллюзорный» характер нашего мира здесь очевиден. Уже у христианских неоплатоников (Блаженный Августин) акцент меняется: «эманация» превращается в «творение», чем тварное лишается иллюзорности, оставаясь при этом производным и зависимым от творца, что порождает кардинально иной, отличный от античного, но столь же метафизический духовный проект – христианскую теологию с ее «изобретением» истории и эсхатологическим напряжением. Наиболее удачный вариант ниспадения, приличествующий именно метафизике, на наш взгляд, отыскивает Г. Гегель: «отчуждение» можно понять как «переодевание» Абсолютной Идеи в сменяющие друг друга образы мирового сущего (природа, человечество, разум, формы общественного сознания, государственные институты) с полным, стопроцентным «вживанием в роль».

Ошибочно думать, что метафизическая «архитектура» ушла в прошлое вместе с самой классической метафизикой. Напротив, в истории философии мы сталкиваемся со своего рода «фокусом», позволяющим сохранить принцип удвоения мира за счет устранения из понимания сути «метафизики» онтологического контекста. Для Г. Гегеля (а за ним и для М. Хайдеггера) это слово синонимично плохой гносеологии – «ограничивающему» (Гегель),

«усеченному» мышлению [6, с. 441]. Последнее своей насильственной властью начинает масштабировать сущее (Хайдеггер) [8]. Вследствие указанной перемены фокуса духовного зрения Dasein М. Хайдеггера, являясь, в отличие от сущностей классической метафизики, опытной данностью (при широком понимании «опыта»), претерпевает, однако, примерно те же метаморфозы, что и Абсолютная Идея Гегеля или Единое Плотина: выступает в многочисленных превращенных, несобственных модусах бытия-с-другими и бытия-в-мире [7].

Считаем важным заметить: в исполнении «высшего» в формах, соразмерных человеческому, нет комплементарности; такое исполнение довольно произвольно. В сериале «Твин Пикс», ставшем событием в мире кино 1990 года, проблеск иерофании тут же начисто смазывается предположением «что-то было подсыпано в пиво», а глубокое религиозное озарение порой легко спутать с наркотическим видением. Эта игра на контрастах кажется художественно продуктивной и вообще правдоподобной. Не так ли происходит и в жизни, где «высшее», если прямо и намекает о себе, то кратковременно, а то и вообще не дает себя созерцать кому-попало?! В теологически насыщенном озорном «шпионском» романе Э. Берджесса «Трепет намерения» звучит тема необходимости в человеческом мире «движухи» и конфликта для существования «высшего»: чтобы оно исполнялось, мы должны во что-то «играть». Предельный вариант некомплементарности исполнения «высшего» в повседневном дают широко сегодня разрекламированные постклассические учения Ф. Ницше и З. Фрейда: в них как раз «низшее» (вина у Фрейда, мстительность у Ницше) исполняется в «высшем» – религиозном пережива-

нии. Отношения «высшего» и «низшего» переворачиваются по сравнению с классической метафизикой: привычное из метафизики «высшее» оказывается симптомом, а привычное из повседневности «низшее» объявляется источником [5]. Но такое постклассическое ценностное «переворачивание» еще убедительнее подтверждает сам «архитектурный» принцип метафизики: есть онтологически первое, и оно исполняется в онтологически же втором, пытаюсь затем с позиций обретенного опыта восстановить свою самость и обогатить ее содержанием, «сняв» тем самым отчуждение от нее (схема 1).

первое (высшее)
ниспадение ↓ ↑ возвращение
второе (низшее)

Схема 1. Общий вариант метафизической «архитектуры» (неоплатонизм, Гегель, Хайдеггер)

сомнительный мир
метод. сомнение ↓ ↑ науч. знание о мире
достоверное «я»
(«робинзон»)

Схема 2. Декартова версия метафизической «архитектуры».

Картезианская версия метафизической «архитектуры», на наш взгляд, уступает основному варианту (схема 1) из-за содержательных моментов декартовского проекта «новой философии» [2]. Ориентация на опыт сознания (принцип «картезианской клетки») радикально разделяет «первое» и «второе». Так что Декарту в целом не удалось пробиться от самодостовренного «я» назад к миру, а Дж. Беркли (который тоже, в общем, картезианец)

пришел к странному взгляду, что Бог порождает мир в моем опыте.

Три следующих приводимых здесь схемы традиционно не считаются имеющими отношение к метафизическим системам, но реализуют тот же «архитектурный» принцип «навыворот», вследствие чего дружно именуется философскими предтечами XX века [4].

скрытая травма
вытеснение ↓ ↑ выявление причины травмы
невротическое переживание

Схема 3. Фрейдова версия метафизической «архитектуры»

мстительность
(рабское сознание)
извращение ценностей ↓ ↑ восстановление ценностей
наслаждение добродетелью

Схема 4. Ницшевская версия метафизической «архитектуры»

хищное общество
(власть частной собственности)
отчуждение труда ↓ ↑ устранение отчуждения
ложное сознание

Схема 5. Марксова версия метафизической «архитектуры»

Наиболее спорной выглядит ницшевская версия. С одной стороны, понимаешь, как это «срамно» – пытаться выглядеть лучше, чем ты есть (нисходящее движение), с другой стороны, понятно, что окружающим гораздо лучше, если, допустим, злодей хотя бы пытается выглядеть приличным человеком. Отсюда, успех в восстановлении истинных ценностей (снятие с них «чар»

добродетели) чреват общественной катастрофой, неудача же приговаривает к личному падению («сраму»).

дореклексивная форма жизни
(русская соборность)
цивилизация ↓ ↑ спасение Запада
рациональность (Запад)

Схема 6. Славянофильская версия метафизической «архитектуры»

Последняя схема иллюстрирует вариант метафизики, очень похожий на основной. Россия символизирует непроявленную, скрытую жизнь духа, западная рациональность – ее падшую, превращенную форму, надежда которой – в приобщении к дореклексивной, как в христианской общине, форме жизни русского крестьянства [1].

Удвоение мира в метафизике имеет, на наш взгляд, безусловно благотворное воздействие на мысль и жизнь. Нам недостаточно посястороннего, профанного измерения реальности («без онтологии, – как говорил М.К. Мамардашвили, – тоска берет за горло»). Кроме того, один из главных атрибутов профанного – его пугающий характер, страх – не успеть: не оказаться вовремя [в нужном месте], готовым к... В результате – «готовишься». В ожидании «расправы» в том или ином ее виде – как правило, медленной и мучительной. Фактически, так из жизни изымается будущее: вместо того, чтобы жить, – готовишься к... Основная функция профанности – пугать и через это делать рабом. Кажется, что без «пугалок» повседневность может быть вполне уютным местом. Но она не умеет без «пугалок», как и мир не умеет быть не профанным. Да, мир исключительно разнообразен. В нем происходит множество забавных или, наоборот, жут-

ких вещей. В нем есть даже Тунгусский метеорит, путешествия на Северный полюс и поиски Земли Санникова. Но... Из всего этого немного можно извлечь. «Продвижение науки» Бэкона выглядит как утешение в условиях вопиющей бессмысленности наших дел по сути. Метафизика предлагает более глубокое утешение: что наш мир, наша профанная среда не есть окончательное измерение реальности, а лишь несовершенное исполнение гораздо более совершенного бытия. Наш мир – процесс и результат его ниспадения, исполнения онтологического качества в онтическом материале. Если применить радиотехническую метафору, наша реальность – модулированный сигнал, где модуляции – повседневные обстоятельства, а несущая – подлинное бытие.

Главный недостаток «двухэтажной архитектуры» метафизики вытекает из ее достоинств. Онтологические структуры исполняются в онтическом – повседневном – материале, вследствие чего все понятия метафизики испытывают «сдвиг» своих первоначальных значений. Свобода оказывается «познанной необходимостью», мировое зло – такой же («воспитательной») необходимостью в рамках дальнего божественного плана, наличный несовершенный мир оказывается лучшим из возможных миров и т.д. В результате возникает соблазн отказаться от «двухэтажной» метафизической «архитектуры» в пользу монизма. Такие попытки в философии можно назвать «позитивизмом» в широком смысле. Речь идет о стремлении использовать для понимания и описания реальности один-единственный язык. В этом смысле Аристотель – «позитивист» по отношению к метафизике Платона, Сартр – «позитивист» по отношению к

«метафизике» Хайдеггера...

Состоятелен ли отказ от метафизики? Возможна ли глубокая философия, построенная на иной архитектуре? Если понимать философию как стремление выявить сущность реальности, то – вряд ли. Периодически случающиеся в истории философии поиски «эмпирических оснований» и единственного языка описания мира, на наш взгляд, философски неглубоки. Если же попробовать выйти за рамки философского дискурса к самой бытийной практике (вариант такой «метафилософии» развивал, на наш взгляд, экзистенциализм), то здесь нам видятся некоторые перспективы, которые, «снимая» дискурсивное удвоение мира, однако, сохраняют его на уровне фундаментально бытийного отношения. Известно, что с XX века прогрессирует иррационалистическое ощущение мира как лишённого смысла. Поэтому художники (М. Дюшан, Ман Рэй и др.) пытаются дать голос «самому бытию» – с помощью экспериментов, визуальных метафор, «поздний» Хайдеггер вслушивается в «зов бытия» в языке поэзии, а отдельные энтузиасты бывают склонны улавливать «блик» чистого бытия в специфически организованном повседневном. Бытие – самая бессодержательная из категорий. Переживание чистого бытия запоминается по сопровождавшим его случайным житейским мелочам. Их же повтор позволяет потом вспомнить поразивший некогда миг. Не так ли запомнились самые значительные мгновения детства? Луна – там, Солнце – там, книга в руках, «Меркурий – во втором доме»... Хотя дело не в Луне, не в Солнце и не в Меркурии. Не потому ли нас так тянет в места, где прошло детство? Не потому ли остаются любезными детские книжки и детские

увлечения? Все это – знаки-приметы «намоленных мест» сознания с их приговорами и храмами, мигами славы и восторга. Подобные «опыты» имеют сходство с религиозно-мистическими переживаниями. Что, думается, не случайно. Религиозность в той или иной ее форме была и есть всегда – просто как стремление человека направиться куда-то еще помимо его незавидного человеческого удела. «Двухэтажная архитектура» реальности понятна и естественна для человека, поскольку каждый день жизни удаляет его от начала бытия и приближает к концу, в то время как вся его деятельность продиктована безумной надеждой затормозить свое падение в пустоту, надеждой на стабильность и предсказуемость его обстоятельств. Ниспадение в повседневное и возвращение к сокровенному – это, как ни крути, главная игра, которая нас занимает. Остальные наши игры выглядят по отношению к ней вторичными и полусерьезными.

Список литературы

1. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 52-60.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения. – СПб.: Наука, 2006. С. 132-185.
3. Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
4. Мамардашвили М.К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) (окончание) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100-115.
5. Ницше Ф. К генеалогии морали // Nietzsche.ru // URL: <https://nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/>
6. Таранов П.С. Анатомия мудрости: 106 философов; жизнь, судьба, учение. В 2-х т. Т. 2. – Симферополь: «Таврия», 1995. 512 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академ. проект, 2015. 460 с.
8. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 63-176.
9. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. 144 с.

References

1. Groys B. The Search for Russian National Identity // Questions of Philosophy. 1992. № 1. P. 52-60.

2. Descartes R. Reflections on First Philosophy, in Which the Existence of God and the Difference Between the Human Soul and Body are Proved // Descartes R. Works. – St. Petersburg: Nauka, 2006. P. 132-185.
3. Ionin L.G. Sociology of Culture: A Textbook for Universities. – Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2004. 427 p.
4. Mamardashvili M.K. Thought Under the Taboo (Conversations with A. Epelbuen) (end) // Questions of Philosophy. 1992. № 5. P. 100-115.
5. Nietzsche F. Towards a genealogy of morality // Nietzsche.ru // URL: <https://nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/>
6. Taranov P.S. Anatomy of Wisdom: 106 Philosophers; life, fate, teaching. In 2 volumes. Vol. 2. – Simferopol: "Tavria", 1995. 512 p.
7. Heidegger M. Being and time. – M.: Academician. project, 2015. 460 p.
8. Heidegger M. European nihilism // Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches. – M.: Republic, 1993. P. 63-176.
9. Eliade M. Sacred and secular. – M.: MSU, 1994. 144 p.

Сирин С.А.

Кандидат философских наук, доцент. ФГБОУ ВО
Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России.

Правовой нигилизм, логика и правосознание: когнитивный анализ*

Аннотация. Автором рассмотрена специфика явления правового нигилизма, а именно негативного отношения к праву и закону, что в современной действительности является чрезвычайно важным вопросом как для юриспруденции, так и для практики государственного управления; выявлено три значений термина - религиозное, философско-мировоззренческое и социально-политическое; проведен когнитивный анализ правового нигилизма и опасности современных подходов при использовании сложных правовых систем в условиях правового пространства Российской Федерации; приведены основные аргументы сторонников и критиков правового нигилизма, различных юридических дисциплин и направлений, а также представлен ряд обоснованных мнений и возражений против его распространения в правовом поле.

Ключевые слова: теория государства и права, правовое поле, когнитивный анализ, правовой нигилизм, право и мораль, правосознание, правовая мотивация, философия права.

Sirin S.A.

PhD in Philosophy, Associate Professor. Irkutsk State Medical University.

Legal nihilism, logic and legal consciousness: cognitive analysis

Abstract. The author examines the specifics of the phenomenon of legal nihilism, namely the negative attitude towards law and law, which in modern reality is an extremely important issue both for jurisprudence and for the practice of public administration; Three meanings of the term have been identified - religious, philosophical and worldview and socio-political; a cognitive analysis of legal nihilism and the danger of modern approaches when using complex legal systems in the conditions of the legal space of the Russian Federation was carried out; the main arguments of supporters and critics of legal nihilism, various legal disciplines and trends are presented, and a number of well-founded opinions and objections against its spread in the legal field are presented.

Key words: theory of state and law, legal field, cognitive analysis, legal nihilism, law and morality, legal consciousness, legal motivation, philosophy of law.

Изменения, происходящие в современном правовом пространстве практически всех стран мира, направлены на формирование общественно полезного, желательного и приемлемого по-

ведения своих собственных граждан. Если мы не уважаем закон, с негативом и внутренним протестом относимся к правилам, установленным государством, не принимаем и не соблюдаем

* © Сирин С.А., 2025.

Правовой нигилизм, логика и правосознание: когнитивный анализ

эти правила, а также игнорируем нормы, принципы и нормы законодательского поведения в праве, то эффективно решить эту проблему становится совершенно невозможно. Ведь соблюдение правовых норм зависит от уровня моральной зрелости и целостности человека и способности развивать правовые ценности, связанные с законностью и порядком.

Современная государственная политика России, согласно мнению А.Н. Юнусовой [7; 8], направлена на развитие правовой грамотности и правосознания народа на основе исторически сложившихся нравственных норм и общепризнанных в обществе духовно-нравственных ценностей в целях обеспечения законного и добропорядочного поведения личности. Система мер, направленных на развитие духовности, нравственности, патриотизма, создание устойчивого гражданского мира и национального согласия, обеспечивает формирование правосознания граждан современной Российской Федерации.

Ситуация в сфере правового поведения в современном обществе не в полной мере отвечает требованиям социальной, правовой и образовательной политики нашей страны. Теоретико-методологические основы отрасли формирования правовых актов недостаточно развиты и нуждаются в решении вопросов эффективной интеграции подрастающего поколения в национально-правовую сферу.

И именно в таких условиях сложилась теория юридической психологии как отдельное научное направление. Однако вопросу правоотношений до сих пор не уделяется достаточного внимания. Как итог, при анализе правоотношений необходимо учитывать когнитивный, коммуникативный и ко-

нативный компоненты.

Когнитивные компоненты правоотношений представлены правосознанием и правовой культурой. Современная юриспруденция еще не провела достаточно глубоких и всесторонних исследований по проблеме правосознания и пока не может удовлетворить всесторонние и систематические требования. Современное правосознание нацелено, преимущественно, на отражение правовой жизни общества, а научные исследования правового сознания личности, групп и общественности отходят на второй план.

Таким образом, правовой нигилизм и правовая реальность, безусловно, связаны, но между ними никогда не может быть истинной или ложной связи, поскольку образ мышления, менталитет и способ понимания картины мира не могут быть единственно истинными или ложными. Картина мира, какой бы устойчивой она не являлась, может быть ошибочной, содержать искажения, а вот феномен нигилизма, по своей сути отрицания, ложным быть не может априори. В обратном случае мы были бы вынуждены признать, что само по себе психологическое поведение отрицания является неправильным психологическим посланием. Это предположение полностью исключит функцию отрицания из поля когнитивной логики индивидуальных рассуждений и мышления - это заведомо неправильная психологическая информация.

Продолжая мысль в отношении связи нигилизма и субъективной реальности, правовую осведомленность можно измерить относительным отношением данных понятий. Высокий уровень развития правосознания индивидов, согласно мнению С. Коха и М. Кьёлстада [11], строится на принципах абсолютной социальной справедливости, юри-

дического удобства и эффективности судебных решений. Как итог, в структуру правосознания входят юриспруденция, правовая идеология и правовая психология. Зрелое правосознание развивается в процессе правовой социализации и формирует положительную правовую установку.

Обычно в юридической литературе изучаются такие виды правосознания, как правовой реализм и правовой нигилизм. Одновременно с этим в современных условиях не существует психологической категории «сознание» и «отношение», позволяющей разделить типы правосознания в правовом поле.

Мотивационная составляющая современных правоотношений проявляется в законном, противоправном или преступном поведении. Правоотношения представляют собой чрезвычайно сложное и многообразное явление. В современной юридической литературе разработано множество классификаций, теоретических концепций и практических подходов. Ряд исследователей [2; 4; 6; 8; 9; 10; 11] использует определения «нравственность» и «мораль», которые преимущественно выступают в качестве синонимом друг друга, на деле же между этими терминами существует множество различий.

По мнению Г. Гегеля [3] «мораль» имеет тесную связь с определением «воля». Если закон налагает запреты, то мораль активно определяет отношение своей воли к воле других. Мораль касается внутренних отношений между волей и самой собой. Действия выступают отображением моральной воли. Мораль также преимущественно имеет благие намерения. Г. Гегель логически и убедительно подтвердил связь права и человеческого разума, прежде всего его связь с человеческой волей, моралью и этикой.

При взаимодействии психологии с правом форма должна быть наполнена содержанием, т.е. право выражает нравственный идеал поведения. Однако стоит отметить, что полное подчинение права человеческой психологии является крайним.

Таким образом, рассматривая юридическую психологическую теорию в контексте правоотношений через призму нигилизма, мы приходим к выводу, что юридическая психологическая теория имеет основополагающее значение для анализа природы эмоций и их роли в поведении человека.

По многим причинам правовой нигилизм был самой хрупкой частью социального дизайна на протяжении всей российской истории. Анализ динамики его развития показывает, что эта проблема становится более серьезной в условиях классового общества, в периоды социального реформирования и социальных потрясений. Возврат капитализма закономерно приведет к возникновению жесточайшего правового цинизма, нигилизма, законодательного лоббирования классовых интересов, развития организованной экономической преступности.

Итак, вернемся к тому, что когнитивный компонент любой социальной установки - это сумма знаний, опыта, мыслей, убеждений и других интеллектуальных компонентов, сформированных социальным познанием, особенно «они» и «мы», которые люди узнают на основе «различий» и двойственной оппозиции «свой»/«чужой».

Согласно этому положению, у каждого индивида или же любой социальной группы есть своя персональная система, где все они оснащены единым психологическим механизмом подчеркивания несогласия и оппозиции и полное отсутствие оппортунизма.

В отношении же ключевых элементов когнитивной составляющей нигилистических социальных установок, то ими являются предрассудки и стереотипы, утверждения логически необоснованные и необоснованные, а зачастую иррациональные.

Например, по мнению Р. Берона и Д. Ричардсона [12], ключевой особенностью таких механизмов, как ксенофобия и расизм, является предвзятость, то есть негативное отношение к представителям определенной социальной группы просто по причине их расовой дискриминации.

По мнению Н.П. Андреевой [1], механизмы развития предубеждений позволяют человеку эмоционально реагировать на кого-то, кто не несет причинной ответственности за возникновение этой реакции.

Отмеченные выше механизмы часто используются при пропаганде этноцентризма и предрассудков (стереотипов). Это называется психологическим смещением. Этот процесс можно свести к выражению чувств и эмоций, и в этом случае можно достичь значительной пользы или безопасности.

Д.И. Лыткина отмечала [5], что человек использует психологическое смещение как сознательно (для перекладывания вины за свои собственные неудачи), так и неосознанно (как механизм психологической защиты). Психологическое перемещение следует понимать и как свойство индивидуальной психологической деятельности, и как свойство коллективных процессов, охватывающих массы. Это позволяет перенаправить человеческую агрессию на объекты, не связанные с причиной этих негативных эмоций. Предрассудки, основанные на искаженных (неполных) знаниях, возникают в отношении всех видов объектов (животных и людей,

идей и вещей).

По мнению Е. Гофмана [9], предрассудки и стереотипы как когнитивные компоненты нигилистических социальных установок способствуют возникновению явления стигматизации.

Социальную стигму он определил как атрибут, дискредитирующий владельца в глазах окружающих по сравнению с «нормальными» людьми. Стигма возникает, если человек каким-то образом (чертой) отличается от доминирующей социальной нормы и если его оценивают негативно. С помощью этого ритуала личность человека затем оценивается через призму этого параметра. В этом случае личность терпит дегуманизацию в глазах оценщика. Как итог, стигма определяет отношение общества к человеку. В связи с этим мы можем представить себе континуум, выражающий различное поведение, связанное с этими людьми, - от нейтрального (например, молчание, пренебрежение и т.д.) до крайне негативного (насилие, неприятие). Среди различных промежуточных вариантов поведения анализируемого континуума следует подчеркнуть нигилистическое отвержение, изоляцию и дискриминацию.

Эмоциональная составляющая нигилистических социальных установок выражается через категории враждебности и фрустрации. Достаточно сложная эмоционально-когнитивная черта или направленность личности «враждебность» включает в себе огромное число эмоций, импульсов и эмоционально-когнитивных структур.

По мнению К. Изарда [10], между враждебностью и фрустрацией существует четкая взаимосвязь. В ситуациях фрустрации и потери смысла может формироваться целый комплекс отрицательных эмоций, а именно триада

враждебности, включающая чувства гнева, презрения и отвращения. Именно в результате активации этой триады возникают враждебность и ненависть, характеризующие субъект ксенофобии.

В современных условиях, по мнению Л.К. Фортовой [6], явление правового нигилизма часто появляется в «повестке дня» общественного развития, что показывает его самовоспроизводимость, а также его познавательные и сущностные характеристики, такие как устойчивость, закономерность, периодичность, историчность.

Выстраивание социально-правовой закономерности реализации нигилизма может дать определенную научно-теоретическую основу специфическому идейному явлению нигилизма, выправить круговорот нигилистических тенденций в общественном сознании и общественно-политических ситуациях.

Отдельно следует отметить, что наметившаяся тенденция замены права «политической целесообразностью» не только делает реальностью иллюзии прошлого, но и несет угрозу будущему российского государства. Так как и в современных реалиях существует реальная угроза перехода от привычного, повседневного произвола, пренебрежения законами и другими социальными нормами к потере контроля, анархии и государственному развалу (предполагающему национальную катастрофу).

В современных же условиях наше общество редко ведет диалог о вариантах решения правовых вопросов, связанных с пресечением преступного поведения в общественных местах. По мнению Ю.Г. Ершова [4], некоторые граждане считают, что проблему преступности и распространения правового нигилизма в обществе возможно решить путем ужесточения наказаний и снижения возраста привлечения к

ответственности; другие связывают криминогенную ситуацию в стране с низким уровнем доходов граждан или неблагоприятными семейными условиями; третьи считают, что с правовым нигилизмом в стране необходимо бороться путем оказания бесплатной психологической и юридической поддержки гражданам, пропаганды и популяризации правовой культуры в обществе.

По мнению В.В. Андрейченко [2], несмотря на серьезность ситуации, решение проблемы правового нигилизма не является невыполнимой задачей. Согласно его мнению, необходимо принять, что корень и глубинная причина кроются главным образом в присущем русскому народу слабом правосознании, и действовать исходя из этого. Он считает, что российский правовой нигилизм - это своего рода результат «обиды» на представителей закона, преимущественно, являющейся последствием депрессивности отечественной правовой реальности [2].

В заключение хотелось бы отметить, что уважение к закону, знание правовой системы Российской Федерации, основных законодательных актов, прав и свобод личности, ответственное и позитивное социальное поведение членов общества и выражение правового поведения являются основными целями современной социально-государственной политики. Формирование правового поведения в гражданской среде необходимо рассматривать с точки зрения стратегии национальной политики и реализовывать через юридическое воспитание и обучение подрастающего поколения.

В современных условиях преодолеть проблему правового нигилизма способна правильно подобранная правовая мотивация граждан.

Основная роль в развитии правовой мотивации отводится преподавателям, реализующим дисциплины юридического цикла. От них зависит изначальный интерес граждан к правовой сфере жизни, понимание общественного и личного значения правовых актов, постоянная пополняемость и укрепление юридическо-правовых знаний, зарождение и проявление интереса и заботы к новым общественно значимым законопроектам.

Можно резюмировать, что перво-степенным шагом в борьбе с неуважением к закону должен стать идеологический сдвиг. В этой связи большое значение имеет повышение правовой грамотности всего народа, правовой культуры законодателей. И главным здесь выступает выстраивание и привитие национальной правовой культуры как венца цивилизационного развития, в том числе борьба с правовым нигилизмом.

Список литературы

1. Андреева Н.П. Формирование социально-культурных коммуникаций в качестве инструментария урбанистики // Социальная антропология города: культурное, социальное и хозяйственное пространство. 2019. С. 128-130.
2. Андрейченко В.В. и др. Сферы и области распространения правового нигилизма и способы его преодоления // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 319-331.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль. 1990. 524 с.
4. Ершов Ю.Г. Правовой нигилизм: меры противодействия // Социум и власть. 2014. № 4. С. 80-84.
5. Лыткина Д.И. Правовой нигилизм. Определение, признаки и пути преодоления // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 502-505.
6. Фортгова Л.К. Модель воспитания правовой культуры студентов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 2 (119). С. 200-206.
7. Юнусова А.Н. Педагогическая система формирования правомерно го поведения обучающихся // BONUM INITIUM. Симферополь: РИО КИПУ имени Февзи Якубова. 2023. № 17 (25). С. 184-189.
8. Юнусова А.Н. Моделирование процесса формирования правового поведения обучающихся // Обзор педагогических исследований 2023. № 8. С. 9-12.
9. Goffman E. Stigma. Penguin Books Ltd. 1990. 144 p.
10. Izard C. Human emotions. – New York: Plenum Press.

1977. 495 p.

11. Koch S., Kjolstad M. Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures // Springer Nature. 2023. 1170 p.
12. Richardson D.R., Baron R.A. Human aggression (perspectives in social psychology). Springer. 2004. 444 p.

References

1. Andreeva N.P. Formation of socio-cultural communications as a toolkit of urban studies // Social anthropology of the city: cultural, social and economic space. 2019. P. 128-130.
2. Andreychenko V.V. et al. Spheres and areas of distribution of legal nihilism and ways to overcome it // Stolypin Bulletin. 2020. № 2. P. 319-331.
3. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. – M.: Mysl. 1990. 524 p.
4. Ershov Yu.G. Legal nihilism: countermeasures // Society and power. 2014. № 4. P. 80-84.
5. Lytkina D.I. Legal nihilism. Definition, signs and ways to overcome // Bulletin of science. 2023. № 6 (63). P. 502-505.
6. Fortova L.K. Model of education of legal culture of students // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2023. № 2 (119). P. 200-206.
7. Yunusova A.N. Pedagogical system of formation of lawful behavior of students // BONUM INITIUM. Simferopol: RIO KIPU named after Fevzi Yakubov. 2023. № 17 (25). P. 184-189.
8. Yunusova A.N. Modeling of the process of formation of legal behavior of students // Review of pedagogical research 2023. № 8. P. 9-12.
9. Goffman E. Stigma. Penguin Books Ltd. 1990. 144 p.
10. Izard C. Human emotions. – New York: Plenum Press. 1977. 495 p.
11. Koch S., Kjolstad M. Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures // Springer Nature. 2023. 1170 p.
12. Richardson D.R., Baron R.A. Human aggression (perspectives in social psychology). Springer. 2004. 444 p.

Гирник М.Н.

Кандидат философских наук, доцент.
Российский Государственный Университет имени А.Н. Косыгина.

Природа самоорганизации общества: некоторые основания и следствия*

Аннотация. В статье рассматриваются модели упорядочивания социальной жизни и структурирования общества, процессы формирования социального сознания, а также приверженность политической власти и культуры вертикальной иерархической модели организации общества.

Установлено, что особое значение в процессе самоорганизации приобретают социокультурные ресурсы, а также осознание препятствий на пути становления максимально эффективно функционирующего российского общества.

Автор отмечает, что именно конституционное законодательство становится тем уникальным в своем роде юридическим актом, который человечество создает в ходе понимания природы социальной самоорганизации.

Ключевые слова: власть, доверие, иерархичность, конституционное законодательство, культура, обряды, общество, солидарность, самоорганизация, традиции, ценности.

Girnik M.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Russian State University.

The nature of society's self-organization: some reasons and consequences

Abstract. The article examines the models of ordering social life and structuring society, the processes of forming social consciousness, as well as the commitment of political power and culture to a vertical hierarchical model of society organization.

It has been established that socio-cultural resources, as well as awareness of obstacles to the formation of a maximally efficient Russian society, acquire special importance in the process of self-organization.

The author notes that it is the constitutional legislation that becomes the unique legal act that humanity creates in the course of understanding the nature of social self-organization.

Key words: power, trust, hierarchy, constitutional legislation, culture, rituals, society, solidarity, self-organization, traditions, values.

Мир в высшей степени нестабилен в своих непрерывных изменениях: об- растая структурным многообразием, он приобретает невероятные формы слож-

ности. Более того, по мнению И. Приго- жина, будучи разомкнутой, Вселенная развивается не монотонно, она устрем- ляется в бесконечность [11]. В таком

* © Гирник М.Н., 2025.

Природа самоорганизации общества: некоторые основания и следствия

потоке перемен, по утверждениям А. Тоффлера, способно существовать лишь человечество, преодолевая состояние «футурошока»¹ [12]. Укрепившись в подобной плоскости рассуждений, согласимся принять процедуру самоорганизации общества, предложенную Е.Н. Ярковой: речь идет, во-первых о диалектическом существовании противоположностей – дифференциации и интеграции, о паритетном взаимодействии центробежного и центростремительного, и, во-вторых, привнесении в вышеуказанное взаимодействие метафизических отклонений, о чем свидетельствует история становления общества и культуры [16, с. 153-152].

Известно, что история изучения интересующего нас феномена начинается приблизительно с 60-х годов прошлого века, когда социальное пространство рассматривалось как система², обрстая к началу XXI века новыми подходами³.

1 Согласно Э. Тоффлеру, «футурошок – это состояние ошеломляющей растерянности, вызванной стремительным темпом перемен, активно реагирующее на такого рода перемены, соответственно, постоянно формирующее новые, отвечающие сложившейся сложности и разнообразию мира стратегии жизнедеятельности» [12, с. 94].

2 *Parsons T.* «Interaction» and «Social Systems» // In: *The International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York : McGraw-Hill, 1968; *Kaufman S.A.* *Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution*. Oxford : Oxford University Press, 1992; *Leydesdorff L.* Is society a self-organizing system? // *Journal for Social and Evolutionary Systems*. 1993. № 16. P. 331-349; *Luhmann N.* *Socialsystems*. Stanford: Stanford University Press, 1995; *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. 573 с. (библиографический список цит. по: *Келасьев, В.Н.* Самоорганизация общества и механизмы ее активизации / В.Н. Келасьев, И.Л. Первова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 65.

3 Более подробно об этом соответственно см: Цой Л.Н. Социальная организация и самоорганизация: конфликты и развитие личности // *Мир психологии*. 2011. № 2. С. 96-108; *Takatoshi, I.*

По мнению В.Н. Келасьева, обобщенная модель самоорганизации, в которой общество было бы представлено «в разнообразии его многомерных качеств», а также раскрывающая «динамику становления самоорганизационных процессов и механизмы влияния на них», еще не создана. Важно, изучая феномен самоорганизации общества, подразумевать в его структуре не только очевидные элементы (субъекты) и различные формы рефлексии, но и механизмы «достаточно неочевидные, недоступные внешнему наблюдению» [5, с. 65].

Взяв за основу такую модель понимания общества, В.Н. Келасьев утверждает, что следствием четко работающей самоорганизации (при условии функционирования всех механизмов саморазвития⁴) являются: согласова-

Self-Organization and Society // Agent-Based Social Systems. 2008. Vol. 5. XIV; *Glaserfeld E. von Who Conceives of Society? // Constructivist Foundations*. 2008. № 3 (2). P. 59-104; *Басов Н.В.* Становление и развитие инновации в процессе социальной самоорганизации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11. № 4. С. 185-204; *Hargreaves A.* *Teaching in the knowledge society: education in the age of insecurity*. New York: Teachers College Press, 2003. 230 с.; *Katalinic B.* Knowledge based society // *Annals of DAAAM for 2010 & Proceedings of the 21st International DAAAM Symposium*. 2010. Vol. 21. № 1; *Leydesdorff L.* Annual Review of Information // *Science and Technology*. 2010. № 44. P. 367-417; *Strydom P.* Toward a global cosmopolis? On the formation of a cosmopolitan cultural model // *Irish Journal of Sociology*. 2012. Vol. 20.2. P. 28-50. (библиографический список цит. по: Келасьев, В.Н. Самоорганизация общества и механизмы ее активизации / В.Н. Келасьев, И.Л. Первова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 65).

4 К механизмам саморазвития можно отнести часть социальных ценностей и ориентиров, которые, не получив прямого нормативного оформления, исторически закрепляются в виде обычаев, но при этом они «не выпадают из сферы пристального государственного внимания». На диалектическое единство закона и обычая указывает Р. Лукич: «Обычай – один из лучших методов правотворчества: он демократичен, надежен, полностью адекватен регулируемым отношениям».

ние интересов социальных субъектов (1); равноценная социальная рефлексия (2)⁵; ее (социальной рефлексии) обратное воздействие на существование индивидов и социальных групп [5, с. 66].

Подобная позиция вполне имеет право на существование, тем более, что она не идет вразрез с мнением Ю.М. Малараевой и И.А. Кушнарченко. Например, в публикации «Самоорганизация общества как проявление глобального универсально-эволюционного процесса» авторы отмечают, что «окружающий нас мир включен в универсальный процесс самоорганизации», который по предложению Н.Н. Моисеева, возможно вписать в дарвиновскую триаду – изменчивость, наследственность, отбор. В такой системе координат законы и обычаи – это социальные принципы отбора, поддерживаемые государством (1); природа общества и государства раскрываются в своем противоречии (2); неприятие (подавление) механизмов наследственности (изменчивости) – фактор деградации и распада общества и государства [7, с. 67].

Скажем, к препятствиям на пути становления максимально эффективно функционирующего российского общества⁶ исследователи В.Н. Келасьев

ям, затрагивает имеющие существенное значение проблемы и дает их решение в долгосрочной перспективе» [цит. по 7, с. 66].

5 Социальная рефлексия – главный активизатор работы самоорганизационного цикла; ее методы адекватны, своевременны и эффективны [более подробно см 5, с. 71].

6 Для того, чтобы снять эти препятствия, желательно получить ответы на следующие вопросы:

- как повысить адекватность процессов рефлексии;
- как увеличить число инициативных, активных граждан;
- как вычленивть признаваемые большинством членов общества критерии самоорганизации;
- как сделать общественное мнение активизатором самоорганизационного цикла;

и И.Л. Первов отнесли следующее: неприятие гражданских позиций⁷, неравноправная коммуникация власти и населения; сдерживание самоорганизационных процессов во внешней среде и пр. [5, с. 68]. По мнению И.А. Григорьевой, Россия находится в поиске «целей развития социума и оптимального баланса трех секторов общества: государства, рынка, добровольных организаций и территориальных сообществ» [3; 4; цит. по 5, с. 69-70].

Для того чтобы расширить знания о природе интересующего нас феномена, обратимся к теоретизациям А.Я. Флиера: изложенные в работе «Власть и культура: самоорганизация общества по модели вертикальной иерархии», они были опубликованы в 2021 году (уточним, что модель В.Н. Келасьева и И.Л. Первова прошла десятилетнюю, а Ю.М. Малараевой и И.А. Кушнарченко восьмилетнюю апробации).

Итак, А.Я. Флиер утверждает, что стремление власти к упорядочиванию общественных отношений вполне оправдано, поскольку «упорядоченной и структурированной реальностью проще управлять. Порядок всегда удобнее хаоса, и управление им более эффективно и системно». На самых ранних стадиях своего формирования, изобретая политическую власть, человек руководствовался интересами практической самоорганизации [13, с. 1].

Согласно модели А.Я. Флиера, систематизация внутри культуры про-

– как превратить креативный потенциал, исходящий от различных социальных групп, в активизатор самоорганизационного цикла;

– как выявить возможные активизаторы самоорганизационных начал в обществе;

– как нейтрализовать возникающие барьеры действия данных активизаторов и т.д. [подборка вопросов цит. по 5, с. 68]

7 Имеются в виду ситуации, когда позиция гражданина не доводится до уровня управленческих решений и законодательных актов.

исходила стихийно, следуя законам развития явлений, связанных «с общей тенденцией природы к упорядочиванию⁸ материи». И, далее, «...культурное саморегулирование⁹ оставалось единственным организатором практического социального поведения людей и основной формой социальной упорядоченности их жизни». Автор исследований проводит другое сравнение между устройствами культуры¹⁰ и власти: задача культуры – упорядочивание и удовлетворение интересов индивида (социальных, интеллектуальных, эмоциональных, информационных), тогда как власть берет на себя миссию охранения интересов всего коллектива (преимущественно политических и экономических) [13, с. 2-3].

Однако, при всех своих природных различиях культура и власть, будучи бинарными оппозициями, управляют

8 Упорядоченное более выносливо к воздействию внешнего, нежели то, что устроено хаотично.

9 Более того, по мнению А.Я. Флиера, «культуру никто не изобретал», поскольку она есть «специфическая форма человеческих взаимодействий и коммуникаций, имеющая адаптивную природу, складывавшаяся постепенно по мере биологического становления человеческого вида [13, с. 2].

10 А.Я. Флиер в своих теоретизациях поднимает вопрос об устойчивости культур, он отмечает, что до сих пор не разъяснены факторы их устойчивости. В тексте статьи приводится ряд примеров, скажем, «в XVII веке гасконцы фигурировали как отдельный народ, живший на юго-западе Франции и имевший самостоятельный язык. К настоящему времени они практически ассимилировались во французах. В позднем средневековье самостоятельными народами были бретонцы и провансальцы. Где они сейчас? И они ассимилировались во французах преимущественно по причине вхождения в единое французское национальное государство. Вместе с тем, до сих пор сохраняются некоторые народы, веками не имевшие собственной государственности (например, чехи, венгры, фламандцы, каталонцы, баски). Очевидно, самобытного потенциала их культуры хватало на то, чтобы противостоять ассимиляции. Почему? Непонятно» [об этом более подробно см 13, с. 3].

социумом, дополняя друг друга: культура систематизирует «межличностные взаимодействия и коммуникации людей» не менее эффективно, чем представители политики; более того, культура фундаментально устойчива, а власть пластична и адаптивна (изменчива). Подчеркнем их бинарность: во-первых, методы управления – власть награждает¹¹ за правильное поведение и наказывает¹² за неправильное.

Напротив, культура воздействует психологически, формируя общественное мнение одобряющего или осуждающего свойства. Во-вторых, данные бинарии принимают общую схему социального устройства, основанную на принципе вертикальной иерархизации. В-третьих, интерес власти в большей мере сосредоточен на том, чтобы социумом было бы удобно управлять, культуре, напротив, важна социальная устойчивость к условиям среды и ее преобразованиям. В конечном счете, данные бинарии интегративно поддерживают и социальную регуляцию, и общественное управление [13, с. 3-4, 6].

Для полноты нашего анализа представляется значимым обратить внимание на акценты, расставленные в еще одной современной нам модели социальной самоорганизации: в ней детально исследуются «качества человеческих отношений» как основа процессов самоорганизации и гражданской активности. Речь идет о работе Д.В. Хрипковой «Социокультурные ресурсы самоорганизации и гражданской активности современного общества: региональный аспект» (опубликована в 2020 году), когда объектом пристального изучения становится человеческий

11 Имеется в виду награждение материальное, связанное со статусом, другое лишь произвольно.

12 Суть наказания – лишение жизни, свободы, материальных средств, статуса.

капитал¹³. Человеческий капитал или, в терминологии Д.В. Хрипковой, социокультурный ресурс, есть нечто базовое, более того, стабилизирующее социокультурные комплексы, скрепляющих это общество. В таком случае самоорганизация представляется процессом достижения согласия между жителями, «установления отношений взаимного доверия, поиска различных форм конструктивного сотрудничества между различными группами в условиях объективно существующей социальной дифференциации» [14, с. 64].

По мнению Д.В. Хрипковой, наше общество испытывает недостаток в ценностях солидаристской природы: состояние индивидуализма в нем сочетается с преобладанием осторожности и осмотрительности, а также сравнительно низок уровень доверия как на межличностном, так и на институциональном уровнях. Автор исследования

13 В работе приводятся результаты социологического исследования, позволяющего сопоставить ценностные основания гражданской активности и современные тенденции взаимоотношений в обществе. В частности, ставилась задача выявить ценности доминирующей природы и их роль в стимулировании практик самоорганизации и гражданской активности.

По мнению Д.В. Хрипковой, «распределение ответов оказалось весьма тревожным». К примеру, на вопрос «Какие из перечисленных ценностей, на Ваш взгляд (в контексте гражданской активности), наиболее важны для функционирования современного общества? (5 основных)» ответы распределились следующим образом: «ответственность» (66,67%), «солидарность» (55,33%), «доверие» (46,67%), «справедливость» (46,67%), «взаимное уважение» (36,67%). На вопрос «Какие из перечисленных ценностей, на Ваш взгляд, преобладают в современном обществе (5 основных)» были получены следующие ответы: «индивидуализм» (83,33%), «осторожность и осмотрительность» (80,00%), «богатство» (43,33%), «независимость» (23,33%), «безопасность» (16,67%). Об этом более подробно см: Хрипкова, Д.В. Социокультурные ресурсы самоорганизации и гражданской активности современного общества: региональный аспект / Д.В. Хрипкова // Управление городом: теория и практика. – 2020. – № 4 (38). – С. 64-67.

указывает на необходимость восстановления связей любого уровня (институциональных, межличностных) на основе доверия, солидарности, социальной ответственности и пр. [14, с. 67].

В поддержку институционализации высказывается Н.М. Мамедова, поскольку основа преемственности обеспечивается «взаимосвязанными принципами – кодифицированием поступка и закона» [8, с. 73]. Согласно Н.М. Мамедовой, развитие гражданского общества, в условиях охраняемой законом частной жизни, способствует максимальной реализации личностных знаний и способностей [9, с. 45]. Необходимо понимать, что позитивные тенденции в развитии социальной реальности не представляются возможными без глубинного осмысления феномена культурной идентичности, поскольку самоорганизация в виде гражданского общества является не только свободным волеизъявлением, но и предполагает добровольное принятие ряда обязанностей, целесообразно вмененных своим членам. В свою очередь, проживание социальной идентичности¹⁴ «придает личности самореферентность. Ощущение собственной аутентичности, чувство доверия, самотождественности “Я” создает базовое состояние онтологической безопасности» [9, с. 46-47].

Осмысление даже незначительного

14 Социальная идентичность – это осознание, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям (семье, малой группе, классу, народу, территориальной общности, государству, общественным движениям, человечеству в целом) [9, с. 46].

Успешное формирование социальной идентичности, по утверждениям М.Р. Москаленко есть основание для снятия социальных противоречий самого различного плана, которые сочетаются с такой опасной тенденцией, как кризис позитивной национальной идентичности, состояние духовного вакуума, ценностного разброда и отсутствия, как таковой, консолидирующей национальной идеи [10, с. 170].

ряда моделей и подходов к пониманию природы социальной самоорганизации позволяет понять, каким образом человечество шаг за шагом, с учетом колоссальных потерь и находок в самых различных сферах деятельности, с многовековой историей взлетов и падений приходит к необходимости формирования именно конституционного законодательства. Действительно, мировое сообщество солидарно в том, Конституция есть уникальный в своем роде юридический акт¹⁵, который фиксирует идеи и принципы, характеризующие вектор развития конкретного общества, он интегрирует базовые принципы экономики, политики, социальной сферы, государства и права.

Мировое научное сообщество работало и продолжает осуществлять многочисленные исследования на предмет осмысления истории и практики этого наиважнейшего документа, определяющего полномочия и ограничения правительства, права и обязанности граждан, основу для управления страной.

Благодаря конституционному законодательству вырабатывались принципы народного суверенитета, верховенства закона и ограниченного правительства, за гражданами закреплялось право голоса в том, как ими управляют, таким образом подчеркивая важность личной свободы [2, с. 150]. В конечном счете, Конституция, регулирует социальное пространство, аккумулирует важнейшие векторы внутренней и внешней политики государства: на-

15 Понятия «конституционализм» и «конституция» не равнозначны: конституция есть единый правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий права и свободы граждан; конституционализм – это теория конституции как таковая, история и практика конституционного строительства, этапы развития мирового сообщества в целом [15, с. 153].

деленная высшей юридической силой, она отслеживает все сферы общества, охраняя интересы и каждого гражданина, и государства в целом.

В работе «Роль Конституции в жизни общества: актуальные вопросы» Ю. Черменская и Д. Зайкова отмечают: в условиях глобализации становится очевидным, что «каждое государство, которое считает себя цивилизованным имеет свою Конституцию». При этом авторы уточняют, что все современные конституции¹⁶ содержат два главнейших аспекта регулирования: во-первых, «провозглашение и гарантирование прав и свобод человека и гражданина»¹⁷; во-вторых, принципы

16 От всех других правовых актов конституцию отличает: а) особый субъект, которого она устанавливает или от имени которого она принимается; б) учредительный, первичный характер конституционных установлений; в) всеохватывающий характер конституционной регламентации, то есть всех тех сфер общественных отношений, воздействие на которые она распространяет; и г) особые юридические свойства (легитимность, прямое действие, итоговый характер предписаний, перспективность, преемственность, реальность, стабильность, верховенство и др.) [об этом более подробно см: Эбзеев, Б.С. Конституция. Демократия. Права человека / Б.С. Эбзеев. – М., 1992. – 876 с., с. 564; цит. по 15, с. 153].

17 Понятие свободы тесно связано с понятием достоинства, которое, согласно М.Р. Москаленко, чаще всего трактуется как «абсолютная ценность морально автономной и уникальной личности. Потому оно определяет независимость, свободу и связанную с ними личную (прежде всего, перед собственной совестью) ответственность.

В научно-юридическом и конституционно-правовом смысле достоинство – это субъективная внутренняя оценка собственных духовных качеств, уважение определенных личностных качеств в самом себе, осознание своего общественного значения в социальной среде [более подробно см: Липатова, С. Понятие чести и достоинства в российском праве [Электр. ресурс]: www.lawn-life.ru/arch/98_Lipatova.doc].

В Конституции Российской Федерации о достоинстве личности говорится отдельно: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 21 ч. 1). В гражданском праве достоинство – одно из тех нематериальных благ (ст. 150

организации государственной власти, определение основ конституционного строя, форму государства (форму правления, государственного устройства и др.)» [15, с. 152-153].

В качестве примера, подчеркивающего национальный смыслообразующий характер Основного закона Российской Федерации, напомним отношение общества к поправкам, осуществляемым в ходе конституционной реформы 2020 года: по мнению А.А. Колесниковой, «кардинальные изменения в конституции в 2020 году были итогом достаточно серьезно ушедшего вперед в развитии российского общества и государства» [6, с. 147].

В этой связи напомним, что блок социальных поправок поддержали более 90% опрошенных граждан, поскольку данные поправки влияют на расстановку ценностей на государственном уровне; 87% голосующих поддерживали конституционные изменения, затрагивающие сферу культуры [1; 6, с. 148]. Подобное реагирование на поправки лишний раз свидетельствует о том, что Российская Федерация – государство правовое, кроме того, мы живем в условиях построения гражданского общества – своего рода флагамена социальной самоорганизации.

Рассуждая о факторах эффективной самоорганизации, необходимо учитывать, что современное социальное пространство является системой достаточно сложной, поскольку сочетает в себе одновременно «механизмы низовой самоорганизации и административно-принуждения извне», и «институты непосредственной демократии и граж-

данского общества и давление государственной вертикали власти» [10, с. 171]. Указанное сочетание весьма противоречиво, оно напрямую определяется множеством факторов, в числе которых уровень культуры, степень политической стабильности, состояние экономики; именно их совокупность и определит вектор дальнейшего становления конкретного социума.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Байимова С. Роль Конституции в современном обществе / С. Байимова, А. Атаева, Г. Гараев // *Cognitio Rerum*. 2023. № 5. С. 149-151.
3. Григорьева И.А. Развитие социальной политики в России в 1990-2000-х годах // *Мир России*. 2013. № 1. С. 132-154.
4. Григорьева И.А. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // *Журнал исследований социальной политики*. 2007. № 1. С. 7-24.
5. Келасьева В.Н. Самоорганизация общества и механизмы ее активизации / В.Н. Келасьева, И.Л. Перлова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 65-73.
6. Колесникова А.А. Конституционная реформа 2020: причины и следствия поправок для правового общества России / А.А. Колесникова, Ю.О. Крылова // В сборнике: *Права человека: история, теория, практика*. Девятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. – Курск, 2020. С. 147-149.
7. Малараева Ю.М. Самоорганизация общества как проявление глобального универсально-эволюционного процесса / Ю.М. Малараева, И.А. Кушнаренко // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2016. № 1. С. 65-69.
8. Мамедова, Н.М. *Культура: традиции и современность* / Н.М. Мамедова. – М.: РФО РАН, 2009. 159 с. С. 73.
9. Мамедова Н.М. Самоорганизация общества и самоопределение личности // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2014. № 43. С. 43-47.
10. Москаленко М.Р. Идея права на достойное человеческое существование как фактор самоорганизации общества и национальной безопасности России / М.Р. Москаленко, Е.М. Кропанева // *Вестник университета*. 2014. № 7. С. 170-174.
11. Пригожин И. *Время, хаос, квант: К решению парадокса времени* / И. Пригожин, И. Стенгерс; [Пер. Ю.А. Данилова]. – Москва: Прогресс, 1999. 265, [1] с.
12. Тоффлер Э. *Футуршок* : [Перевод] / Э. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. 461 с.

13. Флиер А.Я. Власть и культура: самоорганизация общества по модели вертикальной иерархии // Культура культуры. 2021. № 1. // URL: <http://cult-cult.ru/power-and-culture-self-organization-of-society-according-to-the-model-of-vertica/>.
14. Хрипкова Д.В. Социокультурные ресурсы самоорганизации и гражданской активности современного общества: региональный аспект // Управление городом: теория и практика. 2020. № 4 (38). С. 64-67.
15. Черменская Ю. Роль Конституции в жизни общества: актуальные вопросы / Ю. Черменская, Д. Зайкова // В сборнике: Право, экономика и управление. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Главный редактор Э.В. Фомин. 2020. С. 152-154.
16. Яркова Е.Н. Механизмы самоорганизации общества и культуры: от прошлого к будущему // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 152-158.
13. Flier A.Ya. Power and culture: self-organization of society according to the model of vertical hierarchy // Culture of culture. 2021. № 1. // URL: <http://cult-cult.ru/power-and-culture-self-organization-of-society-according-to-the-model-of-vertica/>.
14. Khripkova D.V. Sociocultural resources of self-organization and civic activity of modern society: regional aspect // City management: theory and practice. 2020. № 4 (38). P. 64-67.
15. Chermenskaya Yu. The role of the Constitution in the life of society: topical issues / Yu. Chermenskaya, D. Zaykova // In the collection: Law, Economics and Management. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Editor-in-chief E.V. Fomin. 2020. P. 152-154.
16. Yarkova E.N. Mechanisms of self-organization of society and culture: from the past to the future // Bulletin of Tyumen State University. 2012. № 8. P. 152-158.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Bayimova S. The Role of the Constitution in Modern Society / S. Bayimova, A. Atayeva, G. Garayev // *Cognitio Rerum*. 2023. № 5. P. 149-151.
3. Grigorieva I.A. Development of Social Policy in Russia in the 1990-2000s // *Mir Rossii*. 2013. № 1. P. 132-154.
4. Grigorieva I.A. Russian social policy in recent years: between the path already traveled and the still uncertain future // *Journal of Social Policy Studies*. 2007. № 1. P. 7-24.
5. Kelasyev V.N. Self-organization of society and mechanisms of its activation / V.N. Kelasyev, I.L. Pervova // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2014. № 3 (35). P. 65-73.
6. Kolesnikova A.A. Constitutional reform of 2020: causes and consequences of amendments for the legal society of Russia / A.A. Kolesnikova, Yu.O. Krylova // In the collection: Human Rights: History, Theory, Practice. The Ninth All-Russian Scientific and Practical Conference: collection of scientific articles. South-West State University. – Kursk, 2020. P. 147-149.
7. Malaraeva Yu.M. Self-organization of society as a manifestation of the global universal evolutionary process / Yu.M. Malaraeva, I.A. Kushnarenko // *Social and humanitarian review*. 2016. № 1. P. 65-69.
8. Mamedova, N.M. Culture: traditions and modernity / N.M. Mamedova. – M.: RFB RAS, 2009. 159 p. P. 73.
9. Mamedova N.M. Self-organization of society and self-determination of the individual // *Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. 2014. № 43. P. 43-47.
10. Moskalenko M.R. The idea of the right to a decent human existence as a factor in the self-organization of society and national security of Russia / M.R. Moskalenko, E.M. Kropaneva // *Bulletin of the University*. 2014. № 7. P. 170-174.
11. Prigogine I. Time, chaos, quantum: Toward a solution to the paradox of time / I. Prigogine, I. Stengers; [Transl. Yu.A. Danilov]. – Moscow: Progress, 1999. 265, [1] p.
12. Toffler E. Future shock: [Translation] / E. Toffler. – St. Petersburg: Lan, 1997. 461 p.

Дружкин С.М.

*Ассистент. Место работы Московский городской педагогический университет,
Москва. SPIN-код: 7787-1862. ORCID: 0009-0005-6157-1928*

Рут Маклин и ее влияние на формирование современной биоэтики в Латинской Америке*

Аннотация. Статья освещает вклад Рут Маклин (Ruth Macklin) в развитие современной биоэтики в Латинской Америке, выделяя её концепцию «умеренного универсализма» как ключевую для сочетания глобальных этических принципов с региональными культурными контекстами. Автор подчёркивает роль Маклин в продвижении репродуктивных прав женщин и защите уязвимых групп, что стало особенно актуально на фоне социального неравенства и исторического наследия колониализма в латиноамериканских странах. Рассматривается и критическое осмысление идей Маклин со стороны местных философов, включая Флоренсию Луну, чьи исследования многослойной уязвимости дополняют универсальные подходы более тонкой локальной адаптацией. Статья демонстрирует, как взгляды Маклин способствовали формированию особого направления латиноамериканской биоэтики, ориентированной на баланс между международными стандартами и региональными особенностями.

Ключевые слова: Латинская Америка, биоэтика, Рут Маклин, Флоренсия Луна, религиозный фактор в биоэтике, этический релятивизм, репродуктивные права, умеренный универсализм.

Druzhkin S.M.

Assistant at the Moscow city university.

Ruth Mclean and her influence on the formation of modern bioethics in Latin America

Abstract. The article highlights Ruth Macklin's contribution to the development of modern bioethics in Latin America, highlighting her concept of "moderate universalism" as key to combining global ethical principles with regional cultural contexts. The author emphasizes McLean's role in promoting women's reproductive rights and protecting vulnerable groups, which has become especially relevant against the background of social inequality and the historical legacy of colonialism in Latin American countries. The article also examines the critical reflection of McLean's ideas by local philosophers, including Florence Luna, whose studies of multi-layered vulnerability complement universal approaches with more subtle local adaptation. The article demonstrates how McLean's views contributed to the formation of a special direction of Latin American bioethics, focused on a balance between international standards and regional peculiarities.

Key words: Latin America, bioethics, Ruth McLean, Florence Luna, religious factor in bioethics, ethical relativism, reproductive rights, moderate universalism.

* © Дружкин С.М., 2025.

Рут Маклин и ее влияние на формирование современной биоэтики в Латинской Америке

Введение

Развитие биоэтики в Латинской Америке в последние десятилетия приобрело особое значение в контексте глобальных дискуссий о правах человека, социальной справедливости и культурном разнообразии. В этом континууме идей значительную роль сыграли мысли и труды известной американской биоэтики Рут Маклин (Ruth Macklin), а также её критическое осмысление моральных принципов, этического релятивизма и универсализма. Одновременно, латиноамериканские мыслители (в частности, Флоренсия Луна и другие философы региона) дополнили эти концепции специфическими подходами к вопросам уязвимости, гендерной справедливости и социально-политического контекста.

Цель данного исследования – рассмотреть философские основания концепций Рут Маклин, проанализировать её вклад в современную биоэтику и показать, как её идеи повлияли на формирование биоэтики в Латинской Америке. Для достижения этой цели в тексте приводятся работы крупнейших латиноамериканских философов биоэтики, рассматривается историко-философский контекст становления дисциплины и обсуждаются наиболее дискуссионные моменты, связанные с адаптацией глобальных этических парадигм к локальным условиям латиноамериканского региона.

В исследовании будут использованы труды Рут Маклин – в частности, её работы о моральном универсализме и культурном релятивизме, о правах человека в медицинском контексте, а также о проблемах репродуктивной этики. Наряду с этим, мы опираемся на современные исследования Флоренсии Луны, Хорхе М. Паскуаля (Jorge M. Pascual), Тибисай Луго-Мартинес (Tibisay Lugo-

Martínez) и других авторов, освещающих особенности формирования и развития биоэтики в латиноамериканском философском пространстве.

Биоэтика как отдельная область знаний оформилась в 1970-х годах, когда под влиянием быстро растущих биомедицинских технологий возникла потребность в междисциплинарном подходе к вопросам морали, права и медицины [1, р. 32]. Традиционно в развитии биоэтики выделяют несколько основных школ: американскую (англо-американскую), европейскую (преимущественно континентально-философскую) и, в более поздний период, латиноамериканскую.

Латиноамериканская биоэтика начала формироваться в контексте глобальных обсуждений, но с учётом особых проблем региона: колониального наследия, социального неравенства, влияния религиозных традиций и сильной роли государства в регулировании медицины и науки [2, р. 147]. В центре внимания латиноамериканских философов оказались вопросы справедливого распределения ресурсов здравоохранения, репродуктивных прав женщин, а также защита уязвимых групп населения.

Философское наследие Рут Маклин

Рут Маклин – американский философ и биоэтик, много лет проработавшая в Альберт Эйнштейн колледж медицины (Albert Einstein College of Medicine) и известная своими трудами по вопросам медицинской этики, прав человека и репродуктивной свободы. Её идеи о необходимости балансировать между универсальными моральными принципами и культурными различиями получили отклик во многих международных дискуссиях [3, р. 5]. Она утверждала, что существуют некоторые

общие принципы морали (например, принцип уважения к автономии, недопустимость причинения вреда без необходимости, справедливость в доступе к медицинской помощи), однако их реализация не может не учитывать конкретные социальных, экономических и культурных контекстов [4, p. 17].

Важным вкладом Маклин стала критика этического релятивизма, который, по её мнению, «слишком легко оправдывает любые практики, лишь бы они были укоренены в культуре» [5, p. 411]. Она стремилась показать, что моральный релятивизм может препятствовать защите человеческого достоинства, а следовательно – оправдывать дискриминационные практики в медицине, особенно по отношению к женщинам и уязвимым группам.

Одна из ключевых дискуссий в биоэтике – спор между универсализмом и релятивизмом в моральных принципах. Маклин указывала, что «полный отказ от универсальных норм может привести к оправданию дискриминационной практики и нарушению прав человека» [5, p. 412]. Она предлагала концепцию «умеренного универсализма»: основные этические принципы (уважение к автономии, благотворительность, справедливость, непричинение вреда) должны признаваться за основу морального осуждения в медицине, однако способы их реализации варьируются в зависимости от культурного и правового поля конкретного общества [3, p. 45].

Для латиноамериканских исследований это оказалось особенно актуально, так как многие страны региона испытывают серьёзные социальные и экономические неравенства. Например, распределение ресурсов здравоохранения в отдалённых регионах сталкивается с проблемой отсутствия инфраструктуры, что вызывает вопрос

о применении принципа справедливости. Работа Маклин позволила переосмыслить универсальные принципы в свете местных реалий, создавая модели, «чувствительные» к социально-политическому контексту [6, p. 66].

Значительная часть трудов Маклин посвящена вопросам репродуктивной этики, включающим право на аборт, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство и т. д. [7, p. 318]. Для Латинской Америки эти темы имеют острую актуальность в силу ряда причин: высокие показатели нежелательной беременности, законодательные ограничения на аборт, религиозный консерватизм и социальная уязвимость женщин. Маклин отстаивала позицию, согласно которой женщина имеет право на информированный выбор в вопросах репродукции, при условии, что общество и государство обеспечивают должный уровень медицинской помощи и уважения к свободе личного самоопределения [3, p. 56].

С точки зрения философии, Маклин развивает мысль, что обеспечение репродуктивных прав – это не только вопрос индивидуальной автономии, но и справедливости в более широком социальном смысле. Если женщина не может реализовать своё право на репродуктивный выбор из-за бедности, отсутствия доступа к образованию или принуждения со стороны партнёра или семьи, тогда нужно говорить о системной проблеме в обществе [4, p. 22]. Латиноамериканские философы, в том числе Флоренсия Луна, активно развивают эту линию размышлений, указывая на необходимость учитывать многослойную уязвимость женщин в регионе [8, p. 122].

Ещё одним важным аспектом философии Маклин можно назвать её акцент на уязвимых группах. Хотя она

не употребляла термин «многослойная уязвимость» (layered vulnerability) в том виде, как это делает Флоренсия Луна [9, р. 155], в её исследованиях содержится идея, что моральная ответственность общества – создавать условия, при которых минимизируется риск причинения вреда наиболее незащищённым слоям населения [4, р. 27]. Эта мысль легла в основу многочисленных инициатив в Латинской Америке, связанных с защитой прав мигрантов, коренного населения и малообеспеченных граждан, испытывающих ограничения в доступе к медицинским услугам.

В контексте философии заботы Маклин стремилась сбалансировать традиционное либеральное понимание автономии с обязательствами общества перед теми, кто не может в полной мере реализовать свою свободу выбора. Сочетание принципа автономии и принципа социальной справедливости сформировало особую модель этической оценки, где государство и медицинские институты обязаны учитывать не только формальное равенство, но и фактические социальные условия жизни индивидов [5, р. 415].

Становление и развитие биоэтики в Латинской Америке

Латиноамериканская биоэтика первоначально находилась под значительным влиянием североамериканской школы (особенно трудов Т. Бичампа и Дж. Чайлдресса, А. Джонсен и др.), а также европейских подходов к медицинской деонтологии [10, р. 39], [11]. Однако из-за культурных и социально-экономических особенностей региона многие из «универсальных» принципов приходилось переосмысливать. Например, принцип автономии, как его понимали в США, в латиноамериканских условиях часто сталкивался с

коллективистскими представлениями о семейных и общинных обязанностях [12, р. 222].

Во второй половине XX века в странах Латинской Америки возникли свои биоэтические ассоциации и исследовательские центры (например, в Бразилии, Аргентине, Мексике, Чили), которые стремились выработать оригинальные подходы к биоэтике. В 1980-1990-е годы биоэтика стала использоваться не только в медицинской практике, но и в формировании законодательства, регулирующего репродуктивную сферу, трансплантацию органов, эвтаназию и т. д. [13, р. 117].

Особую роль в развитии латиноамериканской биоэтики сыграло движение за права женщин, получившее поддержку со стороны ряда крупных международных организаций. Это движение стимулировало развитие и «феминистского» направления в биоэтике, которое, наряду с традиционными проблемами (принцип благотворительности, автономии, справедливости), уделяло пристальное внимание вопросам гендерного равенства и социальной ответственности [14, р. 68], [15].

К началу XXI века латиноамериканская биоэтика всё более активно встраивается в глобальный дискурс. Участие представителей региона в международных конференциях ЮНЕСКО, ВОЗ и региональных организациях позволяет наладить обмен идеями и практиками. Здесь особенно полезной оказалась «умеренно универсалистская» позиция, характерная для работ Маклин [4, р. 36]: она предоставляет теоретические инструменты для того, чтобы сохранять культурную идентичность и при этом уважать ряд общих моральных норм.

Осмысление идей Рут Маклин
Флоренсия Луна, аргентинский фи-

лософ и биоэтик, занимает одно из центральных мест в современном латиноамериканском биоэтическом дискурсе. Её концепция «многослойной уязвимости» (layered vulnerability) исходит из предположения, что индивиду может подвергаться одновременно нескольким формам уязвимости: экономической, гендерной, политической, культурной и т. д. [8, p. 125].

Идеи Луны во многом коррелируют с позицией Маклин о необходимости учитывать сложные социальные условия при практическом применении этических принципов. Однако Луна идёт дальше [16], указывая на то, что одна и та же женщина (например, беременная женщина из бедного района Аргентины) может быть «многократно уязвима» – из-за гендерного неравенства, низкого дохода, отсутствия доступа к образованию и медицинскому обслуживанию [9, p. 156], [17].

Это дополняет философию Маклин, которая хотя и не формулирует прямо теорию многослойной уязвимости, но утверждает, что этика должна учитывать факторы, формирующие социальную несправедливость [4, p. 27]. Таким образом, Луна предлагает более детализированный инструмент для описания конкретных ситуаций неравенства, что особенно полезно в латиноамериканском контексте.

Вместе с Луной, острая дискуссия о роли женщин в биоэтике получала развитие в работах Марты Эрнандес [18] и Тибисай Луго-Мартинес [19]. Эти авторы рассматривают, каким образом философия универсализма Маклин может быть скорректирована в свете гендерной перспективы. Марта Эрнандес поднимает вопросы о том, как католические традиции и социальные ожидания в отношении женщины влияют на её репродуктивные права. Ссылаясь

на Маклин, Эрнандес утверждает, что признание «общих» прав означает необходимость создать условия для их реализации, а не только провозгласить их декларативно [18, p. 44]. Тибисай Луго-Мартинес анализирует различные политические режимы в Латинской Америке и показывает, что даже при наличии формальных прав, их практическое осуществление зависит от уровня демократии и устойчивости правовых институтов [19, p. 133]. Она поддерживает идею Маклин о том, что необходимо сочетать международные стандарты прав человека с адаптацией к местным реалиям.

Таким образом, благодаря работам Луны, Эрнандес, Луго-Мартинес и других, идеи Маклин о репродуктивной свободе и защите уязвимых групп в значительной мере получили дополнительное развитие и конкретизацию.

Самое заметное влияние Маклин на латиноамериканскую биоэтику проявилось в принятии «умеренно универсалистского» подхода к моральным нормам. В условиях культурной, этнической и религиозной пестроты континента, невозможно абсолютизировать западноевропейские или североамериканские принципы, не учитывая при этом местных традиций и обычаев. Однако столь же рискованным является полный переход к этическому релятивизму, который может оправдать злоупотребления властью и дискриминацию. Маклин показывала, что этических коллизий можно избежать, если придерживаться общих ценностей (уважения к человеческой жизни и автономии), корректируя их применение конкретными социальными условиями [4, p. 36].

В результате сформировалась своеобразная «третья позиция» в латиноамериканской биоэтике, которая состо-

ит в нахождении компромисса между универсальными принципами и локальным культурным наследием. Так, при рассмотрении вопросов эвтаназии или аборта во многих странах региона возникли модели, которые сочетают уважение к праву на автономию с местными религиозными и моральными нормами [6, p. 70].

Работы Маклин привели к расширению дискуссии о правах и интересах уязвимых групп населения. В латиноамериканском контексте понятие уязвимости расширяется за счёт учета не только гендера, но и расовой/этнической принадлежности, социального статуса, географического фактора (отдалённость регионов от крупных городов), а также исторического наследия колониальных отношений. В данном случае идеи Маклин о том, что защита прав человека невозможна без активной социальной политики, оказались чрезвычайно востребованными [5, p. 414].

Латиноамериканские философы и активисты также активно опираются на тезисы Маклин о репродуктивной свободе в своей борьбе за легализацию абортов и защиту прав женщин на доступ к контрацепции, планированию семьи. В Бразилии, Мексике, Аргентине и других странах эти обсуждения сопровождаются философскими и теологическими спорами, где авторитет Маклин как глобально признанного эксперта по биоэтике вносит дополнительный вес аргументам сторонников реформ [14, p. 72].

Несмотря на признание заслуг Рут Маклин, существуют и критические взгляды на её концепции. Часть латиноамериканских исследователей указывают на то, что даже «умеренный универсализм» может содержать скрытые предпосылки западного либерального индивидуализма, которые не всегда

применимы к коллективистским культурам коренных народов [14, p. 67].

Кроме того, некоторые философы (например, Родольфо Моралес, Rodolfo Morales) полагают, что позиция Маклин недостаточно учитывает исторический контекст постколониального общества: «Универсальные принципы часто становятся ещё одним видом колонизации, когда навязываются извне, не считаясь с жизненным опытом местных общин» [20, p. 101].

Таким образом, критики Маклин утверждают, что необходимо разрабатывать глубоко контекстуализированные этические модели, которые не только адаптируют, но и пересматривают общепринятые принципы в корне, беря за точку отсчёта местные философские и культурные традиции.

С философской точки зрения, важнейшим достоинством подхода Маклин является попытка преодоления дихотомии «абсолютный релятивизм – жёсткий универсализм» и формирование динамичной концепции моральных норм, учитывающей как принципиальную ценность человеческого достоинства, так и особенности региональных контекстов [3, p. 60]. Эта «гибридная» модель, по словам Флоренсии Луны, «даёт надежду на достижение более справедливых условий в глобализирующемся мире, сохраняя при этом уважение к многообразию форм жизни» [8, p. 122].

В то же время, философская критика со стороны латиноамериканских мыслителей важна для того, чтобы эти идеи не превращались в форму неоколониального диктата. Подобный баланс отражает общую направленность современной латиноамериканской биоэтики, стремящейся к диалогу между глобальными и локальными ценностями, межкультурному обмену и защите прав наиболее уязвимых слоёв населения.

Заключение

Рут Маклин оставила заметный след в мировой биоэтике, а её влияние на латиноамериканское научное и практическое сообщество трудно переоценить. Её концепция умеренного универсализма, акцент на защите прав уязвимых групп и репродуктивной свободе женщин предоставили теоретические и методологические основания для решения острых проблем региона. В то же время, критическое осмысление её идей латиноамериканскими философами, в частности Флоренсией Луной, расширило и уточнило эти подходы, обеспечив их большую гибкость и релевантность к местным социальным и культурным реалиям.

Важным уроком, который можно извлечь из этого взаимодействия, является понимание того, что биоэтика – это не набор догматических правил, а живая дисциплина, постоянно эволюционирующая под влиянием конкретных исторических условий. Латинская Америка, с её многообразием и противоречиями, стала уникальным «полигоном» для проверки идеалов и принципов, выдвинутых Маклин. Сегодня, в условиях глобализации и усиливающегося неравенства, сочетание универсальных моральных норм и локально детерминированных ценностей остаётся одним из главных вызовов для мировой биоэтики.

Труды Рут Маклин продолжают вдохновлять новых исследователей и практиков в Латинской Америке, стимулируя дальнейшую институционализацию биоэтики, усиление роли общественных движений за социальную справедливость и обеспечение правовой базы, учитывающей потребности уязвимых групп. Именно в этом синергическом процессе, где глобальные принципы встречаются с местными

традициями, формируется уникальный образ латиноамериканской биоэтики – направленной на уважение человеческого достоинства, разнообразия и справедливости.

Список литературы / References

1. Jonsen A.R. The Birth of Bioethics. – New York: Oxford University Press, 1998. 431 p.
2. Salles A., Iturraga N. Bioethics in Latin America: Convergence and Divergence / In Latin American Perspectives on Bioethics. – Dordrecht: Springer. 2015. P. 145-160.
3. Macklin R. Against Relativism: Cultural Diversity and the Search for Ethical Universals in Medicine. – Oxford: Oxford University Press, 1999. 290 p.
4. Macklin R. Global Bioethics: Narrow or Broad? // Journal of Medicine and Philosophy. 2012. № 37 (2). P. 17-38.
5. Macklin R. Ethical relativism in a multicultural society. // Kennedy Institute of Ethics Journal. 1998. № 8 (2). P. 411-427.
6. Pascual J.M. La bioética latinoamericana frente a la universalización de la justicia en salud // Revista Iberoamericana de Bioética. 2013. № 2 (1). P. 65-73.
7. Macklin R. Prenatal Diagnosis and the Obligation to Terminate a Pregnancy / R. Macklin // Journal of Clinical Ethics. – 1992. – №3(4), P. 318-320.
8. Luna F. Elucidating the Concept of Vulnerability: Layers Not Labels / F. Luna // IJFAB: International Journal of Feminist Approaches to Bioethics. 2009. № 1 (2). P. 121-139.
9. Luna F. ¿Procrear o no procrear? Sida y derechos reproductivos // Analisis filosofico. 1999. Vol. 19. № 2. P. 153-172.
10. Tealdi J. Bioética en América Latina: orígenes, tendencias y perspectivas // Revista Latinoamericana de Bioética. 1998. № 1 (1). P. 35-45.
11. Tealdi J.C. Bioética, poder y justicia // Diccionario latinoamericano de bioética. – UNESCO: Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, 2008. 657 p.
12. Cortina A. Ética aplicada y democracia radical. – Madrid: Tecnos, 1993. 287 p.
13. Sgreccia E. Manual de Bioética. – Madrid: BAC, 2009. 864 p.
14. Gracia D. Historia de la bioética. / D. Gracia // Perspectives in Biology and Medicine. 2003. № 46 (1). P. 66-81.
15. Garcia J. Universalismo y particularismo en la bioética latinoamericana // Revista Latinoamericana de Bioética. 2014. № 14 (2). P. 53-60.
16. Luna F. Infertilidad en Latinoamérica. En busca de un nuevo modelo // Revista de bioética y derecho. 2013. №28. P. 33-47.
17. Luna F. Edición genética y responsabilidad // Revista de bioética y derecho. 2019. № 47. P. 43-54.
18. Hernández M. Derechos reproductivos y acceso a la salud en contextos de desigualdad. // Salud, Ética y Justicia. 2015. № 9 (1). P. 40-48.
19. Lugo-Martínez T. La institucionalización de la bioética en América Latina: retos y perspectivas. // Bioética Hoy. 2010. № 5 (2). P. 130-145.
20. Morales R. Bioética poscolonial: Reflexiones desde América Latina. – México: UNAM; 2017. 244 p.

Аннотации

Сторчак В.М.

Авакян Д.А.

Психологические аспекты обращения «нового человека» в религиозной традиции

Статья посвящена такому уникальному социальному феномену как религиозное пробуждение, обращение и возрождение религиозной или квазирелигиозной личности. Большое внимание в статье обращено как на христианские источники, так и на источники Новых религиозных движение (НРД). В процессе их изучения были выделены характерные черты переродившегося «нового человека». Особое внимание было направлено на конверсионные изменения сущностных основ физиологии неофита.

Ключевые слова: религия, квазирелигия, обращение, неофит, психология, «новый человек».

Аксютин З.А.

Категориальный анализ религиозного воспитания

Религия, став фундаментом социальной жизни, выполняет разнообразные функции. Воспитательной функции религии уделяется незначительное внимание, она выпадает из поля зрения исследователей. Цель статьи заключается в философском анализе категории «религиозное воспитание». В качестве методов исследования использованы теоретические методы: социально-философский анализ, категоризация, обобщение, мысленный эксперимент, метод построения концепта и метод категориального маятника. Воспитательная функция религии прошла длительный путь от мистического до рационального. Мистический уровень проявляется посредством участия детей в разнообразных религиозных таинствах, а рациональный предполагает воспитание посредством включения в различные объединения, участия в религиозных мероприятиях, где реализуется нравственный компонент, через реализацию различных форм воспитания. Анализируя определения понятия «религиозное воспитание» выявлено пять различных позиций в его понимании. Автор приходит к выводу, что специфика религиозного воспитания заключается в том, что: система религиозного воспитания способна встраиваться в другие воспитательные системы, становясь их составной частью. В заключении приведены полученные результаты, намечены перспективы исследования.

Ключевые слова: категория, понятие, воспитание, религия, религиозное воспитание, конфессиональное воспитание, метод категориального маятника.

Шкурлятнева Д.А.

Музыкальное служение лютеранской церкви

как отправная точка межконфессионального и межрелигиозного диалога

В русскоязычной научной литературе рассмотрение лютеранской музыкальной практики ограничивается, как правило, музыковедческим дискурсом: основной массив исследований посвящён деятельности И.С. Баха — знаменитого лютеранского кантора, которого отделяет от нас почти три столетия. Религиоведческие исследования, позволяющие воссоздать целостную картину музыкального служения российских лютеран в первой четверти XXI века, отсутствуют. При этом музыкальная деятельность прихода является важной точкой соприкосновения церкви и общества, создаёт основу для церковно-государственного, межконфессионального и межрелигиозного диалога, в качестве одного из ключевых участников которого выступает приходской музыкальный служитель — кантор. В процессе исследования был выявлен круг обязанностей современного лютеранского российского кантора в приходах скандинавско-финской литургической традиции. Рассмотрена богослужбная практика. Основная цель — выявить социально значимые аспекты лютеранского музыкального служения.

Ключевые слова: лютеранство, церковная музыка, кантор, литургические протестанты, межконфессиональный диалог, межрелигиозный диалог, лютеранская идентичность.

Маруфенко Е.В.

Данилова А.В.

К вопросу об исполнительском освоении стилистики барочной клавирной музыки

Статья посвящена вопросам исполнительского освоения клавирной музыки барокко. Авторами прослеживается отечественная исследовательская традиция рассмотрения проблемы стилизового подхода к анализу и исполнительской интерпретации музыкальных произведений. Выделяются и описываются характерные особенности процесса выделения проблемы стиля в специальную тему рассуждений музыкальных теоретиков и практиков эпохи барокко. Сделан акцент на важности роли

музыкальной риторики и теории аффектов в формировании основных черт музыкального искусства данного периода как в области музыкально-теоретической мысли. Так и в композиторской и исполнительской практике.

Ключевые слова: музыка барокко, стиль, музыкальная риторика, теория аффектов.

Чжан Кай
Невраева Н.Ю.
Кабанов А.М.
Пыrkova Т.А.
Яценко О.Ю.

Распространение и влияние литературной мысли Ф.М. Достоевского в Китае

Произведения Ф.М. Достоевского в Китае и их влияние на китайскую культуру и литературу. В статье выделяются этапы перевода и восприятия творчества Достоевского в Китае — от первых переводов в начале XX века до современных интерпретаций. Особое внимание уделяется влиянию идей Достоевского на китайских писателей (например, Лу Синя и Ба Цзиня) и их роли в развитии китайской литературы реалистического направления. Кроме того, рассматриваются трудности, связанные с восприятием русского культурного контекста, а также проблемы перевода, приводящие к различным интерпретациям его творчества. В заключении подчеркивается значимость идей Достоевского для межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем, а также их актуальность для дальнейшего исследования литературных взаимосвязей.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, реализм, межкультурное взаимодействие, литературные взаимосвязи.

Данакин Н.С.
Конев И.В.

Принципы и методы деэскалации организационных конфликтов

Успешная деэскалация (ослабление и устранение) организационных конфликтов возможна при использовании релевантных технологических принципов и методов. В данной статье представлено обоснование и описание этих принципов и методов.

Ключевые слова: деэскалация, технология, принцип, конфликт, урегулирование, поэтапность, сотрудничество, состязательность, коммуникация, конвенция.

Кравченко В.И.

Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи

В статье рассматривается FOMO («Страх упустить что-то») как актуальная социальная проблема молодежи, её причины и последствия для психического здоровья молодежи, а также возможные пути её преодоления. Показано, как FOMO влияет на межличностные отношения, самооценку и общую картину жизни молодого человека. Проанализированы основные факторы, способствующие развитию FOMO, включая влияние социальных сетей, сравнение с окружающими и культурные ожидания. Рассмотрены психологические и социальные последствия, такие как увеличение уровня тревожности, ухудшение качества сна, снижение концентрации и поверхностность межличностных связей. Предложены практические рекомендации по снижению негативного воздействия FOMO, включая развитие осознанности, управление цифровой активностью и укрепление офлайн-взаимодействий. Сделан вывод о необходимости повышения осведомленности о проблеме и разработки профилактических мер, направленных на улучшение качества жизни молодежи в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: страх упустить что-то (FOMO), молодежь, социальные сети, проблемное использование социальных сетей, психологическое влияние, зависимость.

Буковцова Т.Н.

Институциональные методы регулирования организационных конфликтов

В статье раскрыта роль институционального фактора в превентивном управлении конфликтами, которая представлена в виде определенной технологии, в которой выделены три блока: функциональный, ресурсный, инструментальный. Функциональный блок включает функции институциональной технологии в системе превентивного управления конфликтами; ресурсный блок – институциональные средства, используемые в превентивной практике; инструментальный блок – методы институционального воздействия.

Ключевые слова: организационные конфликты, регулирование, институциональные методы, функции регулирования, ресурсы регулирования, методы регулирования, функциональный блок, ресурсный блок, инструментальный блок.

Ван Синьцзы

Диалог культур в системе межэтнического и межконфессионального взаимодействия: проблемы и решения

В данной статье анализируется феномен диалога культур, который представлен автором в контексте межэтнических и межконфессиональных проблем общественного развития. Дав краткую характеристику процессу формирования мультикультурализма как важной составляющей диалога культур, автор статьи рассматривает особенности межкультурного взаимодействия, которое осложняется межэтническими и межрелигиозными конфликтами. Автор статьи приходит к выводу, что с учетом расширения культурного пространства, связанного с процессом глобализации, именно диалоговая форма взаимодействия народов, несмотря на все препятствия и барьеры, способствует развитию уважительному, толерантному и бережному отношению к ценностям другой культуры, снижает уровень конфликтности между странами и этносами и способствует установлению мира и согласия между народами. Именно межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в рамках диалога культур поддерживает динамику культурного развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, диалог культур, межкультурное взаимодействие, межэтнические конфликты, межконфессиональный диалог.

Глазкова Л.А.

Переменные организационного конфликта как объекта управления

В статье выделены и рассмотрены переменные организационного конфликта как объекта управления. Множество этих переменных приведено в три группы: структурные, динамические и функциональные переменные. В числе структурных переменных выделены: субъект конфликта, отношения конфликтующих сторон, объект и предмет конфликта, внешняя среда конфликта. В группу динамических переменных включены: фазы (стадии) конфликта, его продолжительность, темп, интенсивность, ритм, состояние, интенциональность, обратимость. Выделены также деструктивные и конструктивные функции конфликта.

Ключевые слова: управление, организационный конфликт, управляемые переменные, структурные переменные, динамические переменные, функциональные переменные, позитивные функции организационного конфликта, негативные функции организационного конфликта.

Гоу Юйюань

Особенности совместной деятельности семьи, школы и общественности в КНР и Азербайджанской Республике (сопоставительный анализ)

Современные образовательные системы все больше осознают важность взаимодействия семьи, школы и общественности в процессе воспитания и обучения. В данной статье проводится сравнительный анализ моделей взаимодействия этих институтов в Китайской Народной Республике (КНР) и Азербайджанской Республике. Исследование выявляет ключевые особенности подходов к семейному воспитанию, роли школы в образовательном процессе и влияния общественных институтов на формирование личности учащихся. Особое внимание уделяется влиянию глобализации и цифровизации на образовательные стратегии в обеих странах. Авторы рассматривают перспективы сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в сфере образования, предлагая конструктивные решения для взаимного обмена опытом и развития совместных образовательных инициатив.

Ключевые слова: Китай, Азербайджан, Совместное воспитание, семейное образование, общественные институты, международное образовательное сотрудничество.

Янцев Д.В.

Отношение студентов к обучению в Дальрыбтузе

Статья посвящена изучению уровня удовлетворенности образовательным процессом студентов Дальрыбвтуза, актуальность установления которого определяется необходимостью обладания универсальным инструментом управления и корректировки показателей для нивелирования негативных аспектов в формировании положительного отношения студентов к обучению. Совокупность полученных результатов позволяет свидетельствовать в целом о положительном отношении студентов к обу-

чению в Дальрыбтузе, однако задает направленность деятельности по нивелированию препятствий на пути повышения качества образования в вузе.

Ключевые слова: образовательный процесс, оценочно-мониторинговая деятельность, уровень удовлетворенности, показатели отношения, студенты.

Слепцова Г.Н.

Проблема изучения и сохранения языкового и культурного наследия коренных народов севера

Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы сохранения и развития культурного наследия коренных малочисленных народов Арктики. Важно сохранить и продолжить традиционный образ жизни всех народов и этнических общностей, чтобы поддержать культурное разнообразие и помочь сохранить их историю и идентичность. Все это способствует укреплению этнической самоидентификации, повышению гордости за свою нацию, усилению связи между поколениями. Одним из основных факторов повышенного внимания к культурному наследию, особенностям народов, которые все вместе составляют российский культурный пласт, является усиление межнациональных связей, укрепление доброжелательных отношений и уважения народов друг к другу.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Арктики, культурное наследие долганов, сохранность этнических традиций.

Мальцева И.В.

Мальцев Д.С.

Влияние адаптации на профессионально-трудовую социализацию личности и сохранение кадрового ядра организации

В статье рассмотрены некоторые аспекты влияния процесса адаптации на профессионально-трудовую социализацию личности и успешное формирование кадрового потенциала социальных организаций. Авторами работы предложены алгоритм трудовой адаптации нового сотрудника в организации и инструментарий социологического исследования для оценки успешности ее прохождения.

Ключевые слова: трудовая адаптация, профессионально-трудовая социализация, социализация личности, кадровое ядро организации.

Кудашкин А.И.

Превентивная технология противодействия организационным конфликтам

В данной статье раскрыта превентивная (упреждающая) технология противодействия организационным конфликтам. Данная технология предусматривает направленное воздействие на параметры организационного конфликта: напряженность, динамичность, вектор взаимодействия, интенциональность, равновесность/неравновесность, симметричность/асимметричность, функциональный вектор, зона возможного обострения, объективно-субъективный характер, рационально-эмоциональный характер.

Ключевые слова: превентивная технология, противодействие, организационный конфликт, динамичность, вектор конфликтного взаимодействия, направленность (интенциональность), симметричность/асимметричность, объективно-субъективный характер, системность, определенность, полисубъектность, компетентность.

Буковцова Т.Н.

Технологии трансформации организационного конфликта

В процессе социального управления все более важное значение приобретает превентивное (упреждающее) регулирование организационных конфликтов. В данной статье выделено и описано 12 методов трансформации организационных конфликтов, используемых в той или иной мере в управленческой практике.

Ключевые слова: организационный конфликт, трансформация, технология, превентивное регулирование, фрагментация, локализация, объективизация, рационализация, актуализация.

Иванов М.С.

О миграционной политике западных стран

В данной статье рассматривается опыт миграционной политики западных стран. Целью исследования является анализ и сравнение процессов миграционной политики в различных странах, проведение параллелей в области нормативно-правовой базы, государственного инструментария и механизмов регулирования миграционной политики, для разработки предложений по совершенствованию государ-

ственной миграционной политики России. На основе сравнительного метода проведен краткий анализ нормативно-правовых основ миграционной политики стран ЕС, США, Канады и Австралии выявлены особенности, положительные стороны и недостатки миграционной политики стран, сформулированы предложения по совершенствованию миграционной политики РФ.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная политика, миграционная политика Европейского Союза, миграционная политика западных стран.

Казаков В.А.
Мыльникова Е.М.
Кудина М.В.
Шардакова И.С.

Факторы трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики

Трудовая мотивация является значимой категорией мотивации в сравнении с другими типами, которая направлена на инициирование социальных контактов и проявление творческих подходов при реализации трудовой деятельности. Общую направленность в сфере трудовой мотивации моделируют в комплексе нужды и потребности сотрудников организаций, компаний и/или предприятий, удовлетворяемые ими при осуществлении трудовых процессов. Авторы настоящей статьи исследовали факторы трудовой мотивации в ракурсе социологической диагностики в таких аспектах как: экономический, социальный, личностный и организационный. Имея представление о доминирующих критериях трудовой мотивации, можно увидеть не только в целом сущность «мотивационного поля» сотрудников компании, но и выявить индивидуальные мотивы конкретного работника организации к трудовой деятельности. Определение факторов трудовой мотивации сегодня особо актуально для руководящего состава предприятий, который занимается разработкой мотивационных моделей персонала.

Ключевые слова: трудовая мотивация, факторы трудовой мотивации, критерии трудовой мотивации, индикаторы трудовой мотивации, классификация трудовой мотивации, трудовая деятельность, трудовые процессы, трудовое поведение.

Кравченко В.И.
Козлова О.Ю.

Использование маркетинговых возможностей искусственного интеллекта в гармонии с эффективностью и аутентичностью

В статье рассматриваются технологии искусственного интеллекта как инструменты регулирования маркетинговой репрезентации, представленный в медиа образ искусственного интеллекта, специфика и его эволюционное развитие. Показано, как происходит внедрение нейронных систем в баланс с аутентичностью производимого контента Проанализированы достоинства и недостатки контента, созданного искусственным интеллектом и влияние маркетинговых стратегий на репутацию бренда. Данная работа призвана исследовать вопрос доверия к искусственному интеллекту, рассмотреть выделенные на сегодня факторы, на которые можно опираться в процессе внедрения ИИ-контента в коллективное сознание. Сделан вывод, что аутентичность бренда во многом зависит от качества и количества ИИ-материалов в рекламном образе.

Ключевые слова: аутентичность, бренд, позиционирование, контент, маркетинговая стратегия, доверие, репутация.

Лукинова И.А.

Человек и общество как части современного Целого

В статье рассмотрены процессы, происходящие в обществе и информационном пространстве. Глобализация повседневной жизни человека, информационно-цифровое отчуждение его социальной сущности и нарастание угроз его информационной безопасности определено как важная проблема развития человека и общества. Показана необходимость традиционных морально-нравственных и юридических законов, как основных регуляторов любой человеческой деятельности.

Ключевые слова: информационное пространство, Homo informaticus, глобальная информационная среда.

Печерских С.П.

О современных подходах к пониманию философской категории «отчуждение»

Проблема отчуждения в истории философии всегда занимала одно из ключевых мест. Современная дискуссия о формах отчуждения приобретает особый характер в связи с трансформацией капитализ-

ма в новое социально-экономическое состояние глобального общества, которое мы называем началом новой эпохи — эпохи техногенной цивилизации. Новая социальная реальность показывает нам феномен возникновения новых форм отчуждения не только в экономической сфере жизнедеятельности общества, но и форм отчуждения, возникших в результате цивилизационных трансформаций в других сферах общественной жизни. Представители современной социальной философии предпринимают теоретические попытки осмысления сущности вновь возникающих форм отчуждения. Материалы современных научных публикаций обращают наше внимание на необходимость внимательного изучения бытия человека в условиях новых форм взаимоотношений индивида и общества. Исследование влияния интенсивного развития информатизации, цифровизации, высоких технологий, био-технологий, искусственного интеллекта на психическое и психологическое состояние людей, формирование новой системы общественных ценностей и установок, возможностей самореализации и интеллектуального развития человека труда, его удовлетворенности от профессиональной трудовой деятельности, порой уводит нас от базового значения самого термина «отчуждение», которое начинает пониматься слишком широко. В статье представлен анализ современных подходов к пониманию содержания понятия «отчуждение», а также их комментариев с позиции философии марксизма - базовой философской теории отчуждения как результата сущности экономических отношений в обществе и их рефлексии на все формы социальных взаимоотношений индивидов.

Ключевые слова: отчуждение, марксизм, трудовая деятельность индивида, общественное бытие, общественное сознание, техногенная цивилизация, наёмный труд, фетишизм, обезличивание, деформации.

Попов С.И.

Удвоение мира как «архитектурный» принцип метафизики

Принцип удвоения мира заключен в самом термине «метафизика», обозначающем, прежде всего, свойство духовной жизни человека. Символическое удвоение мира видится довольно естественным для духовной жизни людей, начиная со времен полного господства в ней мифа и религиозных представлений. След такого удвоения сохраняется и в душевной жизни современного человека. Удвоение мира придает его бытию глубину и «пространственную» размерность, снабжая «плоскость» повседневных обстоятельств и смыслов как бы дополнительным реальным «этажом». Философия не оказывается в стороне от естественного процесса душевного и духовного удвоения мира, но пытается продумать его в понятиях. Квинтэссенцией метафизического удвоения мира оказывается философский идеализм, который онтологизирует логическое отношение «общее – частное» и полагает общее самостоятельным существующим в «высшем» измерении бытия. Повседневный порядок вещей тем самым обретает конечное обоснование: оказывается не самостоятельной реальностью, а исполнением высшей реальности в низшем материале.

Ключевые слова: метафизика, онтология, удвоение мира, идеализм, бытие, высшее, низшее, повседневное, профанное.

Сирин С.А.

Правовой нигилизм, логика и правосознание: когнитивный анализ

Автором рассмотрена специфика явления правового нигилизма, а именно негативного отношения к праву и закону, что в современной действительности является чрезвычайно важным вопросом как для юриспруденции, так и для практики государственного управления; выявлено три значения термина - религиозное, философско-мировоззренческое и социально-политическое; проведен когнитивный анализ правового нигилизма и опасности современных подходов при использовании сложных правовых систем в условиях правового пространства Российской Федерации; приведены основные аргументы сторонников и критиков правового нигилизма, различных юридических дисциплин и направлений, а также представлен ряд обоснованных мнений и возражений против его распространения в правовом поле.

Ключевые слова: теория государства и права, правовое поле, когнитивный анализ, правовой нигилизм, право и мораль, правосознание, правовая мотивация, философия права.

Гирник М.Н.

Природа самоорганизации общества: некоторые основания и следствия

В статье рассматриваются модели упорядочивания социальной жизни и структурирования общества, процессы формирования социального сознания, а также приверженность политической власти и культуры вертикальной иерархической модели организации общества.

Установлено, что особое значение в процессе самоорганизации приобретают социокультурные ресурсы, а также осознание препятствий на пути становления максимально эффективно функционирующего российского общества.

Автор отмечает, что именно конституционное законодательство становится тем уникальным в своем роде юридическим актом, который человечество создает в ходе понимания природы социальной самоорганизации.

Ключевые слова: власть, доверие, иерархичность, конституционное законодательство, культура, обряды, общество, солидарность, самоорганизация, традиции, ценности.

Дружкин С.М.

**Рут Маклин и ее влияние
на формирование современной биоэтики в Латинской Америке**

Статья освещает вклад Рут Маклин (Ruth Macklin) в развитие современной биоэтики в Латинской Америке, выделяя её концепцию «умеренного универсализма» как ключевую для сочетания глобальных этических принципов с региональными культурными контекстами. Автор подчёркивает роль Маклин в продвижении репродуктивных прав женщин и защите уязвимых групп, что стало особенно актуально на фоне социального неравенства и исторического наследия колониализма в латиноамериканских странах. Рассматривается и критическое осмысление идей Маклин со стороны местных философов, включая Флоренсию Луну, чьи исследования многослойной уязвимости дополняют универсальные подходы более тонкой локальной адаптацией. Статья демонстрирует, как взгляды Маклин способствовали формированию особого направления латиноамериканской биоэтики, ориентированной на баланс между международными стандартами и региональными особенностями.

Ключевые слова: Латинская Америка, биоэтика, Рут Маклин, Флоренсия Луна, религиозный фактор в биоэтике, этический релятивизм, репродуктивные права, умеренный универсализм.

Abstracts

Storchak V.M.

Avakyan D.A.

Psychological aspects of the conversion of the «new man» in the religious tradition

The article is devoted to such a unique social phenomenon as religious awakening, conversion and rebirth of a religious or quasi-religious personality. Much attention is paid in the article to both Christian sources and sources of New Religious Movements (NSD). In the process of studying them, the characteristic features of the reborn «new man» were highlighted. Special attention was paid to conversion changes in the essential foundations of neophyte physiology.

Key words: religion, quasi-religion, conversion, neophyte, psychology, «new man».

Aksyutina Z.A.

Categorical analysis religious upbringing

Religion, having become the foundation of social life, performs various functions. Little attention is paid to the upbringing function of religion; it falls out of the field of view of researchers. The purpose of the article is to provide a philosophical analysis of the category of «religious upbringing». Theoretical methods were used as research methods: socio-philosophical analysis, categorization, generalization, thought experiment, concept construction method and the categorical pendulum method. The educational function of religion has come a long way from the mystical to the rational. The mystical level is manifested through the participation of children in various religious sacraments, and the rational level involves upbringing through inclusion in various associations, participation in religious events where the moral component is realized, through the implementation of various forms of upbringing. Analyzing the definitions of the concept of «religious upbringing» identified five different positions in its understanding. The author comes to the conclusion that the specificity of religious upbringing lies in the fact that: the system of religious upbringing is able to integrate into other educational systems, becoming their integral part. In conclusion, the obtained results are presented, the prospects for the study are outlined.

Key words: category, concept, upbringing, religion, religious upbringing, confessional upbringing, categorical pendulum method.

Shkurlyateva D.A.

The music ministry of the Lutheran Church as a starting point for interconfessional and interreligious dialogue

Russian-language scholarly literature on Lutheran musical practice is limited, as a rule, to musicological discourse only. Most of those studies focus on the work of Bach, famous Lutheran cantor, who lived three centuries ago. There are no religious studies that provide a holistic view of the music ministry of Russian Lutherans in the first quarter of the 21st century. This is a problem because parish music activities are usually an important point of contact between church and society, a basis for church-state, inter-confessional and inter-religious dialogue. One of the key figures in this dialogue is the cantor, who is responsible for music in the parish. The range of duties of the modern Lutheran Russian cantor in parishes of the Scandinavian-Finnish liturgical tradition has been determined. Liturgical practice have been studied. The main goal was to identify socially significant aspects of Lutheran music ministry.

Key words: Lutheranism, church music, cantor, liturgical protestants, interconfessional dialogue, interreligious dialogue, Lutheran identity.

Marufenko E.V.

Danilova A.V.

On the issue of performing mastering the style of baroque keyboard music

The article is devoted to the issues of performing mastering of Baroque keyboard music. The authors trace the domestic research tradition of considering the problem of a stylistic approach to the analysis and performance interpretation of musical works. The characteristic features of the process of isolating the problem of style into a special topic of reasoning by music theorists and practitioners of the Baroque era are highlighted and described. The emphasis is placed on the importance of the role of musical rhetoric and the theory of affects in the formation of the main features of the musical art of this period as in the field of musical theoretical thought. So it is in composing and performing practice.

Key words: Baroque music, style, musical rhetoric, theory of affects.

Zhang Kai
Nevraeva N.Y.
Kabanov A.M.
Pyrkova T.A.
Yatsenko O.Y.

The spread and influence of F.M. Dostoevsky's literary thought in China

Dostoevsky's works in China and their influence on Chinese culture and literature. The article highlights the stages of translation and perception of Dostoevsky's work in China - from the first translations in the early twentieth century to modern interpretations. Special attention is paid to the influence of Dostoevsky's ideas on Chinese writers (e.g. Lu Xin and Ba Jin) and their role in the development of Chinese realist literature. In addition, the difficulties associated with the perception of the Russian cultural context, as well as translation problems leading to different interpretations of his work, are discussed. The conclusion emphasizes the significance of Dostoevsky's ideas for intercultural interaction between Russia and China, as well as their relevance for further research into literary interrelationships.

Key words: F.M. Dostoevsky, realism, intercultural interaction, literary relationships.

Danakin N.S.
Konev I.V.

Principles and methods of de-escalation of organizational conflicts

Successful de-escalation (weakening and eliminating) of organizational conflicts is possible with the use of relevant technological principles and methods. This article presents the rationale and description of these principles and methods.

Key words: de-escalation, technology, principle, conflict, settlement, stage-by-stage, co-operation, competition, communication, convention.

Kravchenko V.I.

Missed opportunity syndrome (FOMO) as a problem of socialization of modern youth

The article examines FOMO («Fear of Missing Out») as a relevant social issue among youth, its causes, and its impact on mental health, as well as potential ways to address it. The influence of FOMO on interpersonal relationships, self-esteem, and the overall life perception of young individuals is highlighted. The main factors that contribute to the development of FOMO are analyzed, including the influence of social networks, comparison with others, and cultural expectations. The psychological and social consequences, such as increased anxiety, poorer sleep quality, decreased concentration, and superficial interpersonal relationships, are examined. Practical recommendations are offered to reduce the negative effects of FOMO, including developing mindfulness, managing digital activities, and strengthening offline interactions. It concludes that there is a need to raise awareness of the problem and develop preventive measures to improve the quality of life of young people in the digital age.

Key words: Fear of Missing Out (FOMO), youth, social media, problematic social media use, psychological influence, addiction.

Bukovtsova T.N.

Institutional methods of regulating organizational conflicts

The article reveals the role of the institutional factor in preventive conflict management, which is presented in the form of a certain technology, in which three blocks are distinguished: functional, resource, instrumental. The functional block includes the functions of institutional technology in the system of preventive conflict management; the resource block is the institutional means used in preventive practice; the instrumental block is the methods of institutional influence.

Key words: organizational conflicts, regulation, institutional methods, regulatory functions, regulatory resources, regulatory methods, functional block, resource block, instrumental block.

Wang Xinzi

Dialogue of cultures in the system of interethnic and interfaith interaction: problems and solutions

This article analyzes the phenomenon of the dialogue of cultures, which is presented by the author in the context of interethnic and interfaith problems of social development. Having briefly characterized the process of formation of multiculturalism as an important component of the dialogue of cultures, the author of the article considers the peculiarities of intercultural interaction, which is complicated by interethnic and interreligious conflicts. The author of the article comes to the conclusion that given the expansion of cultural space

associated with the process of globalization, it is the dialog form of interaction between peoples, despite all the obstacles and barriers, contributes to the development of respectful, tolerant and careful attitude to the values of another culture, reduces the level of conflict between countries and ethnicities and contributes to the establishment of peace and harmony between peoples. It is interethnic and interfaith interaction in the framework of the dialogue of cultures that supports the dynamics of cultural development in the context of globalization.

Key words: globalization, dialogue of cultures, intercultural interaction, interethnic conflicts, interfaith dialogue.

Glazkova L.A.

Variables of organizational conflict as an object of management

The article identifies and examines the variables of organizational conflict as an object of management. The set of these variables is divided into three groups: structural, dynamic and functional variables. The structural variables include: the subject of the conflict, the relations of the conflicting parties, the object and subject of the conflict, the external environment of the conflict. The group of dynamic variables includes: the phases (stages) of the conflict, its duration, tempo, intensity, rhythm, state, intentionality, reversibility. Destructive and constructive functions of the conflict are also identified.

Key words: management, organizational conflict, controlled variables, structural variables, dynamic variables, functional variables, positive functions of organizational conflict, negative functions of organizational conflict.

Gou Yuyuan

Features of joint activities of family, school, and community in the PRC and the Republic of Azerbaijan (comparative analysis)

Modern educational systems increasingly recognize the importance of interaction between family, school, and community in the upbringing and learning process. This article presents a comparative analysis of the models of interaction of these institutions in the People's Republic of China (PRC) and the Republic of Azerbaijan. The study identifies key features of approaches to family education, the role of school in the educational process, and the influence of public institutions on the formation of students' personalities. Special attention is given to the impact of globalization and digitalization on educational strategies in both countries. The authors explore the prospects of cooperation between China and Azerbaijan in the field of education, proposing constructive solutions for mutual exchange of experience and the development of joint educational initiatives.

Key words: China, Azerbaijan, Joint upbringing, family education, public institutions, international educational cooperation.

Yanchev D.V.

The attitude of students to studying at the Dalrybtuz

The article is devoted to the study of the level of satisfaction with the educational process of Dalrybtuz students, the relevance of which is determined by the need to have a universal tool for managing and adjusting indicators to offset negative aspects in the formation of a positive attitude of students to learning. The totality of the results obtained allows us to indicate a generally positive attitude of students towards studying at Dalrybtuz, however, sets the direction of activities aimed at leveling obstacles to improving the quality of education at the university.

Key words: educational process, evaluation and monitoring activities, satisfaction level, attitude indicators, students.

Sleptsova G.N.

Problem of studying and preserving the linguistic and cultural heritage of the indigenous peoples of the North

The relevance of the study is due to the importance of the problem of preserving and developing the cultural heritage of the indigenous peoples of the Arctic. It is important to preserve and continue the traditional way of life of all peoples and ethnic communities in order to maintain cultural diversity and help preserve their history and identity. All this contributes to strengthening ethnic identity, increasing pride in one's nation, and strengthening the bond between generations. One of the main factors of increased attention to the cultural heritage and the peculiarities of the peoples who together make up the Russian cultural stratum is the strengthening of interethnic ties, strengthening friendly relations and respect of peoples for each other.

Key words: indigenous peoples of the Arctic, cultural heritage of the Dolgans, preservation of ethnic traditions.

Maltseva I.V.

Maltsev D.S.

**The influence of adaptation
on the professional and labor socialization of the individual
and the preservation of the personnel core of the organization**

The article examines some aspects of the influence of the adaptation process on the professional and labor socialization of the individual and the successful formation of the personnel potential of social organizations. The authors of the work propose an algorithm for the labor adaptation of a new employee in the organization and a sociological research tool for assessing the success of its passage.

Key words: labor adaptation, professional and labor socialization, socialization of personality, personnel core of the organization.

Kudashkin A.I.

Preventive technology of counteraction to organizational conflicts

This article describes a preventive (preemptive) technology for counteracting organizational conflicts. This technology provides for a targeted impact on the parameters of an organizational conflict: tension, dynamism, interaction vector, intentionality, equilibrium/non-equilibrium, symmetry/asymmetry, functional vector, area of possible escalation, objective-subjective character, rational-emotional character.

Key words: preventive technology, counteraction, organizational conflict, dynamism, vector of conflict interaction, direction (intentionality), symmetry/asymmetry, objective-subjective nature, systematicity, certainty, poly-subjectness, competence.

Bukovtsova T.N.

Technologies for transforming organizational conflict

In the process of social management, preventive (preemptive) regulation of organizational conflicts is becoming increasingly important. This article identifies and describes 12 methods of transforming organizational conflicts used to varying degrees in management practice.

Key words: organizational conflict, transformation, technology, preventive regulation, fragmentation, localization, objectification, rationalization, actualization.

Ivanov M.S.

On the migration policy of Western countries

This article examines the experience of migration policy in Western countries. The purpose of the study is to analyze and compare migration policy processes in different countries, draw parallels in the area of the regulatory framework, state instruments and mechanisms for regulating migration policy, to develop proposals for improving the state migration policy of Russia. Based on the comparative method, a brief analysis of the regulatory framework for migration policy in the EU, the USA, Canada and Australia was conducted, features, positive aspects and shortcomings of migration policy in these countries were identified, and proposals for improving the migration policy of the Russian Federation were formulated.

Key words: migration, migration processes, migration policy, migration policy of the European Union, migration policy of Western countries.

Kazakov V.A.

Mylnikova E.M.

Kudina M.V.

Shardakova I.S.

Factors of labor motivation in the terms of sociological diagnostics

Labor motivation is a significant category of motivation in comparison with other types, which is aimed at initiating social contacts and demonstrating creative approaches in the implementation of labor activities. The general direction in the field of labor motivation is modeled in a complex of needs and requirements of employees of organizations, companies and/or enterprises, satisfied by them in the implementation of labor processes. The authors of this article studied the factors of labor motivation from the perspective of sociological diagnostics in such aspects as: economic, social, personal and organizational. Having an idea of the dominant criteria of labor motivation, you can see not only the essence of the «motivational field» of the company's employees in general, but also identify the individual motives of a specific employee of the organization for labor activity. Determining the factors of labor motivation today is especially relevant for the management of enterprises, which is engaged in the development of motivational models of personnel.

Key words: work motivation, work motivation factors, work motivation criteria, work motivation indicators, work motivation classification, work activity, work processes, work behavior.

Kravchenko V.I.

Kozlova O.Yu.

Harnessing the marketing power of artificial intelligence in harmony with efficiency and authenticity

The article examines artificial intelligence technologies as tools for regulating marketing representation, the image of artificial intelligence presented in the media, its specificity and evolutionary development. It shows how neural systems are implemented in balance with the authenticity of the content produced. The advantages and disadvantages of content created by artificial intelligence and the impact of marketing strategies on brand reputation are analyzed. This work aims to explore the issue of trust in artificial intelligence, to consider the factors identified to date that can be relied on in the process of introducing AI content into the collective consciousness. It is concluded that brand authenticity largely depends on the quality and quantity of AI materials in the advertising image.

Key words: authenticity, brand, positioning, content, marketing strategy, trust, reputation.

Lukinova I.A.

Man and society as parts of the modern Whole

The article considers the processes occurring in society and information space. Globalization of everyday human life, information and digital alienation of his social essence and increasing threats to his information security are defined as an important problem of human and social development. The necessity of traditional moral and legal laws as the main regulators of any human activity is shown.

Key words: information space, Homo informaticus, global information environment.

Pecherskikh S.P.

About modern approaches to understanding the philosophical category of «alienation»

The problem of alienation in the history of philosophy has always occupied one of the key places. The modern discussion about the forms of alienation acquires a special character in connection with the transformation of capitalism into a new socio-economic state of global society, which we call the beginning of a new era — the era of man-made civilization. The new social reality shows us the phenomenon of the emergence of new forms of alienation not only in the economic sphere of society, but also forms of alienation that have arisen as a result of civilizational transformations in other spheres of public life. Representatives of modern social philosophy undertake theoretical attempts to comprehend the essence of newly emerging forms of alienation. The materials of modern scientific publications draw our attention to the need for a careful study of human existence in the context of new forms of relationship between the individual and society. The study of the impact of the intensive development of informatization, digitalization, high technologies, bio-technologies, artificial intelligence on the mental and psychological state of people, the formation of a new system of social values and attitudes, the possibilities of self-realization and intellectual development of a person at work, his satisfaction with professional work, sometimes leads us away from the basic meaning of the term «alienation», which it's starting to be understood too broadly. The article presents an analysis of modern approaches to understanding the content of the concept of «alienation», as well as their commentary from the perspective of the philosophy of Marxism, the basic philosophical theory of alienation as a result of the essence of economic relations in society and their reflection on all forms of social relationships of individuals.

Key words: alienation, Marxism, individual's labor activity, social existence, social consciousness, technogenic civilization, wage labor, fetishism, depersonalization, deformations.

Popov S.I.

Doubling the World as an «architectural» Principle of metaphysics

The principle of the doubling of the world is contained in the very term «metaphysics», which denotes, first of all, the property of a person's spiritual life. The symbolic doubling of the world seems quite natural for the spiritual life of people, since the time when myth and religious beliefs completely dominated it. The trace of such a doubling remains in the mental life of modern man. The doubling of the world gives its being depth and «spatial» dimension, providing the «plane» of everyday circumstances and meanings with an additional «floor» of reality. Philosophy does not stand aside from the natural process of mental and spiritual doubling of the world, but tries to think it through in concepts. The quintessence of the metaphysical doubling of the world

turns out to be philosophical idealism, which ontologizes the logical relationship «general – particular» and considers the general to exist independently in the «higher» dimension of being. The everyday order of things thereby acquires a final justification: it turns out not to be an independent reality, but to be the fulfillment of a higher reality in a lower material.

Key words: metaphysics, ontology, doubling the world, idealism, being, higher, lower, everyday, profane.

Sirin S.A.

Legal nihilism, logic and legal consciousness: cognitive analysis

The author examines the specifics of the phenomenon of legal nihilism, namely the negative attitude towards law and law, which in modern reality is an extremely important issue both for jurisprudence and for the practice of public administration; Three meanings of the term have been identified - religious, philosophical and worldview and socio-political; a cognitive analysis of legal nihilism and the danger of modern approaches when using complex legal systems in the conditions of the legal space of the Russian Federation was carried out; the main arguments of supporters and critics of legal nihilism, various legal disciplines and trends are presented, and a number of well-founded opinions and objections against its spread in the legal field are presented.

Key words: theory of state and law, legal field, cognitive analysis, legal nihilism, law and morality, legal consciousness, legal motivation, philosophy of law.

Girnik M.N.

The nature of society's self-organization: some reasons and consequences

The article examines the models of ordering social life and structuring society, the processes of forming social consciousness, as well as the commitment of political power and culture to a vertical hierarchical model of society organization.

It has been established that socio-cultural resources, as well as awareness of obstacles to the formation of a maximally efficient Russian society, acquire special importance in the process of self-organization.

The author notes that it is the constitutional legislation that becomes the unique legal act that humanity creates in the course of understanding the nature of social self-organization.

Key words: power, trust, hierarchy, constitutional legislation, culture, rituals, society, solidarity, self-organization, traditions, values.

Druzhkin S.M.

Ruth McLean and her influence on the formation of modern bioethics in Latin America

The article highlights Ruth Macklin's contribution to the development of modern bioethics in Latin America, highlighting her concept of «moderate universalism» as key to combining global ethical principles with regional cultural contexts. The author emphasizes McLean's role in promoting women's reproductive rights and protecting vulnerable groups, which has become especially relevant against the background of social inequality and the historical legacy of colonialism in Latin American countries. The article also examines the critical reflection of McLean's ideas by local philosophers, including Florence Luna, whose studies of multi-layered vulnerability complement universal approaches with more subtle local adaptation. The article demonstrates how McLean's views contributed to the formation of a special direction of Latin American bioethics, focused on a balance between international standards and regional peculiarities.

Key words: Latin America, bioethics, Ruth McLean, Florence Luna, religious factor in bioethics, ethical relativism, reproductive rights, moderate universalism.

Авторы

Авакян Д.А. - кандидат политических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (НИУ «МЭИ»).

Аксюткина З.А. - кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

Буковцова Т.Н. - аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Ван Синьцзы - магистр 2 курс. Московский государственный университет.

Гирник М.Н. - кандидат философских наук, доцент. Российский Государственный Университет имени А.Н. Косыгина.

Глазкова Л.А. - кандидат социологических наук, доцент. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Гоу Юйюань - доктор, Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Баку, Азербайджан.

Данакин Н.С. - доктор социологических наук, профессор. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Данилова А.В. - кандидат философских наук, доцент. Высшая школа музыки и театра Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Дружкин С.М. - ассистент. Место работы Московский городской педагогический университет, Москва. SPIN-код: 7787-1862. ORCID: 0009-0005-6157-1928

Сторчак В.М. - доктор философских наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иванов М.С. - соискатель Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Кабанов А.М. - доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Уральский государственный горный университет. Негосударственного частного образовательного учреждения «Технический университета УГМК».

Казаков В.А. - студент 4 курса. ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток. SPIN-код 1631-5630

Козлова О.Ю. - студент. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Конев И.В. - доктор социологических наук, профессор. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Кравченко В.И. - доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Кудашкин А.И. - аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Кудина М.В. - кандидат технических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь. SPIN-код 2782-9949

Лукинова И.А. - кандидат философских наук, преподаватель. Северо-Кавказ-

ский федеральный университет, г. Ставрополь.

Мальцев Д.С. - учащийся магистратуры. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Мальцева И.В. - кандидат социологических наук, доцент. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Маруфенко Е.В. - кандидат педагогических наук, доцент. Высшая школа музыки и театра Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Мыльникова Е.М. - кандидат экономических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь. SPIN-код 6624-3790

Невраева Н.Ю. - старший преподаватель. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Печерских С.П. - кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия».

Попов С.И. - кандидат философских наук, доцент. Кемеровский государственный медицинский университет.

Пыркова Т.А. - кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Сирин С.А. - кандидат философских наук, доцент. ФГБОУ ВО Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России.

Слепцова Г.Н. - кандидат педагогических наук, доцент. Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск.

Чжан Кай - магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Шардакова И.С. - начальник управления. Территориальное управление Министерства труда и социального развития Пермского края по г. Перми. SPIN-код 2784-6613

Шкурлятьева Д.А. - соискатель философского факультета. Казанский (Приволжский) федеральный университет, ответственный редактор епархиальных изданий Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, кантор лютеранского прихода свв. Петра и Павла г. Выборга.

Янчев Д.В. - кандидат исторических наук, доцент. Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет.

Яценко О.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Authors

Aksyutina Z.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk.

Avakyan D.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor. National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Bukovtsova T.N., Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State Technological University.

Danilova A.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, High School of Music and Theater, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

Druzhkin S.M., Assistant at the Moscow city university.

Girnik M.N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Russian State University.

Glazkova L.A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Belgorod State Technological University.

Gou Yuyuan, Phd, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan.

Ivanov M.S., Candidate of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Kabanov A.M., Associate Professor of the of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ural State Mining University. Non-state private educational institution «UMMC Technical University».

Kazakov V.A., 4th year student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Federal University», Vladivostok. SPIN-code 1631-5630

Konev I.V., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State Technological University.

Kozlova O.Yu., Student. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Kravchenko V.I., Doctor of Philosophy, Associate Professor. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Kudashkin A.I., Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Kudina M.V., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm National Research Polytechnic University», Perm. SPIN-code 2782-9949

Lukinova I.A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, North-Caucasus Federal University, Department of Ethnology and Philosophy, Stavropol.

Maltsev D.S., Postgraduate Student. Moscow Automobile and Road State Technical University.

Maltseva I.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Moscow Automobile and Road State Technical University.

Marufenko E.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, High School of Music and Theater, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

Mylnikova E.M., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm National Research Polytechnic University», Perm. SPIN-code 6624-3790

Nevraeva N.Y., Senior lecturer of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Pecherskikh S.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, FGBOU VO Izhevsk State Medical Academy.

Popov S.I., PhD in Philosophy, Kemerovo State medical University.

Pyrkova T.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Shardakova I.S., Head of Department. Territorial Administration of the Ministry of Labor and Social Development of the Perm Territory for the city of Perm, Perm. SPIN-code 2784-6613

Shkurlyateva D.A., Graduate student of the faculty of Philosophy of Kazan (Volga region) Federal University, executive editor of diocesan publications of the Evangelical Lutheran Church of Ingria, cantor of the Evangelical Lutheran Parish of Saints Peter and Paul in Vyborg.

Sirin S.A., PhD in Philosophy, Associate Professor. Irkutsk State Medical University.

Sleptsova G.N., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Institute of Foreign Philology and Regional Studies Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk.

Storchak V.M., Doctor of Philosophy, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Wang Xinzi, Master's degree 2nd year. Moscow State University.

Yanchev D.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Far Eastern State Technical Fisheries University.

Yatsenko O.Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Zhang Kai, Master's Student of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.